

ЗВЕЗДА РУНЕТА

Янина Логвин

МОЛОДЕЖНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР:
самая популярная рукопись Рунета теперь в виде книги

Annotation

Новый город, новый университет и новые друзья. Что приготовила судьба для неприметной провинциальной девчонки, в репетиторах у которой вдруг окажется самый популярный парень университета? Возможно, серьезные неприятности с последним, а, возможно, любовь?

Что бы ни случилось в жизни Жени Воробышек в прошлом, с переездом в большой город она надеется начать жизнь заново. И пусть осколки разбитых надежд больно ранят, Женя обязательно справится с трудностями, даже если для этого бывшей танцовщице придется перевестись на сложный технический факультет, а чтобы не вылететь из университета – обратиться за помощью к лучшему студенту четвертого курса. Вот только колючий взгляд Ильи Люкова холоден и неприветлив, не похоже, что парень готов протянуть руку помощи отстающей студентке. Главное, наткнувшись на этот взгляд, не пожалеть о своем решении.

А прошлое, меж тем, надвигается на Женьку подобно снежной лавине, грозящей вот-вот снести ее с ног...

Яингина Логвин

Гордая птичка Воробышек

© Логвин Янина, текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*Роман посвящается моим дорогим читателям!
Самым лучшим и самым верным!
Эта история для Вас!*

– Евгения Воробей, если не ошибаюсь? – глаза немолодой, слегка полноватой женщины отрываются от цветного чертежа неизвестного мне двигателя, приштиленного магнитом к доске, и вспыхивают интересом, когда я, набегавшись по этажам второго учебного корпуса в поисках нужного кабинета, наконец, отворяю дверь и замираю на пороге широкой солнечной аудитории. С удивлением обводя взглядом неожиданно многолюдное помещение.

– Вы та самая новенькая, что в нынешнем году перевелась к нам из Н-ского университета в группу ТМ-П-1-1? – спрашивает она приятным низким голосом, и в ожидании ответа чуть склоняет к плечу каштановую в перманентных завитушках голову. – Специальность «Теоретическая механика и приборостроение», третий курс?

– Да, – киваю я, – та самая.

Я делаю неуверенный шаг вперед, собираясь с духом:

– Только я не Воробей, а Воробышек. Евгения Воробышек. И с этого года буду обучаться на вашем факультете.

Я говорю, обвожу скользящим взглядом аудиторию и закусываю губу в ожидании неизменных смешков, сопровождающих мою «птичью» фамилию всю сознательную жизнь.

Ну да, смешная она у меня, что тут скажешь. Уж какая досталась от отца-моряка – старшего мичмана Александра Воробышка. Знаю, звучит так грозно, что уржаться можно. Тем более что папка-то мой был ростом под метр девяносто, голубоглазый красавец-брюнет. Размах гордых крыльев ого-го! – не в пример фамилии! А я вся в мать: сероглазая рыжеватая блондинка, метр шестьдесят два с закрученным на макушке хвостом. Воробышек и есть!

Аудитория странно молчит и взирает на меня с немым интересом, и лишь когда я расслабляюсь и выдыхаю, откуда-то сверху долетает: «Эй, смотрите-ка, а птичка-то симпатичная! И как ее в наше воронье гнездо занесло? Воробышек, иди к нам! Залетная, привет!»

Я отворачиваюсь, поправляю на носу очки и смотрю на преподавателя. Держу спину прямо, подняв подбородок.

– Что случилось, студентка Воробышек? – спрашивает женщина строго, но без раздражения. Скорее пыливо. – Если не ошибаюсь, от общежития до учебного корпуса за последние тридцать лет расстояние не изменилось, по-прежнему две автобусные остановки. Пожалуйста, назовите причину вашего десятиминутного опоздания...

«Общежитие. Автобус. Остановка. Я спрыгиваю с подножки, с трудом извлекаю следом затертую между чужими бедрами сумку и бегу по парковой аллейке в сторону университета. Красный «Вольво» влетает на парковку перед учебным корпусом так внезапно, что я только в последний момент замечаю его. Автомобиль визжит тормозами, клюет носом, чихает и останавливается в том месте, где я стояла всего мгновение назад. Окно со стороны водителя ползет вниз, и я замечаю за тонированным стеклом голову бритого наголо парня с татуировкой над виском и яркую черноволосую девицу в солнцезащитных очках. Она змеей перегибается через водителя, откидывает на лоб очки и глядит на меня так зло, словно видит перед собой объект пожизненной ненависти.

– Эй! Смотри куда прешь, коза очкастая! Жить надоело? – орет высоким голосом. – Я тебе говорю, немощь ходячая! Если надоело, вали в свою драную общагу и соверши выброс тела из окна многоэтажки! Нехер под тачку оглобли кривые совать! Поняла?

Она тычет мне «Фак», кривит полные губы и вдруг бросает кому-то поверх моей головы:

– Так ее! Ну же, Люк! Дави! Проведи этой тупой девочке экзекуцию с задней позиции. Лиши ее, наконец, девственности, не то она сегодня напросится, клянусь!

Позади раздается шелест шин, затихающий рокот, и черный с огненными разводами мотоцикл едва не бодает меня в ягодицу. Точнее, это я так стремительно отскакиваю от таранящего меня алого автомобиля, что едва не налетаю на паркующуюся на стоянку спортивную «Хонду».

Я вскрикиваю от неожиданности и отпрыгиваю в сторону. Прижимаюсь спиной к двери какой-то серебристой иномарки, нечаянным прикосновением активировав сигнализацию. Резкий высокий звук взрезает слух, я вновь кидаюсь вперед, сажусь на корточки между мотоциклом и «Вольво» и начинаю быстро собирать в сумку рассыпавшиеся веером по асфальту книги с тетрадами. Тянусь пальцами за укатившейся ручкой и удивляюсь собственной невезучести: надо же, первый день в новом универе, а я уже, кажется, влипла!

Я сую в сумку учебник, еще один, когда краем глаза замечаю, как дверь красного авто распахивается и на землю ступает нога в белом кроссовке с известным боковым логотипом. Невысокий, крепкий качок вылезает из машины, опирается ладонью о широкий капот навороченной тачки и лениво щелкает в воздухе дорогой зажигалкой. Он так напоминает мне того, от кого я бегу, что еще ниже опускаю голову, стараясь на него не смотреть.

– Ба-а! Кого я вижу! – тем временем говорит бритоголовый и затягивается сигаретой. Выпускает в сторону мотоциклиста нестройную струйку дыма. – Сам Люков шикарной персоной. И ста лет не прошло, как вернулся в родную альма-матер. Ходили слухи, что ты уехал за границу и оставил универ. Какие-то проблемы, парень?

Подножка «Хонды» отходит в сторону, и мотоцикл мягко оседает назад. Я чуть поднимаю голову и вижу как парень в черной бандане и темной футболке, высоко открывающей взгляду сильные загорелые руки, звякает ключами, закидывает рюкзак на плечо и не спеша шагает к «Вольво». Я так и ахаю от возмущения, когда его мощный ботинок припечатывает к асфальту мой вывернутый наизнанку конспект по термодинамике. Вот же гад!

– Самсонов, не парься, – слышу я над собой спокойный, с легкой хрипотцой голос. – Мои проблемы – не твои, – отвечает мотоциклист, и мне кажется или я слышу, как он вплетает в голос холодное предупреждение. – На твоём месте я бы лучше озаботился кое-чем другим.

– Например? – настораживается качок.

– Например, горячим язычком своей болтливой девочки.

– А что с ним не так? – удивляется тот, который «Самсонов», и я чувствую затылком момент, когда качнулись невидимые жернова и хочу быстрее убраться отсюда. – Работает исправно. Правда, Лёля? – качок оборачивается к лобовому стеклу и подмигивает поджавшей идеальные губки брюнетке. – На все сто! Не завидуй, Люков.

– Он у нее работает вхолостую, и мне это не нравится, – просто сообщает парень в бандане. – Чаще затыкай ей рот чем-нибудь полезным, Самсон, иначе... – он медленно наклоняется к девушке и растягивает рот в недоброй ухмылке. – Иначе, детка, найдется тот, кто сделает это за него. И клянусь, тебе это не понравится.

Качок напрягается и шагает вперед. Сутулит плечи, хмурит брови, но я замечаю, как в его руке под взглядом мотоциклиста предательски вздрагивает сигарета.

– Кто? Может быть, ты? – шипит он, замирая на месте. – Советую не рисковать, Люков.

Двери «Вольво» громко хлопают, выпуская наружу брюнетку. Девушка неуклюже выползает из авто и, переминаясь на высоких каблуках, пищит:

– Эй, ребята, вы чего? Я же пошутила. Самсон, Люк! – девица по очереди оборачивается к парням, виновато хлопая искусственными ресницами. – Просто пошутила! Таких бестолковых дур, как эта провинциальная пересыпь, надо учить...

«Сама ты дура! И бестолковая, и очкастая!». Я неожиданно злюсь, быстро сгребая с земли сумку и бочком, бочком, пятясь за серебристую повизгивающую иномарку, пробираюсь к учебному корпусу, отчаянно молясь про себя, чтобы эта тройка не запомнила меня в лицо. Родной город с моей историей остался позади, и мне совсем не хочется на новом месте раньше времени обзаводиться недругами. Тем более, когда еще и друзей-то толком нажитых нет. Конечно, никто не говорил, что в огромном промышленном центре будет легче, чем в тихом провинциальном городишке, но надеяться на лучшее так хочется.

Я бегу вверх по пролету, минуя коридор, перепрыгиваю с одной лестницы на другую, еще коридор...

– Девушка, нужная вам аудитория находится в восточном крыле здания, третий этаж, от лестницы второй поворот налево.

– Спасибо!

– Это четвертый этаж. Спуститесь этажом ниже. Да не здесь! Вон, в конце тупика лестница, а там повернете направо и по воздушному коридору перейдете в крыло...

– Спасибо!

– Это аудитория № 320-1, а вам нужна триста двадцать седьмая. Вернитесь в центральный коридор и сверните в следующий рукав. Третья дверь по левую сторону.

– Спасибо!»...

– ... Дезориентация! – честно отвечаю своему грозному куратору и добавляю: – Извините, София Витальевна. Я немного заблудилась в незнакомом здании в поисках вашей аудитории и свернула не в то крыло. Обещаю больше не опаздывать. Разрешите пройти и занять место?

Женщина вздыхает, еще на секунду задерживает на мне внимательный взгляд, затем милостиво машет рукой в сторону длинных парт, занятых студентами.

– Садитесь, Евгения, – говорит устало, отворачиваясь к доске, – и впредь уважайте чужое время. Расписание лент известно заранее. Вы вполне могли заблаговременно ознакомиться с расположением учебных аудиторий вашей группы. Да садитесь же! – бросает за плечо.

– Спасибо! – звонко отвечаю, прижимаю к груди сумку и бегу вверх по наклонному возвышению, приветливо улыбаясь своим новым сокурсникам.

Ф-фух, пронесло!

– Ныряй ко мне, птичка! – неожиданно машет рукой симпатичный русоволосый паренек, едва я равняюсь с четвертым рядом парт, и отползает по скамье от края, освобождая рядом с собой место. – Меня Николкой Питерским кличут, – представляется шепотом, стягивая на свою половину учебники. Улыбается кривовато. – А тебя, значит, Женькой Воробей?

– Женькой Саблезуб! – рычу в ответ, юркаю за парту и выставляю в сторону нового знакомого розовые коготки. – Или Забодай-николку-насмерть! Не дразнись, я кусаюсь! – строго предупреждаю паренька, неласково пихая его в бок. – А ты и правда, что ли, Питерский? – шепчу, раскрывая сумку в поисках учебника. – Или шутишь? Как-то жаргонно твой профиль звучит.

Улыбка нового знакомого из кривоватой расплзается в широкую, а карие с зеленцой глаза лукаво щурятся:

– Шучу, амиго, – признается он. – Для близких друзей – Николай Невский, сын папы-атташе при посольстве в Испании. Приятно познакомиться!

Он тычет мне под партой руку, и я с готовностью жму ее.

– Вау! Поздравляю! И что это значит? – тихо вскрикиваю, прислушиваясь к словам куратора: «...неравновесная термодинамика. Реальные технические системы, с которыми имеют дело инженеры, являются неравновесными. А процессы, происходящие в них, – необратимыми...»

– Что? Да, в общем-то, ничего, – пожимает плечом симпатичный студент Невский. – Это значит, что ты мне нравишься и с этой минуты можешь называть меня Колькой. По рукам?

– По рукам! Ты мне тоже нравишься, Колька, – я возвращаю парню широкую улыбку, поправляю на переносице очки, задерживая на нем взгляд, стараясь повнимательней рассмотреть.

Парень тоже долго смотрит на меня. Затем кончики его губ игриво поднимаются, брови взлетают вверх, исполняя соблазнительный вальс.

– Слу-ушай, птичка! Две минуты знакомства, а ты что, уже запала на меня? – выдает Невский предположение, и мне тут же хочется треснуть его по макушке раскрытым учебником. Но он милый, черт возьми! И он мне действительно нравится.

– Дурак! Птички не клюют на крякозяблов! – уверенно заверяю, гордо тыча в твердую грудь пальцем. – А ты типичный крякозябл, Невский, на все сто!

Я бросаю на соседа еще один оценивающий взгляд и решаюсь добавить:

– Краснокнижный. Единственный и неповторимый.

Глаза парня округляются, а указательный палец в картинном жесте приставляется к виску. Эта игра забавляет нас, и он решает продолжить, изобразив на лице чистое удивление:

– Что-о, я крякозябл?! Господа, пустите пулю мне в лоб, ядохну!

– Бесполезно, Невский. Гринпис тебя воскресит и в качестве зомби будет пугать четырнадцатилетних нимфеток!

Я ничего не могу с собой поделаться и тихо смеюсь, склонив к соседу голову. Лоб Кольки тут же упирается в мой висок, и я слышу от него в ухо крамольно-пошлое и страшно-веселое:

– Чур тебя, Воробышек! Только не зомби! У меня же на нимфеток не встанет, и от моего позора содрогнется вселенная. Давай лучше вомпЁр, там хоть, в случае чего, клыки показать

можно.

Мы вместе прыскаем от смеха, и мне вдруг становится ужасно стыдно, когда я ловлю на себе внимательный взгляд преподавателя.

– ... представляет собой первое начало термодинамики... Студент Невский, я собираюсь перейти к уравнению баланса энтропии и узнать, справедливы ли для функции энтропии элементарного объема обычные термодинамические равенства? Вы позволите мне сделать это? Или предложите оставить эту научную мусть и вместе со всей аудиторией послушать ваш рассказ на тему: «Как я пересдавал экзамен»?.. Кстати, как продвигается ваше плодотворное сочинение? Рекомендую приступить к нему немедленно. И я, мои дорогие, ко всем обращаюсь! Хороший конспект – залог успешно усвоенного материала, а соответственно высокой оценки в зачетной книжке. Пожалуйста, – а это уже мне, – потрудитесь не зевать на профильном предмете.

Я опускаю глаза и замираю, уткнувшись в пустой стол. Молча чертыхаюсь, вспомнив забытую на дороге тетрадь с важными темами, достаю из сумки блокнот и начинаю старательно строчить текст вслед за словами куратора. Невский пыхтит рядом, усердно работая ручкой, но лишь голос куратора умолкает, тут же шепчет:

– Учеба, Воробышек, для кракозяблов прежде всего, даже для дохлых! – и выдает неожиданно, когда глаза преподавателя вновь спотыкаются о нас. – Продолжайте, София Витальевна, мы записываем!

Когда звенит долгожданный звонок, и студенты начинают дружное шевеление в сторону выхода из аудитории, на парту с глухим хлопком падает потерянный мной на парковке конспект. Я вздрагиваю и удивленно вскидываю голову навстречу бросившей его смуглой руке, но замечаю лишь ускользающий взгляд темных колючих глаз и удаляющуюся к выходу, обтянутую черной футболкой отлично сложенную спину.

Запомнил. Вот черт!

* * *

– Жуть. Ну и рожа! Я понимаю, Женька, если бы ты фото Димы Колдуна над койкой повесила, ну или Орlando Блума – он тоже вполне себе симпатичный чел, но этого очкастого троглодита?! Бррр! Нет, Воробышек, ты извращенка, клянусь! Тебе же с ним спать не один год мордахой к фэйсу, надеешься, сердечко выдержит?

– Выдержит, – отвечаю я, вгоняя в журнальный портрет Стивена Кинга последнюю кнопку, и признаюсь, оглаживая рукой яркий глянец. – Я этого очкастого троглодита, как ты выразилась, Крюкова, между прочим, очень люблю. Большой и толстой любовью.

Я оглядываюсь на вошедшую в комнату темноволосую девушку и сползаю с кровати. Говорю с упреком, наблюдая, как моя соседка по комнате в общежитии отваливается от вешалки у входной двери, устало сбрасывает с ног высокие каблуки и шлепает с полными сумками в руках и громким «Уфф!» к столу.

– Ты чего так поздно, Тань? Или скорее рано? Записки не оставила, телефон отключила, мне твой отец за последнюю ночь раз десять звонил. Ты не забыла, что такое совесть, Крюкова?

Танька невозмутимо вскидывает бровь и задумчиво ведет плечом, водружая сумки на стол рядом с моим ноутбуком. Лениво подавляет непрошенный зевок.

– Понятия не имею. Какой-нибудь злобный зверек из семейства душегрызов?..

Она плюхается на стул, потрошит рукой сумку и, закинув ноги на мою койку, извлекает на свет кольцо сухой колбасы. Разломив на две половины, протягивает одну мне, вгрызаясь в оставшуюся в руке ароматную копченость довольным ртом.

– Жашени хавчик, Шень! Правда, Фофка у меня молоток?

– Та-ань! – я стаскиваю с волос мокрое полотенце, запуская им в наглое лицо. Ухватив соседку за пятки, сбрасываю ее ноги с койки и решительно отбираю подарок. Вернув его в сумку, гляжу на девушку с сердитым укором.

Танька фыркает и отплеывается. Практично оттирает о полотенце руки и сморкает нос. Говорит со вздохом, обиженно отбрасывая махровый кусок ткани в сторону.

– Серебрянский в деревню к предкам возил знакомить. Пока стол собрали, хозяйство посмотрели, тетку вниманием уважили... В общем, задержались чуть дольше запланированного. Да еще на обратном пути у Черехино в машине застряли, представляешь? Так дорогу от дождя развезло, что думали без эмчезсников до утра и не выберемся. Кошмар!

Я смотрю в Танькины честные глаза, на яркий засос на шее, в виде багрового месяца, под самым подбородком, на заметно припухшие от крепких поцелуев губы и сочувственно жму плечом.

– У Черехино? Там где виллы богатеньких? Ясно... – вспоминаю новую бетонную трассу, по которой возвращаюсь в свой родной город мимо дорогого поселка. – Ну, ты бы хоть телефон не отключала, Крюкова, что ли, пока вертолетчики в эпицентр катаклизма слетались. Уж если не совесть, то хоть уважение к своему отцу имей. Я же не Шахерезада, ему сказки вторую ночь подряд рассказывать.

Глазки девушки виновато прячутся за припавшими веками, но вдруг выстреливают из-под ресниц безудержным весельем.

– Умная, да? – хихикает Танька, разворачивается на стуле и утыкается носом в мой раскрытый ноут. Предлагает, легко отмахнувшись, скользя цепким взглядом по строчкам ворда, устраивая остренький подбородок на кулачки. – Ну и рассказала бы что-нибудь из своего, Воробышек! Подумаешь! Какой-нибудь душераздирающий квест-хоррор! Ты же у нас по ужасикам мастерица. Выдала бы моему папашке что-нибудь кровожадное и ядовитое на ночь глядя. Из серии «Знойные девицы исчезают в полночь»!

– Не смешно, Крюкова, – сердито замечаю я. – Думаю, сегодня твой отец мой сомнительный талант вряд ли бы оценил по достоинству. Тем более ужасик с главной героиней в лице его дочери.

– Думаешь? – бесхитростно удивляется девушка и тихо раздражается. – Задолбал своей опекой! Где была? Кому дала? С кем спала? Как будто мне не двадцать, а пятнадцать, честное слово!.. Тэ-экс, что тут у нас... – бесстыдно таращит в ноут любопытные глазки. – О-о! – загадочно выдыхает и вновь тянется за колбасой. – «Послушник тьмы», пьес-са! Действующие лица...

– Тань, – я решительно сворачиваю текст и сгоняю девушку со своего насиженного места. – Давай потом, а? – предлагаю, включая чайник. Пододвигаю к краю стола завернутую в два полотенца, приготовленную на тихой общежитской кухне прошлой ночью тушеную картошку с грибами.

– Мне через два часа контрольную по «деталям машин» сдавать. Я и так дуб дубом, а тут еще из-за тебя вторую ночь без сна...

– Воробышек, я тебя люблю! – урчит довольной кошкой Крюкова и смиренно уползает в

свой занавешенный яркими киношными постерами уголок. Через минуту гремит кастрюлькой и мило щебечет с родителем. А я сажусь за стол, открываю конспект, запускаю руки в волосы и ерошу мокрые пряди. И повторяю, повторяю в который раз такое чуждое и непонятное:

«...формула Журавского, в рамках принятых допущений, позволяет с достаточной степенью точности определить значение тангенциального напряжения в точках сечения. Для которых отношение линейных размеров удовлетворяет неравенство...»

* * *

Послушник тьмы

(Пьеса)

(Отрывок)

Действующие лица:

Трактирщик

Прохожий, он же Гость

Бродяга

Филиппа, служанка

Солнечный полдень. Трактир у дороги. На широкой крытой гонтом веранде, увитой зелеными лозами винограда, за небольшим столом, уставленным нехитрой снедью, сидят двое мужчин и тихо беседуют. Один из них – крупный седой мужчина с рыхлыми покатыми плечами, другой – молодой человек лет двадцати пяти, в поношенном дорожном платье и прибитой пылью обуви. На столе овощи, мясо, хлеб; чуть в стороне – кувшин темного вина. Время от времени пожилой хозяин трактира властной рукой щедро наполняет из кувшина бокал гостя.

Трактирщик (*задумчиво; глядя на уходящую в степь дорогу*): Не весел нынче день, безлюден тракт. Куда ни кинешь взгляд: всё тишь да гладь. Всё зноем сломлено, а без заблудших душ Хосе копейки звонкой не видать. Э-эх, гость, один сегодня у меня ты на постой, ну, да и чёрт... (*Спохватившись, трактирщик в сердцах сплёвывает под ноги и осеняет себя крестным знаменем.*) Прости, да и Господь с тобой! (*громко*) Эй, Филиппа!

На ступенях крыльца появляется служанка. В её руках корзина, доверху наполненная тёмными гроздьями винограда.

Трактирщик: Филиппа?

Служанка: Да, синьор?

Трактирщик: Филиппа, погляди с порога, а не пылит ли там дорога? Не едут ли купцы Омара в порт? В пору б запастись товаром. В порту, наемдни я слышал, у Чёрных скал корабль пристал. Да всё сукно из Арагона и из Севильи санфаянс. Барыш упустим, ровен час!

Гонец портовый отбыл? Нет? Хотелось бы узнать ответ. Ты, может, что сама слышала?

Служанка (*пожимая плечом, лениво оглядывая дорогу*): Не больше вашего узнала. Гонца того уж след исчез, оповестить спешит окрест. Прибьется люд, мой господин, на округ весь – лишь наш трактир. Попомните мои слова, коль окажусь я не права: не сядет солнце за порог – как будет полон наш чертог. Не быть мне честною вдовою, коль обойдет вас стороною купцов торговый караван. Вот и наполним ваш карман. А нынче дел полно в саду. Я с позволения уйду? Сеньор Хосе?

Трактирщик (*отмахиваясь*): Ступай себе! Иди, Филиппа! Стол полон и вино налито. А гостю я скучать не дам, придется – услужу и сам. (*Бормоча под нос.*) Чай, не навозный жук какой, а дел своих мастеровой. (*Громко.*) Ступай-ступай, моя душа! Да торопись там не спеша! Мне труд до пота ни к чему. Хороших слуг я берегу!

Филиппа (*кивает трактирщику и обращается к Гостю*): Готова комната, синьор. Хозяин мой на слово скор. Удобно ль будет отобедать вам здесь, где вид на общий двор?

Трактирщик (*удивленно*): На общий двор, так что ж плохого?..

Гость (*обводя взглядом горизонт*): Здесь вид отменный, право слово! Давно не видывал такого, чтобы и море, и простор... И лес, и степь, и гряда гор. Я с благодарностью, синьора, иной отвергну приговор.

Филиппа, поклонившись, спускается с крыльца и исчезает за плетеной оградой. Проводив служанку взглядом, трактирщик поднимает кувшин с вином и вновь до краев наполняет бокал гостя.

Гость: Неловко мне... Ты щедрою рукою мне зелье дивное, хозяин, подливаешь, что меда слаще кажется в стократ и поцелуя девушки... Не знаешь? Не расплачусь с тобой я...

Трактирщик (*лениво отмахиваясь*): Полно, брат. Пей вволю! Рад узнать ты будешь, что оно не убывает.

Гость: (*удивленно; утирая губы от вина*). Возможно ли такое? Так бывает?!.. Бывает так, что полнится вином сосуд людской, возделанный руками? Руками грешника бесправного, не Бога? Кому дорога в рай – в чистилище дорога?

Трактирщик (*нерадостно*): Случается.

Гость (*с интересом*): Что чаша полнится вином сама?.. Без твоего участия?

Трактирщик (*грустно*): О, да...

Гость: Тому причина есть, иль вольный случай?

Трактирщик (*пожимая плечами, раздумывая*): То ведомо не мне, сынок, – Творцу. Иль лучше дьяволу, что всех ведет к концу небезызвестному, соблазном искушая испить кувшин волшебного вина. Вина забвенья, совести вина, и даже смерти. Это кому как. (*Вздыхает.*) Пособник в этом я ему...

Гость (*легко*): Чудак.

Трактирщик (*удивленно вскинув бровь*): Чудак? Ты обо мне сказал...

Гость (*с улыбкой, глядя сквозь искрящийся в руке бокал вина на уходящие к морю стройные ряды виноградника*): Да. Так. Коль право первенства Всевышнему вверяешь, а то и вовсе – ангелу, низвергнутому с небес сто тысяч солнц оплавленных в руду. (*Вдыхая полной грудью.*) Вот отдохну, отец, с дороги, и уйду. И заберу с собой вкус цвета моря. И аромат нежнейший пышных трав в соитье с виноградною лозою. Отдашь нектар?

Трактирщик (*с чувством подавшись вперед*): Буду только рад! Коль в руки он тебе пойдет с судьбою, отдам нектар премножив во сто крат! (*Осторожно.*) А выдержишь ли ношу, я спрошу?!

Гость (*полушутя*): Ты с гостем щедр, трактирщик, погляжу! А ношу... (*Разведя руками.*) Ну что ж, отец, не выдержу, так брошу. Вином дареным землю окроплю.

* * *

– У вас проблемы, Воробышек, да какие! И два насущных вопроса: «Почему так случилось?» и «Что делать?»

Пожилой мужчина отводит глаза от журнала, поднимает седую голову и нервно постукивает колпачком ручки о поверхность письменного стола. Смотрит на меня изучающим взглядом все время, пока я неловко мнусь на пороге его кабинета, не решаясь присесть на предложенный мне стул.

– Да садитесь же, Евгения! – наконец устало выдыхает он, и я, словно подкинутая вверх пружина, делаю несколько стремительных шажков к столу, послушно опускаясь на краешек сиденья.

Я кусаю губы, не решаясь взглянуть на декана, на совершенно незнакомого мне, но так много сделавшего для меня человека, и старательно рассматриваю царапающую стекло, покрытую инеем голую ветвь тополя за окном. Несколько раз мучительно вздыхаю, прежде чем найти в себе смелость глухо прошептать, уткнув взгляд в жемчужную булавку галстука:

– Эм, у меня? З-здравствуйте, Юрий Антонович.

Прозрачный колпачок катится по столу, а светлые с темным зрачком глаза мужчины буравят меня, кажется, насквозь.

– У вас, Воробышек, у вас! Две контрольные по профильным предметам завалены. Еще три натянуты не без моего вмешательства на минимальный проходной балл. Одна лабораторная по моему предмету сделана кое-как, второй нет вовсе. Впереди работа над курсовой... Я вынужден вернуться к первому извечному вопросу: «Почему так случилось?»

– Я... я...

– Когда Валентина просила меня помочь тебе с переводом в наш университет, Евгения, я не думал, что мне придется краснеть за свою невольную протезе перед своими коллегами. Надеюсь, что не возникнет причин огорчать плохими новостями твою мать – некогда лучшую студентку моего факультета! Я ожидал и надеялся на помощь с твоей стороны!

– Я...

– Черт! Чем думала Валентина, отправляя тебя учиться на такой сложный факультет?.. Сама из профессии ушла, а дочь на свой путь... Скажи мне, Воробышек, зачем?

– Конкурс был небольшим, умер папа, вы же понимаете... Да еще и я, все детство танцами занималась – тренировки, соревнования, какая уж тут учеба... А мама, она мне здорово помогала... дома.

– Дома! Но не здесь! – приподнимается с кресла мужчина, но тут же тяжело оседает обратно. – Я знаю, что к переводу тебя вынудили причины личного характера, и не намерен вытаскивать их на поверхность, мотивируя свое вмешательство в твою студенческую жизнь твоими прошлыми проблемами, но, Евгения, будем честны перед собой: никто не обещал, что будет легко! Возможно, спокойнее для тебя в эмоциональном плане, но не легче!

– Юрий Антонович...

– Помолчи! Ты перевелась к нам по бюджетной основе?

– Д-да...

– И вопрос с бюджетом решался непросто, как ты понимаешь. И вот тут самое время перейти ко второму наиболее важному вопросу: «Что делать?» Так что же нам с тобой делать, а, Воробышек?

– Я постараюсь лучше учиться. Я уже стараюсь, правда...

– Если ты хочешь хорошо сдать сессию и остаться со стипендией... Хотя, о чем я говорю, – мужчина отворачивается к окну и постукивает ногтем мизинца о стол, – какая уж тут стипендия. Тут хоть бы хвосты подобрать... – вновь смотрит на меня долгим изучающим взглядом, после чего скрещивает перед собой полноватые кисти рук. – В общем, так, Евгения, – выдыхает недовольно, поджав подбородок, – не мешало бы тебе задуматься о занятиях с репетитором. Как можно больше часов. Это необходимое условие, если ты хочешь и дальше обучаться на моем факультете. Сама ты вряд ли осилишь спецкурс, а краснеть за тебя, попустительствовать и покрывать далее твое нерадивое отношение к учебе своим именем – я не намерен. Прости, девочка, никогда не любил нерадивых студентов.

– Но я... Юрий Антонович, я не могу позволить себе платного преподавателя! – я вскидываю глаза и смотрю в уставшее лицо декана. – Я попробую сама! Юрий Антонович, пожалуйста... Пожалуйста! – прошу, утыкая беспомощный взгляд в пол и поправляя съехавшие на нос очки. – Не звоните маме.

Только не вылет из университета! Я не буду есть, спать, дышать, говорить. Я сдам-пересдам все хвосты, клянусь! Я заставлю свой мозг работать на сто двадцать процентов и даже больше, выбросив из головы всю вертящуюся в ней творческим вихрем чушь! Я сделаю невозможное и проглочу целый мир! Я...

О Господи, что же мне делать?

Рука декана раздраженно ударяет о стол, и я вздрагиваю. Смотрю, как мужчина что-то отрывисто пишет в блокноте, отрывает лист и протягивает мне.

– Это то, что я могу сделать для вас, Евгения. Вот. Четвертый курс. Лучшие курсовые и контрольные работы за последние несколько лет. Возможно, вы виделись и знакомы с этим студентом – у третьего курса совместно с четвертым проходят лекции нововведенного в этом

году спецкурса теоретической механики. Обратитесь. Если что, сошлитесь на меня. До свидания, Воробышек.

И звонок по внутренней связи:

– Алена Дмитриевна, пригласите ко мне ваших орлов – Татарищева и Балагурова. Это по вопросу поездки в столицу с вышеозвученным вами докладом. Да, и передайте Семену Викторовичу, если он вдруг освободится раньше меня, что я буду на совещании ровно к трем. И, пожалуйста, уговорите Леночку прислать своих драгоценных аспирантов, ну должна же она войти в наше положение, в конце концов! Что она как неродная...

– Д-до свидания, Юрий Антонович. Спасибо.

Я выхожу из кабинета декана и на негнущихся ногах топаю по коридору. Спускаюсь по пролетам лестниц в холл, иду к раздевалке, и только когда натягиваю на плечи шарф, а на голову шапку с помпоном, подношу к глазам скомканный в ладони лист, разворачиваю его и читаю: «Люков Илья, группа ПД-2-1...»

* * *

– Ой! Вы только посмотрите на нее! Какая важная цабэ! Не переломишься! Подумаешь, всего-навсего подойти к какому-то Люкову, жалко скуксить симпатичную мордочку и построить глазки! Учить тебя, что ли, надо, Женька! – возражает на мои вялые протесты Танька, скатывается с койки, садится на подоконник и начинает подавать сигналы мерзнущему под мокрым снегом второй час ненаглядному «Фофке». – Да иди! Иди уже, Серебрянский! Вот дурачок... – улыбается и крутит у виска пальцем. – Замерзнет же! Вовка! – кричит, вспрыгнув белкой на подоконник и сунув голову в распахнутую форточку. – Марш домой! Не то я буду так торчать всю ночь! Слышишь! Простужусь и умру! Будешь тогда снегурочке на могилку цветочки носить!.. Не хочешь?!.. Ну, тогда на счет три я снимаю кофточку и показываю всем истосковавшимся по Амстердаму и кварталу уличных фонарей твой подарок на день рождения!.. Воробышек, тащи лампу!.. Ах-ха-ха!.. Давай, пока! И я тебя!

Крюкова ловко спрыгивает на пол, подходит к столу, за которым я сижу с опущенной на руки головой, и обнимает за плечи.

– Женька, ну что ты, в самом деле?.. – говорит тихо, опуская подбородок мне на плечо. – Ну не убьет же он тебя, этот страшный студент, м? Ну пошлет, если невежливый слишком, потискает слегка – если голодный, так с тебя же не убудет? Хоть расслабишься от своей учебы. Нарастись через удовольствие недостающий рейтингу стипендиата айкью.

– Тань, ну что ты за глупости говоришь...

– Или сама его пошли куда подальше. Первая! – Крюкова садится попой на стол, снимает с моего лица очки и надевает на себя. Задирает воинственно подбородок. – Прошла гордо и растоптала! Не хочешь, мол, заниматься мной...

– Тань!

– То есть со мной, – хмыкает Танька, – пшел к черту, идиот! Жизнь кончена! Сам виноват в своем несчастье!.. Жень, – смотрит на меня участливо, возвращая очки; заправляет кудрявую прядку мне за ухо, – ну хочешь, я сама подойду к нему и попрошу. Ты только скажи, где его можно найти в вашем корпусе, этого умника Люкова. Ну, не станет же он с тебя втридорога драть? Твоей зарплаты наверняка хватит!

– Не хватит, Тань, – вздыхаю я, глядя в окно на сереющий день. – Да и не хочу я с ним

связываться, даже подходить не хочу. У них на курсе такие типы неприятные крутятся, куда мне со своей провинциальностью. Да и стыдно будет, если откажет.

– Так, может, не откажет! Если попросишь хорошо!

– Откажет, – отмахиваюсь я. – У него взгляд на людей такой, словно нет никого вокруг.

– Что, очередной доморощенный нарцисс? – Крюкова брезгливо кривит губы.

– Да нет. Скорее птица одиночного полета, – признаюсь, вспоминая темную фигуру Люкова в извечной бандане, изредка встречающуюся в коридорах учебного корпуса, маячившую на задворках учебной аудитории.

– Надеюсь, птица хищная? – ухмыляется Танька, расплываясь в улыбке. – Если да, то в твоём контексте, Воробышек, – нагло хихикает, – звучит интригующе.

– Издеваешься? – Я закрываю ноут с контрольными тестами и устало тру глаза. Поднимаюсь, потягиваюсь и смотрю на часы. Без пятнадцати пять. Пора на работу.

* * *

Я работаю в центральном супермаркете города шесть дней в неделю, с пяти тридцати до половины десятого вечера и кое-как свожу концы с концами. Стипендии у меня нет, ошибся Юрий Антонович, а тянуть с матери больше, чем она может дать, мне не позволяет совесть. Жизнь в промышленном центре дорогая, а у нее двое близнецов на руках и больная мать.

Я выхожу из подсобки магазина уже в форме и иду через весь зал в отдел овощей. Просмотрев полупустые полки – время час пик и товар исчезает в руках покупателей, словно магический шар под объемной полкой волшебника, – возвращаюсь к старшему продавцу отдела, занятому у огромного рефрижератора приемом товара, и прошу выделить мне в зал грузчика.

Эльмира коротко приветствует меня, кивает головой и машет рукой в сторону разгружающего с тележки ящики со спиртным Сергея, – молчаливого парня лет двадцати пяти.

– Серега! Терентьев! Помоги воробышку капусту выкатить в зал! И семь ящиков грейпфрутов! С самого утра стоят! Жень! – это уже мне. – Я тебя умоляю, оставь в покое яблоки. Ты зачем вчера выставила новые на витрину? У меня же старых еще двадцать ящиков! Пропадут, без зарплаты будем! И перебери мандарины, те, что с испанской маркой. У нас через час переоценка!..

– Эль! Там морковь просят польскую, есть? Говорят, обещали вывезти в зал двадцать минут назад...

– Да полно! Серега! И морковь, ладно?.. Василий, погоди фыркать! Что значит, ты ни при чем? У нас конец месяца на носу, а ты товара сколько привез? Конечно, только с управляющей... Кать, ты что, уже сменилась?.. Кликни ко мне Елизавету Александровну, накладные подписать...

Я иду в отдел и перебираю товар. Убираю старый, раскладываю новый, заменяю ценники и мою полки, пока не заканчивается моя рабочая смена. И думаю. Думаю все время, пока работаю и бреду к остановке. Пока стою на подножке и смотрю в темное автобусное окно. Думаю, как не вылететь из университета и как подступиться к этому старшекурснику Люкову.

Вот же черт!

В большом университетском буфете полно народу. Перемена между лентами тридцать минут, и в воздухе стоит плотный аромат ванильной сдобы, горячих хот-догов и кофе. Он сидит за крайним столиком в углу, у низкого окна, в обществе двух ярких девиц. Игнорирует их кокетливый щебет, медленно пьет кофе и листает мобильник. Я топчусь на пороге буфета третий день подряд, каждый раз в последний момент пасуя перед возможным с ним разговором. Я слишком хорошо помню нашу первую встречу, возвращенный конспект и допускаю, что он узнает меня, а мне так не хочется выглядеть жалче, чем я есть. Так не хочется. Ведь мне нечего предложить ему, но есть, что терять...

Я упрямо продолжаю стоять, пока студенты, все до единого, не покидают буфет. Какой-то веселый парень останавливается возле меня и, между прочим, интересуется, не ему ли я назначила здесь свидание? Получив в ответ растерянно-смущенное: «Извини, в другой раз, хорошо?» – представляется Валерой и с серьезным видом обещается прислать со своим секретарем прекрасной даме визитку. Видимо, шутка смешная, его товарищи дружно ржут, хлопают парня по плечам и утаскивают прочь, а я стою у входа еще три с половиной минуты, переминаясь с ноги на ногу, теребя ремешок наручных часов, пока Люков, наконец, не скидывает голову, не отодвигает чашку и не упирается в меня безразличным холодным взглядом.

Спокойно, Женька! Медленно выдохни и задержи дыхание. Еще ничего страшного не произошло!

Он долго молчит вместе со мной, и не думая разрывать взгляд, а я почему-то все боюсь вздохнуть. Затем лениво встает, двигает стулом и проходит мимо. Его плечо почти касается моего, а рюкзак хлопает по груди. Я делаю шаг в сторону, набираю в легкие воздух и неожиданно звонко произношу:

– Илья!

Ну вот, я это сделала, сказала. Теперь бы еще набраться смелости попросить.

Люков сбавляет шаг и нехотя поворачивает в мою сторону подбородок. Пока я думаю, что сказать дальше, стоя за его спиной, он вновь отворачивается и идет прочь по широкому коридору.

– П-подожди! – я срываюсь с места и догоняю его уже у самого поворота на лестничный пролет. Набравшись духу, выпаливаю на одном дыхании, решительно преступив молодому человеку путь. – Здравствуй, Илья! Я Женя Воробышек! Я хотела спросить, точнее попросить... В общем, мне очень нужна твоя помощь. Послушай...

Он все еще движется, когда останавливает шаг, и я неожиданно для себя оказываюсь прямо перед высокой фигурой. Так близко, что натыкаюсь на волну тепла и затаенной мужской силы, исходящую от обтянутого тонким трикотажным джемпером тела. Я замираю в каких-то десяти сантиметрах от груди парня и делаю поспешный шаг назад, нерешительно мигая на Люкова серым взглядом сквозь стекла очков. Мне знаком подобный жар, я его ненавижу и боюсь, но отступить уже поздно.

Мои глаза упираются в смуглую шею парня, затем поднимаются на подбородок. Я закусываю губу, сжимаю руки в кулачки и гляжу на темную ямочку под сжатым ртом, и только потом решаюсь взглянуть в глаза. Светло-карие и колючие, под темными бровями. Он смотрит вверх моей головы, словно и нет меня перед ним, и ждет, что скажу дальше, а я

внезапно от его равнодушия теряюсь и замыкаюсь, понимая, насколько глупо выгляжу со стороны.

– Слушаю, – устало говорит Люков, сует руки в карманы джинсов и выжидающе поднимает бровь. Мышцы на его предплечьях и бицепсах рельефно напрягаются, и я ловлю себя на мысли, что таращусь на него, думая не пойми о чем. – Итак, – раздраженно добавляет, когда мое молчание затягивается. – Две минуты прошло, я все еще надеюсь на содержательный разговор. Так что ты от меня хочешь?

– Понимаешь... Ты меня скорее всего не помнишь, – я начинаю мямлить, отлично зная, что вру. – Мы иногда встречаемся на совместных лекциях... Вчера я смотрела твою курсовую работу за второй курс, чертежи... В общем... Илья, у тебя здорово получается справляться с учебой. Да ты и сам, наверно, знаешь...

– Давай ближе к теме, Воробышек, я спешу.

– А? Да, конечно, – киваю я. – Понимаешь, оплачивать уроки дипломированного специалиста мне не под силу, но ты... Возможно, ты мог бы позаниматься со мной. Х-хотя бы попробовать. Всего пару часов в неделю, не больше! – спешно заверяю, когда глаза Люкова, наконец, снисходят до меня. Я пытаюсь улыбнуться, отвечая на его удивленный взгляд, помня наставления Таньки, но, судя по бесстрастному выражению лица парня, улыбка моя рисуется жалые некуда. – Я тебе заплачу! Немного, но все-таки... Ведь тебе наверняка деньги не будут лишними, – вставляю ужасный по своей никчемности аргумент. Оценить неброскую, но дорогую одежду Люкова даже такая провинциалка как я вполне способна. – А я, ты не думай...

– Заплатишь, я понял, – холодно отзывается Люков и говорит, небрежно отодвигая меня с пути, ступая на каменные ступени лестницы. – Считай, что ты попробовала. Сочувствую, детка, но мне это не интересно.

Я так и знала! Карточный домик моего спасения стремительно рушится на глазах, так, впрочем, и не воздвигнутый моими неумелыми руками до конца. Извини, мам, прости пап, что не оправдала ваших надежд. Но это выше моих сил, клянусь! Пора с мечтами расставаться. И все же бормочу, ни на что больше не надеясь:

– Но Юрий Антонович, он говорил... Он сказал, что ты... Что я могу к тебе...

Люков слетает со ступеней в один прыжок. Впивается руками в лаковые деревянные перила по обе стороны от меня, как коршун в загнанную добычу. Нависает надо мной, поймав в кольцо сильных жилистых рук.

– Что? Что тебе сказал Синицын? – шипит мне в лоб, теряя прошлую невозмутимость. – Воробышек, мать твою! – прижимается грудью к моей груди. – Какого черта?!

Я вжимаюсь спиной в перила и замираю. Боюсь вздохнуть под этим внезапным натиском. Реакция Люкова на мои слова так резка и неожиданна, что я совершенно теряюсь от произошедшего и только глупо пялюсь в его темные, требовательно-сощуренные глаза.

– Какая сцена! Уймись, Отелло! – долетает откуда-то с верхних ступеней.

– Не универ, а дом терпимости, ей-богу! – хихикают две молоденькие девчонки, вспархивая мимо нас по лестнице, и со смыслом закатывают глазки.

Я коротко смотрю им вслед и вдруг замечаю свои скрюченные пальцы, намертво вцепившиеся в широкие плечи Люкова.

Господи! Да что я в самом деле...

– Извини, – говорю тихо, пытаюсь оттолкнуть от себя парня. Не без труда выкручиваюсь из кольца его напряженных рук. – Ничего особенного Синицын не сказал, – признаюсь,

пяться назад и замечая, как Илья добела сжимает губы. – Видимо, ты неправильно меня понял, Люков. Извини и забудь! – еще раз выдыхаю и спешу убратсья от этих колючих глаз прочь, ни на что уже больше не надеясь.

Вот черт! Как же это все непросто!

* * *

– Воробышек, что случилось? Что за угрюмый фэйс? Тебя что, заклевали во сне перепелки? Или достала со своей любовью эта твоя Крюкова? Что случилось, Жень? Ты время видела?

Колька Невский подваливает ко мне под аудиторию, где я сижу второй час в ожидании преподавателя и оценочного вердикта своей пересданной лабораторной, и опускается рядом на подоконник. На его шею широкий красный шарф, на встопорщенном затылке двухдюймовые наушники, а в руке стаканчик с горячим кофе. Я с томительным прищуром тянусь к ароматному напитку носом.

– М-м... – гляжу на Кольку грустными глазами и строю умильную рожицу.

– На уж! Страждущая! – не выдерживает Невский, со смехом передавая кофе в мои голодные руки. – Второй стаканчик допить спокойно не дают! Развелось вас тут, нахлебников. То Вилька Горохов – вечный студент с пятого, теперь ты. Долго еще будешь под кабинетом торчать?

Я делаю длинный глоток, еще один и пожимаю плечом.

– Не знаю, Коль, – честно признаюсь, грея о стаканчик ладони. – Но с пустыми руками я отсюда не уйду! Буду канючить тройку, стоя перед Игнатьевым на коленях, пока не разжалоблю его черствое сердце. Что мне еще остается?

Две ночи трехчасового сна и четыре пройденных пошагово темы – я очень надеюсь преуспеть. Вера в себя изрядно подпорчена низкими баллами, перспектива успешной сдачи сессии рисуется нерадостная, но я упрямо ишу в затянутом тучами небе успеваемости хоть малейший голубой просвет.

– Не хватало, Воробышек, перед аспирантами-недоучками преклоняться! Тем более такими, как дамский любимчик Игнатьев. Гляди, проморгаешь девичью честь! – недовольно фыркает Невский, тянет из сумки шоколадный батончик и сует мне в руки. – На, подкрепишь, птичка, а то на тебя смотреть тошно. Не юная цветущая дева, а бледная как смерть упырица. Одни глазюки отощавшего лемура чего стоят! – Колька встает с подоконника, собираясь уходить, и по-дружески жмет мне плечо. – Ладно, не дрейфь, подруга, – по-отечески наставляет. – Я в тебя верю! Зря, что ли, с тобой на последней ленте как дурак-заучка над графиком корпел. А я этого не люблю, ты ведь знаешь. Адьё!

Не любит, знаю, но помогает как настоящий друг, а потому я благодарно улыбаюсь и посылаю вслед Кольке воздушный трепетный поцелуй, который парень с готовностью припечатывает к своему сердцу, и поднимаюсь навстречу показавшемуся из-за угла преподавателю.

* * *

– Деточка, ты Воробьева? – пытливо спрашивает старушка-уборщица, отворяя дверь раздевалки в малом вестибюле, и смотрит на меня из-под хмурых бровей озадаченным цепким взглядом. – По всему, кажись, похожа.

– Я Воробышек, – устало отвечаю ей, протягивая номерок. Достая из сумки шапку и натягиваю на голову. Время почти пять, в раздевалке висят всего три куртки и плащ... Ей точно нужна я, но уточнять и любопытствовать – сил лишних нет. Пересдать работу удалось на четверку, я рада этому безмерно, и печать усталости и недосыпа мешает надеть на лицо широкую улыбку. Стараясь все же вежливо улыбнуться пытливым глазам, я протягиваю руку со словами:

– Если не трудно, вон ту светлую курточку с опушкой подайте – это моя.

– Точно, похожа! – кивает меж тем бабулька, хлопая поверх куртки сложенным вчетверо бумажным листом. Щелкает в двери замком. – Тогда эт тебе! До свидания, деточка.

– Д-до свидания, – прощаюсь, глядя на записку, как подозрительный цэрэушник на подкинутое террористом письмо с сюрпризом. Топчусь у выхода пару минут, потом решительно иду к остановке, сажусь в автобус и только там решаюсь заглянуть внутрь переданного послания. И сглатываю возглас удивления, когда вижу перед собой незнакомый красивый почерк: «Предложение принимается. Набережная 12, кв. 11, код замка 3648. Люков».

* * *

Все начало недели я тяну с визитом к Люкову, безжалостно растрачивая стремительно улетающее в пропасть время на самостоятельную зубрежку. Я появляюсь у него на пороге в четверг, около трех часов дня, и долго стою на узкой лестничной площадке, завораживая взглядом обшитую дубовой панелью бронированную дверь квартиры с номером «11», не решаясь позвонить. Я вскидываю руку и нажимаю черную кнопку звонка только тогда, когда двери лифта неожиданно распахиваются и выпускают из кабины на свет благообразного вида старушку.

Она медленно выходит, не спеша огибает мою замершую у дверей живым изваянием фигуру и упирается в затылок недовольным взглядом. Бухтит под нос ругательства, шелестя капроновой авоськой и бренча в кармане многочисленными ключами.

– Гляди, еще одна пришла под порог! Стоит, выжидает, и не стыдно ей... Бесстыдницы! Все ходите и ходите! Совсем совесть потеряли! То одна, то другая, теперь вот третья. Гордости у современных девиц нет – один срам под юбкой остался. Что, поди, дома твоего дружка нет? – нехорошо интересуется, заглядывая в мое невозмутимое лицо. – Или закрылся с кем?.. А еще в очках, приличная! Мать-то с отцом и не догадываются, небось, для чего вы все сюда бегаєте?.. Ну, ничего, как под подолом чего тяжелое домой принесешь, так сразу всполошатся, только вот поздно будет! А государству корми вас, матерей-одинок, поднимай безотцовщину...

Старушка стоит, никуда не спешит и сверлит меня осуждающим взглядом. Спорить с такой бесполезно, и от стеснения и злости я еще раз трижды нажимаю на кнопку звонка и подступаю к двери ближе.

«Да где же ты, Люков, запропал? Покажись!» – вслушиваюсь с внутренним страхом и мольбой в игнорирующую меня тишину квартиры. – «Может, действительно дома нет?..» –

наконец решаю, что мне, пожалуй, лучше уйти отсюда прямо сейчас...

Нет, дома. Открывает замок, распахивает дверь, окидывает меня из темноты прихожей мрачным колючим взглядом и, не сказав ни слова, затаскивает за локоть в глубь квартиры.

– З-здравствуйте...

– Семеновна, сгинь! – хлопает за моей спиной входной дверью, прямо перед негодующим носом соседки, и шлепает босыми ногами мимо меня в комнату. Щелкает выключателем.

А я на секунду перевожу дыхание. Оставшись одна, осторожно осматриваю небольшую уютную прихожую в сине-белых тонах, и замечаю на мягком ковре у стены большого рыжего кота, выпучившего на меня желтые глазищи и выгнувшего дугой спину.

– Ну, долго будешь столбом стоять? – слышу через минуту из комнаты тусклый голос. – Время не резиновое!

Господи, должно быть уже к половине четвертого подбирается! Я спешно разматываю шарф, снимаю куртку, шапку и расшнуровываю ботинки. Оставив вещи на вешалке, чешу опешившее от моей наглости животное под брюшком и ступаю следом за Люковым в комнату. Замираю стыдливо на пороге, обхватив сумку с конспектами двумя руками. С удивлением гляжу на стремительную фигуру парня, сгребаящего с дивана смятое постельное белье и возвращающего спальной конструкции изначально заданное дизайнером-инженером положение.

На Люкове спортивные серые брюки и черная растянутая футболка. Она задралась к лопатке парня так, словно ее только что спешно натянули, открыв широкую, сужающуюся к талии гибкую спину, но я смотрю не на нее. Я изумленно таращусь на светлые, беспорядочно откинутае со лба отросшие волосы, льняными прядями падающие на чуть кудрявый затылок. На черные брови, черные ресницы и темные колючие глаза, хмуро остановившиеся на мне.

– Здравствуй, Илья, – еще раз говорю, не зная, куда себя деть от этого прямого взгляда. Растерянно поправляю очки и вновь, как в нашу последнюю встречу, почему-то пячусь назад, пока неожиданно не вздрагиваю от звучного щелчка замка, раздавшегося за моей спиной.

Это в ванной. Я отскакиваю от распахнувшейся двери как раз вовремя, чтобы вышедшая из комнаты красивая темноволосая незнакомка не задела меня деревянной панелью. Высокая и стройная, завернутая лишь в одно короткое полотенце девушка делает несколько неуверенных шагов вперед, прежде чем разворачивается и окидывает меня удивленным взглядом. Скосив на парня подведенные глазки, осторожно, с едва различимым неудовольствием интересуется:

– Илья, кто это? Я что, не вовремя?

Люков молчит, и я молчу вместе с ним, не зная, что сказать. Под неожиданным девичьим взглядом, оценивающе ползущим по моей неброской одежде, я чувствую себя ужасно глупо, и мысленно проваливаюсь под землю, покрываясь смущенным румянцем. Кажется, своим внезапным визитом и настойчивым звонком я помешала уединению сладкой парочки и, если сейчас же срочно что-то не предприму, могу невольно послужить причиной их возможной ссоры.

Я прижимаю сумку к груди и открываю рот, чтобы сказать что-то вроде «Простите, я, кажется, ошиблась квартирой», но за меня опять говорит девушка.

Она танцующей походкой подходит к Илье, поправляет у своего уха, отмеченного множественным пирсингом, короткие волосы и обвивает его руками за талию. Целуя в шею, бросает на меня еще один оценивающий, но уже куда более спокойный взгляд, и запускает

холеные, с черными ноготками ладошки парню под футболку. Поглаживает игриво смуглую кожу, лаская живот.

– Она не похожа на твою родственницу, Илья, и уж тем более, – хихикает довольно, очерчивая указательным пальцем линию резинки брюк, – сам знаешь на кого. Ты что, вызвал технический персонал? Зачем? Я и сама могла у тебя убраться, мне не трудно. Только попроси! Отправь ее, – говорит требовательно, вновь лаская Люкова, – и я смогу повторить все снова. Может, в спальне?

Ее движения так откровенны, а взгляд призывен, что я ощущаю себя почти преступницей, ворвавшейся без спроса и приглашения в чужой мир двоих людей, отворачиваюсь, стремительно срываясь с места, желая поскорее убраться от них. Это была плохая идея, твержу себе, испытывая чувство горячего стыда. Чертовски плохая! Просто ужасная! А все декан, чтоб ему до ста лет со студентами воевать! Нашел дуру...

– Я... Извините! Я, наверно, пойду... – бросаю неловкое за плечо и сбегая, не поднимая глаз, в прихожую, но неожиданно громко вскрикиваю, остановленная у порога сильной рукой. – Ой!

– Воробышек, села! – раздается резкое и довольно грубое над моим ухом, и я едва замечаю миг, когда мир вокруг меня смещается, локоть поднимается, и вот я уже так же стремительно лечу от входных дверей по противоположному, заданному рывком хозяина направлению, – прямехонько к письменному столу. Послушно плюхаюсь безвольной тушкой в кресло и замираю, отчетливо слыша за спиной, как девушка удивленно и почти умоляюще восклицает:

– Но, Илья...

И получает в ответ холодное и сухое:

– Поторопись, детка, тебе пора.

«Уф! И мне пора», – решаю я, отгородившись от этих двоих своей внезапно ожившей целью. Раз уж я очутилась в квартире Люкова, за его столом, я не хочу злоупотреблять временем хозяина и быстро шуршу сумкой на коленях, извлекая на стол конспекты и ручку. Разложив предметы для учебы перед собой, зажмуриваюсь и резко выдыхаю, изгоняя из тела проклятое волнение. Читаю про себя резкие стихи Блока и стараюсь не слышать капризную девичью возню за плечом и громкое шипение кота из прихожей. Готовясь при появлении Ильи сразу перейти к делу.

Господи, уж лучше бессонные ночи, чем такие визиты, честное слово! Хотя куда бессонней-то!

Когда я открываю глаза, Илья стоит у стола. Опершись плечом о стену, сунув руки в карманы спортивных штанов, не сводит с меня карих холодных глаз.

– Кхм! – мне приходится прочистить горло, внезапно наткнувшись на них, чувствуя себя под этим неласковым взглядом бабочкой под стеклом. – Э-э, с-с чего начнем, Илья? – заикаюсь, выпрямляясь на стуле.

Люков вскидывает бровь и пожимает плечом. Тянет руку к моему конспекту, лениво вертит его, раскрывая перед собой на столе.

– А что надо? – спрашивает равнодушно.

– Ну, если можно, «Соппротивление материалов», – бормочу, стараясь не поднимать на Люкова глаза. – Алгоритм метода начального параметра и универсальное уравнение упругой линии. У нас во вторник контрольная, а я... в общем, я к ней не готова. Совсем, – признаюсь честно.

Я давно смирилась с тем, что учеба на физико-техническом факультете мне дается не просто, если не сказать хуже, но все равно краснею под оценивающим взглядом студента Люкова.

– Условное обозначение в уравнении компенсирующей погонной нагрузки? – задает он вопрос, возвращая конспект и стаскивая со стола другой. Лениво пролистывает его вслед за первым.

– Э-э, «кью»? – говорю я.

– Координаты, абсциссы точек приложения сосредоточенных сил и сосредоточенных моментов?

– М-м, «Эй» с индексом «И», и... «Ди»...

– «Би» с индексом «Йод». М-да, Воробышек...

Люков мягко толкает прочь от стола кресло, в котором я сижу, и нависает сбоку. Выдвигает верхний ящик стола, задвигает, затем нижний. Наклоняется, тянется в глубь стола рукой... Я замечаю аккуратную стопку конспектов, перебираемую длинными красивыми пальцами, но смотрю не на них, а на светлую голову, склонившуюся перед моим лицом, и ловлю легкий запах можжевельника и горького апельсина, исходящий от его чистых волос. Когда обтянутое тонкой тканью крепкое плечо невзначай касается моей груди, я, словно обжегшись об него, сама отталкиваю кресло подальше от Люкова. А сообразив, что сделала, тут же ругаю себя за излишнюю подростковую порывистость, получив вдобавок к непрошеному прикосновению еще один внимательный мужской взгляд.

– На, Воробышек, пригодится, – Илья держит в руке несколько конспектов и медленно кладет их передо мной. Усмехается криво, одними губами, глядя на мои пунцовые от смущения щеки.

Да что это я, в самом деле, точно школьница! Зла на себя не хватает!

– Мы можем заниматься предметом в телефонном режиме, если ты меня боишься, – неожиданно предлагает, усаживаясь бедром на стол, продолжая изучать меня взглядом, словно странную дикую зверушку. – Или вообще не заниматься, – опускает руку на спинку кресла, за мое плечо, придвигая к себе ближе.

Испугавшись, что он передумает, я отрицательно дергаю подбородком и решительно поднимаю руки на стол. Раскрываю перед собой предложенные тетради, старательно игнорируя нечаянные касания локтем твердой мышцы ноги.

– Хм, как скажешь, Воробышек, – недобро оскаливается Люков на мое упрямство, пока я моргаю на него сквозь прозрачные стекла очков. Предупреждает с раздражением в голосе. – Только помни, птичка, что доброта моя не безгранична. А теперь записывай, – отворачивается, небрежно откатывая по столу в мою сторону ручку. – Определение выражения для функции «кью»...

И я записываю.

Два часа пролетают незаметно. Голос Люкова приятен и не навязчив. Он отлично знает предмет, доходчиво объясняет, и я с завистью и уважением старательно внимаю каждому его слову, то и дело склоняя голову к конспекту. Когда на моем стареньком телефоне срабатывает будильник, мы оба подсакиваем от неожиданности.

– Ой! Кажется, мне пора! – я растерянно вскрикиваю и под озадаченный взгляд хозяина квартиры поспешно выбираюсь из-за стола. Сгребаю в сумку тетради. – Можно? – осторожно спрашиваю, указывая глазами на предложенные Ильей конспекты. – Я верну тебе после выходных. Понимаешь, мне бы еще дома позаниматься...

– Бери, – отвечает парень, толкая ко мне тетради. Он встает, отходит к дивану, садится, включает пультом плазменную настенную панель телевизора и утыкается взглядом в спортивный репортаж с автогонок.

– Спасибо...

– Захлопнешь за собой дверь и не нервируй кота, – бросает за плечо, когда я подхожу ближе. – Ну, чего тебе? – кисло хмурится в ответ на неловкую попытку поблагодарить его.

– Илья, сколько я тебе должна? – я повторяю свой вопрос чуть громче, поспешно открывая сумку в поисках спрятавшегося в ее необъятных недрах тощего кошелька. Денег у меня немного – так, ерунда, но уговор есть уговор, и я готова отдать большую их часть, лишь бы не ударить перед Люковым в грязь лицом.

И все же краснеть приходится.

– А сколько есть? – после паузы, отрешенно интересуется парень, лениво перелистывая телевизионные каналы. Показывая тем самым, насколько ему неинтересно мое присутствие.

– В-вот, – я растерянно достаю из кошелька все его содержимое и протягиваю перед собой. – Это все.

Люков даже не смотрит в мою сторону. Не видит моей руки и не протягивает своей. Он просто равнодушно кивает, кривя угол красивого рта:

– Годится, Воробышек.

Это все, что у меня есть. Он это знает, я чувствую. И эта его маленькая месть так унизительна, что от стыда я готова провалиться сквозь землю. Но вместо этого послушно кладу деньги на стол, разворачиваюсь и бреду в сторону коридора. Снимаю куртку с вешалки, натягиваю шапку... Шнуруя ботинки, ласково касаюсь морды подозрительно обнюхивающего меня кота.

– Ничего, киска, прорвемся, – говорю, неожиданно улыбаясь. – Подумаешь, напугал! Выкрутимся, не в первый раз. Главное, – шепчу весело в желтоглазую морду, – я это сделала!

Закидываю сумку на плечо и, не оглядываясь, шагаю прочь из квартиры.

* * *

– Кто? Воробышек?! Не смешите мои кишки, Зин Петровна, у меня и так от вас несварение! У какого-такого хахаля заночевала?.. *Какое* ночное свидание?.. Да быть такого не может, это вам не просто друг, а свиданец со стажем говорит! Точнее, быть-то хахаль у Женьки очень даже может, а вот чтобы я о нем не знала... Не-ет. Говорю вам, случилось что-то страшное и ужасное, возможно, даже роковое! Немедленно, просто немедленно звоните в полицию! А то я сама позвоню! Слышите! Аллё! Где вы там?! Да я все уши дежурной прожужжала! Как не знает? Все она прекр... Она от меня за стеклом закрылась, горбушка черствая! Просто ваше слово, как коменданта общежития, куда весомей моего!.. Звонила, конечно! У нее телефон в отключке, а в магазине сказали, что ушла как всегда. Правда, задержалась чуток, до начала двенадцатого, – у них там на переучет ночная смена осталась, завтра какая-то комиссия с проверкой обещалась нагрянуть, а так.... Да на часах полвторого ночи уже!.. Что значит идти спать и ждать до утра? Какие двадцать четыре часа?.. Знаете что, Зин Петровна, девятнадцать – не двадцать девять, а у нас город дважды миллионщик! Идите-ка вы лучше сами... спать!

Я толкаю незапертую дверь студенческого общежития и вхожу в освещенное яркой

лампой под круглым пыльным плафоном узкое фойе. Медленно поднимаюсь по горбатым истертым ступенькам и устало бреду мимо комнаты дежурной в сторону лифта, сметая с шапки и запорошенных стекол очков мокрый ноябрьский снежок, когда вдруг замечаю у стола вахтера знакомую фигуру своей соседки. Прислонив голову к косяку и накинув на плечи куртку, Крюкова понуро смотрит в темное окно, но на звук моих шагов резко оборачивается, встречая меня неожиданно хмурым взглядом.

– Таня? А ты почему здесь? – я только и успеваю, что удивиться, как девушка демонстративно отворачивается и уходит к лестничному пролету. Гордо топает вверх по ступенькам.

Я сильно устала и замерзла, почти не чувствую пальцев ног, чтобы бежать вслед за подругой на шестой этаж, и потому, воспользовавшись лифтом, встречаю ее уже у нашей комнаты. Закрываю за ней дверь и спрашиваю, тронув девушку за руку.

– Крюкова, что случилось? Ты поссорилась с Серебрянским?

Подруга молчит и куксится, нервно дергает плечом. Это на нее так не похоже, что я подумываю о глубокой личной драме, но сил на любопытство и чужую частную жизнь, после двухчасового блуждания по холодным ноябрьским улицам в поисках нужного переулочка и родного общежития, нет совершенно, и я, пожав плечами, раздеваюсь, мою руки и щелкаю чайник. Пока он шумит, заглядываю в холодильник, достаю варенье, масло, хлеб и делаю нехитрые бутерброды. Надеяться на Танькину стряпню я перестала давно, вот и сейчас, скользнув взглядом по пустому нутру хладоагрегата, решаю довольствоваться малым. Ничего, для фигуры полезно.

– Тань, чай будешь? С малиной?

Я устало опускаюсь на стул, заливаю в заварник кипяток и готовлю чашки. Разлив чай, интересуюсь:

– А ты почему не спишь? Вообще-то поздно уже. У тебя же завтра, кажется, сложные пары?.. Эй, Тань! – оборачиваюсь на длинный сопливый всхлип подруги и вижу ее, сурком забившуюся в угол кровати. – Та-ань! – испуганно давлюсь первым куском бутерброда, вскакивая из-за стола. – Да что с тобой?

Крюкова невнятно фыркает, а я сажусь с ней рядом. Осторожно обнимаю за плечи, провожу рукой по темным волосам, не зная, что сказать.

Но подруга говорит сама. Высморкавшись в протянутую мной салфетку, она неожиданно спрашивает, повернув ко мне заплаканное скуластое личико:

– Жень, ты смотрела «Имитатор» с Сигурни Уивер?

– Д-да, – удивленно отвечаю я. – А при чем здесь...

– А «Дети кукурузы»? – перебивает меня.

– Конечно, это же по Кингу снято.

– И «Психопат», по Роберту Блоху?

– Тань, – в свою очередь перебиваю девушку, – я даже «Молчание ягнят» смотрела. Ты лучше скажи, к чему ведешь? – спрашиваю, поправляя очки. – А то непонятно. Постой? – поднимаю руку и прикладываю ладонь к горячему лбу. – Крюкова, ты как себя чувствуешь? – вздыхаю обеспокоенно. – Ты что, заболела?

– Я?! – Танька сердито смеется, закатывая глазки. Неласково отпихивает меня в плечо. – Это тебе лучше знать, как я себя чувствую! – неожиданно выдает, и я так и застываю с открытым ртом.

– Что?

– Ты меня совсем не жалеешь, Воробышек, совсем! Я с тобой поседею, зачахну, издохну, а ты-ы!.. – я таращусь в Танькины черные глаза, полные слез, не замечая, что ее палец обвинительно упирается в мой бутерброд, забытый в руке. – Ты – бессердечная подруга моей студенческой юности, так и будешь преспокойно лопать масло!.. Ты где шлялась в ночном городе, горе луковое! Почему телефон отключила?! Ты сводку преступности видела?! Совсем совести нет, подругу до инфаркта доводить?! Сама же корила, сама говорила и сама же...

Танька наползает на меня, раскрывает объятия, и я, наконец, догадываюсь о причине ее слез. Говорю виновато, обнимая девушку:

– Тань, я не нарочно, так получилось. Такой день трудный был, да еще на работе задержалась. А потом, у меня деньги закончились, не рассчитала и пришлось пешком идти. Думала, сокращу дорогу, свернув к бульвару Влюбленных, а вышла не пойми куда. Я ведь город не слишком хорошо знаю, а тут еще снег все время на очки налипал... В общем, заблудилась немного. Пришлось искать дорогу, возвращаться и целый круг накидывать. Еле к общежитию выбралась. Слава Богу, что обошлось без приключений.

– Без приключений? – шурит голодный глаз Крюкова и недоверчиво морщит хорошенький носик ищейки.

– Ну...

– Та-ак, Жень! Вот с этого момента поподробнее! – требует решительно, вскидываясь к столу и к закипевшему чайнику, и мне ничего другого не остается, как подробно рассказать подруге за чашкой чая свой непростой день.

* * *

Новый день встречает нас хмурым тоскливо-сонным утром и уныло бьющей в окошко ледяной морсью. Первую ленту мы с Танькой дружно просыпаем и, чтобы успеть на вторую, прыгаем по комнате испуганными газелями, одеваемся, мчимся в университет и разбегаемся по корпусам.

Я стаскиваю куртку и шарф прямо на ходу в коридоре – в учебном корпусе тихо, с начала второй пары прошло не меньше четверти часа, и мои торопливые шаги, переходящие в бег, разносятся вокруг гулким эхом. А шапку сдергиваю, запнувшись о высокий порог двери, уже в аудитории.

Она летит под ноги куратору, читающему здесь спецкурс для четырех групп, голубой кеглей, и я лечу вслед за ней, вскинув руки и пытаюсь удержать на носу очки. Тщетно. Вслед за шапкой они слетают с меня и падают к ногам изумленного преподавателя.

– Воробышек?! – вскрикивает от удивления женщина и торопится прийти на помощь. – Что случилось? – берет меня под локоть, поднимая с пола очки. – Вас что, упаси Господи, кто-то преследует?!

В аудитории находится более ста человек, все замерли в любопытстве, и я совершенно не знаю, что сказать в оправдание своего фееричного появления. Закрывшись от мира на спасительный миг страшного смущения упавшими на лицо беспорядочными кудряшками волос, не убранными из-за позднего пробуждения в привычную «луковичку» на макушке, молча перевожу дыхание, поднимаю шапку, куртку и встаю с колен. Стараясь не смотреть на ряды убегающих вверх парт, убираю от лица волосы и отряхиваю джинсы.

– Извините, я... – собираюсь продолжить честным «проспала», но тут сверху доносится

басистый голос нашего старосты Боброва, и сразу за ним его ехидный смешок:

– Ага, преследуют! Мальчишки с рогатками! Правда, Воробышек?!

Мне нечего ответить, – ну, погоди, Бобров! Понадобится тебе что-то от птички! Например, номерок телефона Ленки Куяшевой, одноклассницы Крюковой, получишь даже два – обоих ее ухажеров! – и я выпрямляю спину и согласно киваю, глядя в нечеткое лицо преподавателя.

– Правда, София Витальевна. Вот, еле крылья унесла, – говорю, заливаясь румянцем под веселые смешки студентов. – Пожалуйста, можно я сяду?

Женщина отвечает напряженным кивком, отступает к кафедре и начинает читать предмет. Забыв вернуть очки, задумчиво вертит их в руке, постукивает о плечо, рассуждая о практике инженерных расчетов и сложных случаях нагружения оговариваемой ею конструкции. А я, поджав губы, поспешно ретируюсь к рядам парт и спешу вверх по наклонному возвышению, не смея вновь напомнить о себе и сбить преподавателя с мысли.

Возле Невского сидит какая-то девушка-старшекурсница. Колька что-то коротко машет мне, жмет виновато плечом и шепчет: «Ну, птичка, ты и горазда дрыхнуть!» – великодушно предлагает подвинуться, но я, отмахнувшись в ответ, пробегаю дальше. Плюхаюсь на свободное место почти под самой галеркой аудитории, достаю учебные предметы и пытаюсь что-то писать, но без очков получается не очень.

И все же я стараюсь. Закручиваю волосы на затылке, втыкаю в них карандаш, щурю глаза и старательно вывожу, полагаясь на слух и выработанную годами учебы моторику пальцев...

– ...расчет на прочность, при сложном сопротивлении, требует определения опасных сечений и опасных точек. А условия жесткости и прочности позволяют оценить работоспособность конструкции или ее элементов...

... и вдруг подскакиваю от звука знакомого голоса, раздавшегося у самого уха:

– Ужасно, Воробышек. Носом писать не пробовала?

– Л-люков? – бормочу я, вскидываю голову и изумленно таращусь на темную фигуру, обозначившуюся слева от меня. – Ты как тут оказался? – задаю парню дурацкий вопрос, впрочем, тут же сообразив о своей буквальной недалёковидности. – То есть... – окончательно смущаюсь от факта его присутствия рядом. – Чего тебе?

Люков смотрит на меня и молчит, затем выдает раздраженно:

– Мне ничего. А вот тебе... Ты что, птичка, решила меня и тут достать? Отчего не села в другое место? Я Синицыну круглосуточную опеку над тобой не обещал. Хватит декану с меня и двух часов дважды в неделю. Так какого черта ты бежишь ко мне?

– Я? К тебе? – я так и раскрываю от удивления рот, глядя на недовольно поджатые губы парня. Справившись со вспыхнувшим в душе возмущением, отвечаю как можно холоднее:

– Ну что ты, Люков, и не думала даже. При моих «минус четыре» достать тебя от входа на глаз непросто. Так что мне один черт, ты тут сидишь, или кто-то другой. Увидела бы, обошла бы Ваше Занудство стороной. Мне как, сейчас пересесть? – спрашиваю с вызовом, уж очень не хочется выглядеть в глазах Люкова какой-то озабоченной его персоной девчонкой. – Или разрешишь дожидаться перемены? Знаешь, не хотелось бы вновь привлекать к себе внимание.

У нас сдвоенная пара лент, и мне совсем не улыбается мельтешить во время лекции по аудитории, раздражая преподавателя из-за прихоти одного мнительного студента своей рыскающей в поисках свободного места фигурой. Но, не получив ответа, я все же сгребую

тетради и порываюсь встать, когда рука Люкова ложится на мое плечо, заставляя остаться на месте.

– Сядь, Воробышек! – отрезает парень. – Ты права. На сегодня твой лимит внимания исчерпан. Пиши давай, – командует он, отворачиваясь. – Зачет никто не отменял, а твоя старательность, как я понял, оставляет желать лучшего.

– Ну, спасибо, благодетель, – оскаливаюсь я, стряхивая с плеча тяжелую руку и вновь утыкаясь в конспект, когда слышу над головой короткий свист и неожиданно требовательное:

– София Витальевна! Верните птичке очки, они вам совершенно не идут!

* * *

Холодный ноябрьский воздух приятно наполняет легкие и остужает нервы после разговора с отцом. Я возвращаю Борису телефон, а на протянутую мне кредитку реагирую как обычно: предлагаю телохранителю оставить ее себе или, как альтернативный вариант, попробовать поиграть плоским предметом с задней щелью его хозяина. Склоняю здоровяка к отличному способу накопления личных депозитных средств через волосатый терминал работодателя.

– Очень умно, – реагирует щербатой улыбкой на мои слова Борис и обещает передать отцу привет от меня. Фыркает в гангстерские усы. – Ну, бывай, остряк! Была б моя воля, – цедит сквозь крупные зубы, улыбаясь веселыми глазами, – поползал бы ты ужиком у меня. Эх, не судьба...

Тяжелое брюхо и рыхлые щеки, умный взгляд. Лишних кило двадцать, но в целом неплохо, решаю я, оценивая нового курьера Большого Босса. Дорожит службой, норовист и слишком мало знает...

– Спецназ? – задаю парню вопрос, убирая руки в карманы. Замечаю поверх его плеча въезжающий на парковку знакомый красный «Вольво» и прильнувшее к лобовому стеклу нервное лицо.

– Он самый, – отвечает Борис, перехватывая мой взгляд. Оглядывается. – Увидимся! – обещает напоследок, демонстративно набивая клавиши рабочего телефона и наконец убирается к черному джипу представительского класса.

И я отвечаю кивком: как сложится.

– Люк! Постой! – Самсонов выходит из машины и окликает меня, когда я поднимаюсь на крыльцо университетского корпуса. Неуверенной походкой подходит ближе, сутулится, мнет в руках дорогую сигарету, долго решаясь заговорить, и наконец спрашивает:

– Слушай, это правда, насчет вечера в «Альтарэсе»?

Я одергиваю куртку и поднимаю в ожидании бровь. Поворачиваю голову вслед короткому взгляду парня, брошенному в сторону тачки, и смотрю в знакомое лицо Якова.

– Угу, Яшка сказал, – понимает меня без слов качок. – Нашел меня в клубе «Бампер и Ко» со свежей новостью. Так как? – вновь любопытствует, кусая губы. Закуривает. – Я бы на тебя поставил, Люк, – есть немного лишних денег. Просто хотел узнать: ты действительно в деле? Или Яшке не стоит верить на слово?

Я смотрю на выползающего из машины высокого тощего парня в модном прикиде от фэшн-педераста, почесывающего нервно шею и висок, легкой трусцой припустившего к нам, и спрашиваю, отвернувшись к Самсону:

– Наследник херово выглядит. Неужели так и не соскочил?

Самсонов оглядывается, криво усмехается и пожимает плечом.

– По слухам, твой папаша на него уйму бабок в Швейцарии угрохал. Держал в клинике под замком, а он на их дерьме похлеще здешнего завяз. Хвастался, что вчера спустил на дурь две штуки, – возле него по-прежнему одно гнилье вертится. По-моему, старик на него плюнул давно. Слышал, что через Бампера тобой интересовался. Так как насчет вечера, Люк? Клуб «Альтарэс», закрытый вход?

– Ближе к полночи, – отвечаю я, но предупреждаю: – Хорошо подумай, Самсон, стоит ли? В этот раз все слишком невинно.

Парень затягивается, проводит рукой по бритому черепу и бросает сигарету под ноги. Щелкает молнией, задергивая наглухо воротник.

– Расскажи бабушке о своей невинности, Люк, – говорит, усмехаясь, – а я послушаю, – кидает довольный взгляд за плечо на подошедшего Яшку, оскалившегося хитрой ящерицей. – Яков, ты был прав! Твой младшенький снова в деле. Так что готовь бабло, братуха, – хлопает того по плечу, пока я рассматриваю старшего брата, с которым не виделся больше года, – будем долбить карманы!

«Забей на него!», «Пошли старика на хрен!», «Черт, живые бабки, брат!», – слова Яшки комом стоят в горле и звенят отголосками прошлого в голове, когда я отрезаю его входной дверью корпуса и ухожу на третью пару. Он долго кричит мне вслед что-то из старого и присущего ему: «Да он на тебя др*чить хотел!», «Бл***, ты без него никто!» после моего короткого и злого «Отвали», и я понимаю, что ничего не изменилось между нами за прошедший год. Между мной и им. Ничего, кроме того, что я смог вернуться.

Его желания так прозрачны, что мне становится противно. Брат извне. Ненавистный отросток вне семьи. Как бы ни хотелось все исправить моему папаше, я слишком долго был изгоем, так какого черта я должен сейчас что-то менять?..

На выходе из холла я наталкиваюсь на темноволосую девчонку в зеленом балахоне и дурацких ядовито-желтых сапогах и громко чертыхаюсь, убирая ее с дороги.

– Какого хрена! – шиплю ей в лицо, когда она упрямо оббегает меня и вновь обозначается на пути, протыкая насквозь злыми черными глазами. – Ты кто?

– Шанель в мантио! Люков? – дерзко спрашивает девчонка и нехорошо щурит взгляд. – Илья? С четвертого?

И я раздраженно киваю. Возвращаюсь мыслями в университет и вглядываюсь в незнакомое лицо – обычное, характерное, запоминающееся. Рассерженное. Оказавшееся вдруг слишком близко от меня. Подруга очередной снятой девчонки на вечер? Я определенно точно был осторожен.

– Чего тебе, девочка?

– Тань, не надо, – слышу негромкий мужской окрик за ее спиной и нехотя соглашаюсь, реагируя движением в ответ на звонок к ленте.

– Лучше не надо. Послушай друга.

Но девчонка решительно мотает головой, упирая кулак в бок.

– Нет, Вовка, надо! Надо, Люков! – вцепляется в мой локоть – ох, это она зря. – Я тебе сейчас все скажу!

Я захожу в аудиторию, когда лекция уже идет, и мои шаги особенно слышны в большом лекционном зале. Жму плечом в ответ на недовольный взгляд преподавателя, демонстративно остановившийся на мне, и молча следую к заднему ряду парт, невольным взглядом отыскивая в рядах студентов светловолосую Воробышек, наверняка трусливо упорхнувшую от меня.

Какое мне дело до ее проблем? Никакого. И я готов повторить ей то, что сказал черноглазой девчонке еще раз.

Но Воробышек не видно. Когда я подхожу ближе, то с удивлением обнаруживаю ее, уткнувшую нос в конспект, на прежнем месте. Так и не вспорхнувшую прочь за время перемены. Однако девчонка не пишет. Невероятно, но под дружный скрип ручек и монотонный голос лектора она спит. Положив голову на согнутый локоть и повернув лицо в мою сторону, Воробышек едва заметно дышит, уронив на нос очки.

Учебный конспект исписан быстрым почерком и множеством перечеркнутых линий, желая узнать, что же я пропустил, сажусь, тяну руку и осторожно придвигаю конспект к себе...

«Послушник тьмы»

(Пьеса)

(Отрывок)

Трактирщик (*горько, опомнившись*): Да-а. Я речи громкие с тобою говорю, вот только дар такой тебе не подарю. Уж больно тяжек он для плеч людских, и так согбенных от трудов мирских. Э-эх, гость! (*Медленно отпивает вино из бокала и утирает губы горячим ломтем хлеба.*) Я грех свой возложить не смею ни на кого, хотя лелею о том мечту уж десять лет! Да видно мне прощенья нет! Последний день исходит на поклон, все десять лет – один безумный сон. Служенье дьяволу иль Богу... А-а! Все едино! Одним мерилom меряны, что свет, что тьма... Сплошная опостылая картина!

Гость (*участливо*): Мне не понятен твой секрет.

Трактирщик: Я отдал тракту десять лет! Держа ответ за грязное злодейство. За мной вина, за Господом судейство. Уж десять лет как минуло сегодня, а будто сотня тягостных веков, отяжеленных бременем оков. Где что ни день, то испытанье, томительное ожиданье отпустится ли мне мой грех?.. Но, разделив его на всех, поверь, сынок, не станет легче.

Гость (*отпивая вино*): Но дар лозы определенно крепче покажется от слов твоих.

Трактирщик: Не спорю. Вино земли сией – подобно морю. Кого штормит, кому покой несет и смерть. Уж говорил я: это как смотреть. Ну, а кому, как мне, кручину. Причину несть свою провину по жизни дальше и служить. Служить Ему до искупленья. А если нет – освобожденьем мне станет только смерть моя. И все же склонен верить я: не в том мое предназначенье.

Гость (*с живым интересом*): А в чем же?

Трактирщик (*озадаченно*): Не знаю. Но скажу, что роли для каждого расписаны

судьбой. Ведь ты не думаешь, что мы по доброй воле все забрели сюда? Что встретились с тобой?.. Ах, если б кто совет мог дать, как быть? Как дальше с тяжестью на сердце старом жить?

Гость (*задумчиво*): Твои слова за вязью тайны. Однако тропы не случайно для нас проложены Творцом. Кто знает их, тот светл лицом. Тот сердцем чист и благ делами. А в остальном же, между нами, тебе, отец, совет один: держи ответ, и будь терпим. Возможно, все тебе вернется.

Трактирщик (*с грустной улыбкой*): Держу, сынок. Что остается? Служить ему – вот и служу. (*С живым интересом оглядывая гостя.*) Так, стало быть, ты держишь путь домой?

Гость (*кивая*): Домой, отец. Держу дорогу в Ругу из Кассиопии... Наставнику и другу я обещанье дал вернуться в отчий дом. В родную материнскую обитель, откуда отроком – так повелел правитель земли моей – был отдан на поклон. На верное и вечное служенье жрецу-отцу из храма «Трех Владык». Мирэю – прах его земле, а душу Богу, коль сможет проложить дорогу она к Всевышнему, – греха не искупить.

Трактирщик (*не скрывая изумления*): То верно. Полвека тянется за сим отступником вина. Слышал, при жизни он сгубил сполна невинных душ? (*Качая головой.*) Вот истинно уж кто есть Ирод! Кому закон не писан. Сирот он в войско призывал своё и подставлял их под копье бездумное сынов Ареса. И хоть не вижу интереса я в смерти той – дошла молва...

Гость (*осторожно*): Цена молве – недорогога.

Трактирщик: Цена ей, правда, лишь слова, что с уст слетают, словно пух. Однако ж, выскажемся вслух: слышал, Мирэй наказан, меч снес ненавистный череп с плеч! А с ним и храм исчез в огне, предав владык сырой земле. И поделом, скажу, тирану! Чей труп исчез, как в воду канул! А может, в пламени сторел, оставив душу не у дел. Кто знает, где теперь она? Низвергнута ль? Погребена под чадом грешной преисподней?

Гость (*задумчиво*): А может, прячется средь нас, отыскивая к Богу лаз. Некаянна, не прощена, одна, без сна, и без тепла. В виденьях прошлого блуждая, не существуя, выживая на плахе совести своей. (*Закрывая глаза и жестко отирая рукой лицо.*) То было, кажется, сто лет тому назад. Но храм, отец, не меч разрушил – яд. Яд Светлой Истины, коснувшийся престола...

...беру ручку и думаю, внимательно глядя на спящую фигуру девчонки в дурацком свитере, словно снятом с плеча старшего брата: на кой мне это надо? Неужели все дело в Синицыне? И раздраженно ломаю попавшийся под руку карандаш.

А-а, черт!

– Ау-у!

– А? Что?.. Ой, Колька, с ума сошел, так пугать?

Пальцы Невского еще раз щелкают меня по носу и поправляют сползшие с лица очки.

– Просыпайся, Воробышек! – командует парень, усаживаясь передо мной на стол и заглядывая в глаза. – У тебя есть двадцать штрафных минут от куратора, чтобы привести в порядок ее кафедру, и две, чтобы доложить другу, как ты докатилась до порочащей высокое имя студента жизни сони?

Господи, я что, уснула?

– Почему только две? – я прихожу в себя и удивленно осматриваю опустевшую аудиторию, зевая в ладошку.

Вот дурында, и ведь даже не заметила как!

– Потому, птичка, – отвечает Колька, – что минуту назад объявлена срочная эвакуация пернатых с территории университета. Плюс зачистка подозрительных кадров уполномоченной группой работников-уборщиков учебных территорий. Извини, Воробышек, но сегодня половая тряпка за тобой.

– Все равно, – не сдаюсь я. Бурчу, вставая со скамьи, злюсь на себя, отпихивая с пути длинные ноги Невского. – Мог бы и понежнее разбудить.

– Это как же? – интересуется Колька, помогая мне складывать в сумку учебные предметы. – Громким чмоком в ухо?

– Дурак. Сладким страстным поцелуем, например. Как царевну...

– Лягушку? – кивает парень, а я жму плечом, мысленно отмечая галочкой еще один собственноручно вбитый гвоздь в крышку гроба желанного диплома.

– Ну, можно как лягушку, – соглашаюсь. – Чем я хуже? Постой, – спрашиваю, натягивая на шею шарф, – или там красавица была?

– Воробышек, – Невский странно смотрит на меня, – ты поаккуратнее с предположениями, – просит, окидывая тоскливым взглядом. – А то ведь я, как Иванушка-дурачок, могу исполнить. Будешь мне тогда караваи печь и портки по ночам стирать, пока я шкуру твою пупырчатую в постельке стеречь стану.

– Размечтался, крякозябл! Живи уж, – кисло улыбаюсь парню, глядя на часы. – У меня и так с этой учебной ночи бессонные, только твоих портков для радости жизни и не хватает. Что там с факультативом по начертательной, не знаешь?

– Уговорила, – фыркает Колька, – обойдемся без поцелуев. Сегодня тихо, – отвечает на вопрос. – Перенесли на вторник. Так что сейчас с чистой совестью по домам. Ты не переживай, птичка, – усмехается на мой красноречивый вздох облегчения, – я тебе график сделаю, как обещал.

Вот теперь я улыбаюсь по-настоящему.

– Ты настоящий кабальеро, Невский! Пожалуй, – говорю, поправляя уголок воротника мужской рубашки, заломленный кверху, – я позволю тебе облобызать подол моего платья.

Колька смеется, а я упираю в него палец.

– В общем, так, амиго, обед в буфете за мной. Постой! – отбираю у друга раскрытый конспект, исписанный ровным красивым почерком, когда он поднимает предмет со стола, намереваясь положить в мою сумку. – Это, кажется, не мой, – с недоумением верчу в руках собственную тетрадь с аккуратно вписанной в нее чужой рукой темой сегодняшней лекции, ничего не понимая. – Или все же мой... Но как?

Невский хмурится и ждет, пока я перестану строить из себя «охваченную внезапным

ступором Кассандру», а я с ужасом моргаю на него, выстраиваю в голове нервно позвякивающую логическую цепь событий и внезапно вспоминаю конспекты Люкова, оставленные в комнатке общежития. Провожу параллель...

Как же так? Этого просто не может быть! Не мог же Люков ошибиться тетрадами и вписать тему в чужой конспект, пока я позорно дрыхла рядом? Или мог?.. Вот черт! И что же мне теперь делать?

* * *

Когда я вечером возвращаюсь с работы, Крюкова смотрит телевизор и жует бутерброд.

– Привет, – бросает мне лениво, сидя в постели, и отворачивается. – Есть будешь, Жень? Я суп сварила, с лапшой, – говорит, щелкая пультом. – Вон, еще теплый, на столе. Не такой как у тебя, конечно, но вроде тоже ничего получился.

Я снимаю куртку и шапку. Разуваюсь. Прохожу в комнату и здороваюсь:

– Привет, Тань.

Мою руки, достаю из пакета небогатые покупки, сделанные на одолженные у Эльмиры до завтрашнего аванса деньги: крупу, масло, хлеб – и думаю: Крюкова и кухня? Странно.

– А ты чего не с Вовкой? – интересуюсь, наливая в тарелку суп. – Мм, вкусно, Тань, – едва не обжигаясь горячим бульоном, еще не успевшим остыть под двумя слоями полотенец. – Сегодня же вроде пятница?

– Да так, настроения что-то нет, – отвечает Крюкова и утыкается дальше в какой-то детективный сериал, где местом преступления выбран публичный дом. Героини верещат на экране, жмутся друг к другу при виде трупа своей хозяйки, строгий полицейский очерчивает мелом место преступления, а я оглядываюсь на странно молчаливую этим вечером подругу.

– Что-то случилось? – осторожно спрашиваю, отставляя тарелку. – Знаешь, мне сегодня почему-то Серебрянский звонил.

– Да? – равнодушно выгибает бровь Танька. – Вроде ничего. А что? – тянет руку и хватает с тарелки крекер. Хрустит за щекой. – Что-то говорил?

– Я ничего не поняла, но что-то насчет твоей защиты. На работе толком и не ответишь. Тебя что, кто-то обидел?.. Речь шла точно не о дипломе. Вовка?! – догадываюсь вдруг.

Танька стреляет в меня изумленным черным глазом и недовольно поджимает рот.

– Меня?! Жень, шутишь? – фыркнув, отвечает. – Попробовал бы только! Ты же меня знаешь.

Это верно, знаю. Потому и чувствую перемену не в лучшую сторону в настроении подруги.

– Тогда чего он так грустно сопел в трубку?.. Ну, ладно, Крюкова, не хочешь, не отвечай, – говорю через минуту полнейшей тишины. – Ничего я в вашем любовном тандеме не пойму. Захочешь, сама расскажешь.

Я ухожу из комнаты в общую душевую, здороваюсь с курящими возле окошка девчонками, возвращаюсь, замечаю на столе парующую чашку с чаем и большой бутерброд. Сама Танька вновь за пультом телевизора, с ногами в постели, с вялым интересом следит за развитием событий теперь уже модного ток-шоу.

– О! Спасибо, Танюш! – улыбаюсь я. Сажусь за стол, притягиваю к себе горячий чай и включаю ноут. – Я, конечно, могла и сама, – отпиваю мятный напиток, ежась от холода,

принесенного из коридора, стаскиваю с дверцы шкафа старенькую шаль, прихваченную с собой в последний приезд из дому, накидываю на плечи, и благодарю. – Но приятно.

С жадностью изголодавшегося за день книгоеда утыкаюсь в текст:

«– Стой, – хрипло сказал Каллагэн, отступив на шаг. – Велю тебе именем Господа! Барлоу рассмеялся.

Крест теперь светился лишь чуть-чуть, по краям. Лицо вампира опять скрыла тень, собрав его черты в странные, варварские углы и линии.

Каллагэн отступил еще и наткнулся на кухонный стол.

– Дальше некуда, – промурлыкал Барлоу. Глаза его загорелись торжеством. – Печально наблюдать крушение веры. Ну что ж...

Крест в руке Каллагэна дрогнул и потух окончательно...»

– Жень! – окликает меня девушка, когда я уже с головой погрузилась в дебри кинговского «Жребия», недопитый чай остыл, а в телевизоре лицо известной певицы зевает в певческом экстазе под финальные аккорды песни.

– Что, Тань?

– А... как у тебя сегодня день в универе прошел? – между прочим спрашивает подруга. – Спокойно?

Я отрываю глаза от ноута и снимаю очки. Пожимаю плечом.

– Нормально, а что?

– Да ничего, – отвечает Крюкова. – Просто я хотела узнать: никто по поводу или без голоса вдруг не повышал? Не выговаривал там чего-нибудь обидного или, может, некрасивого?

Я удивляюсь.

– Да нет, Тань. С чего бы?.. Хотя, знаешь, – признаюсь нехотя, вспоминая свой приход в университет и испуганный взгляд преподавателя, – возможно, кое-кому стоило бы и повысить.

– Да?! – девушка рывком отрывает спину от подушки и упирает в меня взгляд. – Рассказывай! – неожиданно требует.

– А нечего рассказывать, Крюкова, – говорю я. – Просто я сегодня мало того что опоздала на лекцию к собственному куратору, так еще и вместо приветствия проехала носом к ее ногам. А потом и вовсе позорно уснула прямо на паре. Представляешь, какой стыд? А самое обидное, что София это заметила, и теперь, сама понимаешь, какая ласка и почет меня ждут.

– Что? Выгнала? – ахает Танька.

– Хуже, – вздыхаю я. – Дала выспаться. Правда, оставила за мной почетную уборку кафедры. Но здесь я не в обиде, сама виновата. Ночью спать надо, а не болтаться неизвестно где.

Танька недовольно ворчит и хмурится.

– Ага, как же, сама, – говорит, складывая воинственно руки на груди. – Ты бы еще постриг покаяния, Воробышек, приняла! Если бы этот паразит Люков не обобрал тебя до нитки, то ты бы не блудила по городу, не напугала меня до смерти и не подрыхла бессовестно ленту! Все он, гад, виноват!

– Крюкова, ты с ума сошла! – улыбаюсь я непонятной злости своей подруги. Смотрю с удивлением в дышащее негодованием личико. – Причем здесь Люков, Тань? – спрашиваю. – Во-первых, никто меня не заставлял подходить к нему, я сама напросилась на занятие. Во-

вторых, сама отняла у него время. А в-третьих, – заверяю серьезно, – про деньги тоже сама заикнулась. Вот и получила урок. Никто меня за язык не тянул! Да и какая разница, во сколько я пришла домой? – жму плечом. – Ты же знаешь, я все равно бы просидела до четырех за зубрежкой, с моей-то успеваемостью. Так что Люков тут ни при чем.

– Все равно! – упрямо настаивает подруга. – Мог бы и по-человечески отнестись. Ты у нас девчонка симпатичная.

– И только-то? – иронично хмыкаю я. – Ох, Тань, как у тебя все просто...

– Не «ох», а да! – парирует Танька. – Просто! Жаль только, что скрываешь это! Думаешь, я не понимаю, – выдает через минуту вдумчивого созерцания моего уставшего лица, – почему ты не красишься и в одежду глупую наряжаешься? Думаешь, не могу оценить своим женским глазом подругу, когда она возле меня три месяца по утрам в одних труселях да лифчике прыгает?.. Фигушки! Очень даже могу!

– Ну и почему?

– А потому, что незаметней казаться хочешь, внимание к себе не привлекать! Ведь ты наверняка, Женечка, сама себе цену знаешь. Не отпирайся! А парни они формы любят. Улыбочки там, прихлопы ресничками, жеманчики – поцелуйчики. Словечки разные. То, что помимо денег козырем сыграть может. А не объемные свитера до колен, вот!

– Нормальные свитера, – улыбаюсь я, – и вовсе не до колен. Что ты придумала?

Танька хмурится, сердито крутит в воздухе пальчиками, а я смеюсь. «Все-все!» – отмахиваюсь на ее мрачный взгляд.

– Знаешь, как я Вовку зацепила? – не унимается девушка, спуская ноги с кровати. – У меня в бассейне бок на стометровке прихватило – еще бы, брасс! – ни вздохнуть, ни выдохнуть. А тут парниша рядом отфыркивается, и главное, симпатичный такой. Чего, думаю, не дать парню возможность помочь даме, тем более, что у меня купальник новый? Не смейся! Сто баксов, между прочим! Это я уже потом узнала, что он давно на меня глаз положил, а тогда дала себя спасти. Видела бы ты, с каким старанием он меня под попу из бассейна выпихивал. Засмутился, бедный. Нет бы, чтоб самому вылезти и руку подать. Недотепа!

Теперь мы смеемся вместе.

– Крюкова, ну ты даешь, – говорю я. – Спасибо за совет, конечно, но в случае с Люковым даже весь мой мнимый скрытый потенциал вряд ли бы сработал. У парня в красотках недостатка нет. Сама одну, практически неглиже, в его квартире видела. Не Лиза Нарьялова, конечно, – та, что мисс университет, но тоже очень красивая девушка. Так что в моем случае мне винить некого. Кстати, он сегодня такое учудил, – признаюсь Таньке, – что я вот даже не знаю, как быть.

– А что случилось? – поворачивает нос по ветру и настораживается Крюкова.

– Представляешь, я с перепугу забежала на последний ряд и оказалась возле Люкова – у нас с ним общий спецкурс в большом зале. Очки обронила возле преподавателя и не обратила внимания, возле кого сажусь. Во время перемены уснула, а Илья, должно быть, перепутал конспекты, и теперь его лекция в моей тетради. Ужас, да?

– Не может быть! – Танька вскакивает с кровати и прыгает ко мне. – А ну покажи!

– Вот, – протягиваю ей тетрадь. – Отсканировать и распечатать, как думаешь, Тань? Или просто отдать? Я бы переписала, но у меня такой почерк неразборчивый, не то, что у Люкова...

– Очуметь! – шепчет подруга, недоверчиво вертя в руках конспект. – Вот, придурок! –

выдыхает возмущенно. – А мне сказал, что...э-э, ну, в общем, – запнувшись, умолкает и садится рядом на стул, – кое-что сказал!

А я удивленно вскидываю брови.

– Крюкова! – смотрю внимательно на притихшую соседку. – Ты что, разговаривала с Ильей?!

Танька закусывает губы и отворачивается.

– Тань!

– Было дело, – нехотя признается. – А что, Воробышек, нельзя?

– Зачем?!

Девушка поворачивается и неожиданно улыбается.

– Слушай, Женька, – мечтательно выдает, вмиг скинув с плеч весь свой воинственный запал, – ты чего не предупредила, какой Люков классный, а? Бли-ин! У меня прямо мурашки по телу забегали, когда он меня за руку схватил. Представляешь? Табунами! Вот честное слово, тыгдык-тыгдыг, от пяток, по спине и до самой макушки. Даже за Вовку стало обидно, что с ним не так! Ну и взгляд! Как у этого, как его, Дракулы! Или, нет! Помнишь Кристиана Бэйла в роли агента Джона Престона в «Эквилибриуме»? Его холодное «У нас есть право на все!»? Вот! Насквозь!.. Не понимаю, как ты с ним в квартире два часа высидела, не погибнув и не пав к его ногам? А?

– Схватил?! Тань, подожди, – я машу рукой возле носа замечтавшейся девушки, возвращая ее в реальность. – Как это схватил? За что? Почему?

– Ай! – Танька легко отмахивается. – Сама виновата, – недовольно отвечает. – Нечего было к незнакомому парню пиявкой в руку впиваться и дергать изо всех сил. Ну не повелся он на мою красоту. Чуть не двинул, вот, – закатывает она рукав, сует мне под нос руку и гордо демонстрирует небольшие, покрасневшие от пальцев пятна чуть повыше запястья. – Да он не больно, не переживай, Воробышек. Просто резко, я и не ожидала. А вот Серебрянскому руку выкрутил.

– Господи! – я опускаю плечи, недоумеваю. – А Вовке-то за что?

– Как это за что? Он же на мою защиту кинулся! – Танька презрительно фыркает. – Если можно считать защитой вялый шажок вперед. Я-то думала, Вовка этому Люкову по морде съездит. Ну, хоть разок! А он... как-то сдулся, и все. Тоже мне защитничек, – тянет обиженно. – Рембо фильдеперсовый. А еще замуж зовет! Как я за него пойду, Жень, за такого слабака?!

Крюкова охает, опускает локти на стол и упирает подбородок на ладошки. Медленно и громко вздыхает.

– Будешь? – тянет со стола карамельку и засовывает себе за щеку. Лениво наматывает на палец темные прядки волос. – Звонит он подругам моим, понимаешь ли! – бурчит в ответ на свои мысли. – Тетеха!

Крюкова – невеста? Вот это сюрприз! Я рада за Таньку страшно, но вот настроение ее мне категорически не нравится, а потому я решительно захопываю ноут, придвигаюсь к подруге ближе и как можно строже смотрю в приунывшее лицо.

– Тань, – говорю, обнимая за плечи, – ты тут ерунду не городи, хорошо? И поспешных выводов из глупой ситуации не делай. Серебрянский у тебя чудо – милый, добрый парень. Слишком простой и неиспорченный, чтобы противостоять такому холодному типу, как Люков. Поверь мне, Тань, я повидала таких и знаю, что говорю: ничего в них хорошего нет. Твой преданный Вовка в тысячу раз лучше. Пусть и не сильней, но лучше!..

– Думаешь? – поднимает на меня глаза Танька.

– Уверена! И вообще, – заверяю подругу, – я с этим Люковым больше связываться не буду. Вот верну ему конспекты во вторник и забуду, кто он такой. Вот же козел!

– Козел, – соглашается со мной Крюкова и вдруг вздыхает. – Но, Женька, какой же он классный!

* * *

Ни в понедельник, ни во вторник Люкова в университете не видно. Я замечаю его темную голову, повязанную банданой, в четверг, когда захожу в аудиторию к нашему куратору на совместные пары. Помявшись на пороге, оглядываю заполненное студентами шумное помещение и иду мимо вопросительно закатившего глаза Кольки к заднему ряду парт.

– Привет, – говорю, поравнявшись с Люковым. – Можно? – опускаю сумку на скамью и смотрю на парня.

Люков поднимает на меня глаза, неохотно отрывая взгляд от яркого экрана телефона, и холодно интересуется:

– Что, соскучилась, Воробышек? На этот раз ты в очках.

Это точно. Я в очках. И явное отсутствие приветливых эмоций со стороны парня при моем появлении наблюдаю «вооруженным» глазом. И все-таки остаюсь стоять на месте.

– Не так, чтобы очень соскучилась, – честно отвечаю, – просто подошла сказать спасибо.

– Пожалуйста, – бросает Люков и отворачивается. Вновь утыкается в мобильник, поигрывая в пальцах ручкой.

Я невольно вслед за ним опускаю глаза на экран телефона и замечаю стремительно бегущие строки и длинные ряды цифр. Некоторые студенты на факультете интересуются игрой на виртуальной бирже – видимо, Люков тоже не исключение.

– Знаешь, – признаюсь, – благодаря тебе я сдала зачет по материалам.

– А, ты про это, – бросает Люков, а я удивляюсь:

– А ты про что?

– Вообще-то про лекцию. На которой вредно спать, Воробышек. Особенно с твоей успеваемостью.

Я не хочу, но краснею под его равнодушным взглядом уверенного в себе студента.

– Я принесла твои конспекты, Илья. Вот, – говорю, заставляя себя расправить плечи. Достāju из сумки тетради и кладу перед парнем на стол. Я знаю, чего мне стоит учеба в университете – бессонных ночей и истощения серых клеток. Гуманитарий до мозга костей, я тону в мире точных математических расчетов, формул и графиков, но пытаюсь, отчаянно пытаюсь выплыть. Пусть мои заслуги кажутся ничтожными тому, кому учеба дается с легкостью, но перед собой я честна, а на остальных мне плевать. – В черную я вписала последнюю лекцию по термодинамике, – выделяю из стопки тетрадь, – ты случайно перепутал свой конспект с моим и, если честно...

– Здорово тебя выручил.

– Что? – моргаю я, пока Люков отключает и прячет телефон в карман, продолжая смотреть на меня.

– Я говорю, Воробышек, здорово тебя выручил, – повторяет парень. – Что-то еще?

Я неуверенно киваю, поправляю очки и собираюсь с мыслями. Мне хочется сказать Люкову о Таньке и его поступке, хочется заступиться за Серебрянского, но колючий взгляд, словно холодная преграда, останавливает меня, пронзает, как глупую бабочку игла, заставляя чувствовать, что все окажется зря.

– Я весь внимание, только давай не тяни, – с раздражением произносит парень. – Если ты не заметила, лекция уже началась. Не пялься, Стас! – кидает за плечо своему соседу – крепкому, коротко подстриженному парню, развернувшему корпус в нашу сторону и с любопытством наблюдающему за разговором, – тебе здесь мимо.

– Илюха, не жадничай, с тебя не убудет, – улыбается парень. – Ты же знаешь, что я предпочитаю скромниц. Идите ко мне, девушка, – широким жестом приглашает сесть рядом с ним, отодвигаясь на скамье по другую сторону от Люкова. – Я куда приятнее, чем этот тип. И значительно теплее, – пошлово подмигивает.

Я растерянно оглядываюсь на взошедшего на кафедру куратора, кивком приветствующего студентов.

– Нет, спасибо, – отвечаю, наблюдая за недовольными глазами преподавателя, остановившимися на мне. – Я, пожалуй, пойду.

– Сядь! – рука Люкова хватается за локоть и дергает на скамью. Я плюхаюсь рядом с парнем в момент, когда в аудитории раздается громкий, хорошо поставленный женский голос:

– Студентка Воробышек, вы вновь испытываете мое терпение?

Только этого не хватало. И думать не думала.

– Что вы, София Витальевна, вовсе нет! – отвечаю уже с места, ныряю за макушки впереди сидящих студентов, разворачиваюсь и недовольно шиплю на парня, потирая ноющий локоть и отползая по скамье. – С ума сошел, Люков! Что за привычка распускать руки? Особенно с девушками? Больно же! И вообще, – добавляю через минуту, хмуро уткнувшись в конспект: – И с парнями тоже.

Люков понимает меня сразу. Он записывает новую тему лекции, вскидывает удивленно бровь, отвечая:

– Воробышек, ты ошиблась героем. Распускать руки «особенно с девушками», – тянет ухмылку, – мое любимое занятие. Тем более, что они большей частью не против. С парнями я руки не распускаю – гендерная роль не позволяет. Я с ними «разговариваю». Иногда с применением различных форм общения. Но ты уверена, птичка, что «то» была девушка? А не ядовитое нечто? – намекает прозрачно на встречу с Крюковой. – Девушки обычно вызывает во мне иные чувства.

– Более чем! – отрезаю я и замолкаю. Спорить с Люковым бесполезно, и я решаю избежать дальнейшего диспута. В течение ленты благоразумно работаю с конспектом, игнорируя редкие взгляды парня и улыбки его соседа. Когда звенит звонок на перемену, я стаскиваю со стола тетради, хватаю сумку и порывисто встаю. Отрываю Кольку от незнакомой девицы и тяну за собой в буфет. Щедро покупаю другу горячий хот-дог с сосиской и кофе и, наконец, перевожу дыхание.

Я уже заканчиваю городить Кольке ерунду, оправдывая свое присутствие в рядах старшекурсников, как слышу от друга невеселое и удручающее:

– Тебя разыскивал Синицын, Жень. Перед второй парой. Просил со старостой передать, чтобы срочно зашла. Кажется, – печально поджимает рот Невский и участливо смотрит на меня, когда я отрываю губы от чашки с кофе, о которую привычно грею руки, и упираюсь

взглядом в его приветливое лицо, – ты опять влипла по его предмету с контрольной. Да не переживай, птичка! – кричит мне вслед, едва я вскакиваю с места, чтобы бежать к декану. – Что-нибудь обязательно придумаем!

Но Колька ошибается. Придумывать нечего. У меня два висящих «неуда» – по «Основам электротехники» и «Теории механизмов и машин», неподобранные хвосты и подступившие сроки пересдачи. Еще немного, какой-то шажок за грань, и мне, как никогда прежде, будет грозить отчисление.

– Я кое-чем обязан Синицыну, – перехватывает меня злой Люков у ступеней крыльца, когда я, после занятий, с понурой головой выхожу из учебного корпуса и бреду вперед, не разбирая дороги. – Не знаю, чем он обязан тебе, Воробышек, – выплевывает, почти с ненавистью окидывая мою неприметную фигуру карим взглядом, – но что декану надо от меня, он дал понять четко. Я жду тебя сегодня у себя, – нехотя цедит сквозь зубы и отворачивается, – адрес ты знаешь!

Знаю, и выбора у меня, как и у Люкова, нет. Я долго смотрю вслед рванувшей с места темной машине – с началом зимы сменившей запоминающуюся «Хонду», и иду к остановке. Сажусь в автобус, здороваюсь с парой студентов на входе общежития и думаю о крохах аванса, затерявшихся на дне тощего кошелька. Открываю дверь в комнату и нехотя констатирую: хочешь – не хочешь, Воробышек, а с учебой тебе, видимо, суждено распрощаться.

– Женька! Быстро за тряпку! У нас потоп! – встречает меня криком с порога Крюкова, когда я распахиваю дверь, и с неукротимостью налетевшего смерча впихивает в руки ведро. – Представляешь, эти придурки с седьмого – япошки недоделанные, вентиль на рукомойнике сломали! Воду горячую, видишь ли, открыть не могли! У-у! Тормоза деревянные! – яростно пышет гневом, елозя тряпкой по полу, скрючившись в позу «Зю». – Откуда в студенческой общаге горячая вода, а? – спрашивает из-под мышки. – Вот ты мне, Воробышек, скажи? Откуда?! Если мы на единственный бойлер для душевой полгода всем этажом собирали?

– Видимо, все-таки открыли, – я быстро стаскиваю куртку, закатываю штанины джинсов и засучиваю рукава. Хватаю со сточной трубы тряпку и отжимаю в ведро. Спешу повторить опять.

– Конечно, открыли! Новаторы чертовы! Свернули башку крану на фиг. Уже полчаса как льет. Блин, хоть бы сантехник скорее пришел – замучаемся ведь воду отжимать! На-ась! – кричит Танька поверх моей головы в коридор. – Пни вахтершу там, пусть еще раз дяде Сене позвонит, не то мы сами за ним вплавь пустимся!

Два часа пролетают незаметно. Когда остаюсь один на один с полкой в шкафу, дефицитом времени и необходимостью выбегать из дому, я нехотя стаскиваю с себя мокрую одежду, надеваю прямую юбку в колено, узкий теплый свитер и сапоги. На улице мокрый снег и слякоть, машины медленной вереницей ползут по городу, и я добираюсь к дому Люкова намного позже, чем мне бы того хотелось. Подхожу к подъезду и слышу знакомое и неприятное:

– Ты смотри! Опять пришла! Да что ж вам всем здесь как медом намазано!

– Здравствуйте! – вежливо здороваюсь с выползающей на улицу старушкой и ныряю в парадное. Стучу каблучками по бетонным ступенькам и жму на черную кнопку звонка.

– Привет.

В прихожей квартиры Люкова темно. Я захожу в распахнутую дверь и вновь остаюсь один на один с темнотой. Надолго. В этот раз хозяин не включает свет и не предлагает, пусть и невежливо, пройти, ушлепав босыми ногами прочь, и я понимаю, что мне здесь не рады.

Темный комок жмется у стены, едва различимый в тени пышной банкетки, втягивает голову в плечи и отползает в угол, но я все равно нахожу его и беру на руки. Он так похож на моего любимого кота Борменталья, что сил удержаться от близкого приветствия нет.

– Привет, рыжий! – шепчу я в глазастую морду и нежно касаюсь ушей. Чешу вставшую дыбом на затылке шерсть. – Ты тоже мне не рад? – тихо спрашиваю, заглядывая в искрящиеся интересом глаза-огоньки, и кот отвечает неуверенным, едва различимым «мя-яу».

Узнал, значит. Я прислоняюсь к стене и неожиданно улыбаюсь, сбив шапку на макушку.

– Ну что ж, подождем твоего хозяина вместе.

Я могу быть терпеливой, и в гордости – совсем не гордой. Я вновь повторяю себе: «Мне плевать, что обо мне думает Люков», – и оставляю за собой право последнего слова.

Как я и полагаю, ему надоедает ждать припозднившуюся гостью, по непонятной причине застрявшую в прихожей, и он все-таки включает свет и появляется в широком проеме арки.

Надо же, как предсказуемо. Мне почему-то становится по-глупому весело. Я отпускаю кота и молча смотрю на Люкова, и не подумав прогнать с лица улыбку.

– Ну и? – вяло интересуется парень после минутного созерцания меня на своем пороге. – Чего ждем, Воробышек? – вскидывает бровь, сунув руки в карманы уже знакомых мне спортивных брюк. – Помочь раздеться? Шнурочки там развязать. Тесемочки, пуговики? Чего топчемся, спрашиваю?

– Так вроде никто не приглашал, – в тон Люкову отвечаю я и киваю на вход. – Я бы ушла, только разве бросишь дверь нараспашку? А у тебя тут кот. Сбежит еще, жалко.

– В смысле? – хмурит парень взгляд. – Ты о чем, птичка?

– Я-то? Да так, – жму плечом. – Просто мысли вслух.

Я терпеливо выдыхаю, отрываю спину от стены и поворачиваюсь к Люкову. Надеваю на руку снятую было перчатку и тяну шапку на ухо.

– В общем, я почему к тебе зашла, – вежливо отвечаю, беря сумку под локоть, – просто поблагодарить хотела еще раз за помощь с зачетом, за дружеское участие в судьбе нерадивой студентки и щедрое предложение. Спасибо, Илья, но от твоей руки помощи я вынуждена отказаться. Решила грызть гранит науки самостоятельно. Видишь ли, ты мне хоть и желанен до невозможности, правда-правда, – я мило улыбаюсь, глупо хлопая глазками по рецепту Крюковой и скаля зубки, – но совершенно не по карману. А насчет декана не переживай, я с Синицыным сама поговорю. Так что приглашать меня не надо, – разворачиваюсь к дверям, – тапочки предлагать тоже. Я забежала-то всего на минутку! Разреши откланяться и проща.... Ай, Люков! Ты что делаешь? С ума сошел? А ну-ка отпусти сейчас же!

Люков хватает меня за локоть, толкает перед собой по коридору в сторону комнаты и ставит в грязных сапогах среди светлого пушистого ковра гостиной. Чертыхаясь, возвращается в прихожую за выскользнувшей из моих рук сумкой, а я утыкаюсь глазами в буквальную красавицу сегодняшнего дня. Гостью хозяина квартиры, растерянно сжавшуюся на живописно распластанном диване, – блондинистую «мисс университет».

– Зы-здрасте, – удивленно сжеживаю из себя, поддевая пальцем очки на переносице.

Вот так встреча!

Надо же! Сама Лизка Нарьялова собственной персоной! Танька бы сдохла от восторга. Такая гламурная и неприступная! Красивая девчонка, ничего не скажешь. Она полусидит в постели, прикрывшись простыней, выставив напоказ отсоляренные плечи и верхние полукружия груди и, завидев меня, на миг теряется. Затем хмурит высокие татуированные брови и испуганно поднимает голову навстречу вошедшему Люкову.

– Илья! – произносит дрожащим голосом. – Что происходит? Почему здесь *она*?

А я сама не знаю *почему*. Но «она» звучит куда приятнее, чем «технический персонал», к которому, помнится, меня причислила давешняя темноволосая гостья Люкова, и я с благодарностью, заслуженно отдаю пальму первенства сегодняшней красотке. Право слово, милая девушка. Вот так бы и раскрыла причину своего появления, но Люков не намерен ей отвечать, ну, а уж я тем более. Мы просто стоим с ним в двух шагах и молча таращимся друг на друга, прожигая дыры, пока девица окончательно сползает с дивана и натягивает на холеное тело дорожную одежду.

– Хорошо, Воробышек. Не хочешь раздеваться, сиди в одежде, раз тебе так удобно, – неожиданно не выдерживает парень. Хватает меня за руку и легко, с плюхом, толкает за знакомый стол. Бросая на руки сумку, натягивает шапку на лицо до самого подбородка. – Мне все равно!

Это чистой воды произвол с замашками детсада! Я запоздало хватаю съехавшие на шею очки и порываюсь встать: да что он себе позволяет, гад блондинистый?! Но рука Люкова на плече крепка и тяжела как камень.

– Р-раздеваться?! – слышу я высокое, нервно-девичье за своей спиной, пока борюсь за свободу, и приближающиеся торопливые шаги. – Илья, ты впускаешь в свой дом девушку и приводишь в комнату тогда, когда мы вместе? Предлагаешь раздеться? Так просто, словно между нами ничего не случилось? – вопросительно всхлипывает Нарьялова, и я так и вижу затылком ее изумленное лицо. – А я думала, что ты... Думала, мы с тобой... Я порвала с Бампером и сама к тебе пришла! Я надеялась... А ты называешь ее так, как будто она для тебя что-то значит. Скажи, Илья, неужели она лучше?

Вот это я влипла, вместе со своей дурацкой фамилией. Я жду от блондинки истерику, и она случается. Громкая, со слезами. Но, как-то быстро сходит на нет. Все это время я остерегаюсь снимать шапку – когтистый маникюр у девушки ого-го, добраться до моей шевелюры ей ничего не стоит, – и я держу руки у щек, на всякий случай прижимая шапку так, словно не хочу слышать происходящий между этими двумя людьми односторонний разговор.

– Я, наверно, пойду? – выдает неуверенно девушка, успокоившись, и Люков странно смотрит на нее. Как будто только сейчас вспоминает о ее существовании.

– Давай, – просто отвечает.

Блондинка проходит комнату, поднимает с пола брошенную у постели сумку, взбивает волосы и, достигнув арки, останавливается. Поворачивается, словно ленивая красивая кошка.

И этот ее демонстративный поворот для меня. Он предназначен той, кого она без раздумий определила в соперницы. И он красноречивей некуда говорит: «Не все так просто со мной, Воробышек. Не все так просто. погоди сбрасывать такую, как я, со счета».

И я, ни капли не соперница, ей верю.

– Илья, может, хоть проводишь? – просит девушка, невзначай скользнув рукой по груди, и трогательно закусывает нижнюю губку.

– Конечно, – отвечает Люков. – Подожди, Лиза, – нависает надо мной, тянет к себе со стола телефон и набирает номер. Сообщает, после короткого разговора с абонентом:

– Через пару минут будет такси. Пошли, я оплачу.

В нем нет нежности, он по-деловому суров, и я обзываю его про себя «холодной ледышкой». Он напоминает мне Кая, из сказки про Герду и Снежную Королеву, и я в который раз в своей жизни удивляюсь, чем подобные парни берут таких красивых девушек, как Нарьялова.

Должно быть желанием этот лед растопить.

Когда Люков равняется с ней, а я наконец стягиваю с головы надоевший головной убор, рассыпав сбившиеся волосы по лицу и отыскивая в спутанных кудряшках расстегнувшуюся заколку, то неожиданно слышу злое, предназначенное мне:

– Удачи!

И обернувшись, удивленно отвечаю:

– Спасибо.

Но блондинка продолжает:

– Недолгой и неяркой, девочка! Мне жаль тебя, я вижу, ты не поняла, – горько усмехается, подняв подбородок, – он бросит тебя уже завтра.

Мне тоже жаль девушку и хочется сказать, что не стоит меня ревновать. Что я ни при чем и вовсе не встречаюсь с Люковым, что не желаю быть ей соперницей, когда их и так хватает. Но успеваю лишь сказать:

– Нет. Не бросит, он...

Но девушка уже смеется:

– Наивная! – и исчезает, а Люков смотрит на меня так, словно хочет задушить.

* * *

Когда он возвращается, я уже почти выхожу из квартиры. Делаю шаг к двери, дернув рыжего кота за ухо, и внезапно утыкаюсь носом в крепкую грудь. Тут же отшатываюсь, испуганно поправляя очки.

– Пропусти, я уйду, – говорю как можно тверже, выпрямив спину и подняв на Люкова глаза. Но он невозмутимо захлопывает дверь, отодвигает меня с пути, сует ключи в карман и уходит в комнату.

На этот раз он оставит меня стоять в прихожей до посинения, я это чувствую, а потому решительно разворачиваюсь, топаю за парнем прямо в сапогах и сердито утыкаюсь в него взглядом.

– Люков, я не шучу! – предупреждаю, как можно серьезнее.

Люков стоит на кухне, у окна. Спиной ко мне. Он слышит мои сердитые шаги и лениво бросает за спину, едва я приближаюсь.

– Кофе хочешь?

– Нет, – отвечаю я.

– А я хочу, – замечает парень, – сделай.

Вот так просто – вынь, да положи. Точнее, прогнись и завари. А я тут просто покурю.

– Обойдешься, – таким же ровным тоном говорю я. – Выпусти меня, Люков, и ты избавишь себя от проблем. А, может, даже, – добавляю, спустя паузу, – вернешь подругу. Ведь

ты меня терпеть не можешь! – бросаю в затылок весомый довод, устав ждать ответ. – И занятия со мной тебе совсем не нужны!

Но он по-прежнему молчит, и я продолжаю, сделав к нему пару шагов:

– Я расплатилась с тобой сполна. Я зашла пообещать тебе разговор с Сеницыным и объясниться. Я ничего тебе не должна, Люков, а уж ты мне тем более. С иллюзиями надо расставаться, учеба на данном факультете мне не по плечу, и это факт. Мне на работу надо, в конце концов! – заявляю о себе еще раз после очередной затянувшейся паузы. – Иначе мне не на что будет жить! Ты слышишь?!

– Слышу, – невозмутимо отвечает Люков и просит, полуприказывая, – не кричи. Со слухом у меня все в норме.

На улице поздние сумерки. В кухне темно, и широкоплечий силуэт гибкой фигуры, словно абрис – финальный набросок художника, четко прорисовывается на фоне окна. На Люкове расстегнутая рубашка, свободные штаны и больше ничего. Его взъерошенные светлые волосы вновь свободны от банданы и падают волнистыми прядями на затылок, притягивая взгляд.

– Ты знаешь, что такое слово, Воробышек? Которое, как тебя, не поймает? – он поворачивается и смотрит на меня. – Которое, если дал, надо держать. И не важно, легко оно брошено, или вытянуто клещами, – говорит равнодушно. – Так знаешь?

Вопрос прозрачен, но подтекст его весьма туманный для меня. Так же, как черты лица Люкова, скрытые вечерним сумраком. Он слишком пафосный для прямого ответа и слишком неожиданен для оказавшейся на чужой кухне малознакомой девчонки. Я настораживаюсь и чуть клоню голову к плечу, пытаюсь увидеть глаза парня.

– Ты о чем, Люков? – спрашиваю бесцветно, убирая из голоса краски бурлящих во мне эмоций.

– Догадайся, – бросает он, а я в ответ вскидываю бровь.

– Догадалась, – нехотя киваю. Задираю подбородок, поправляя очки. – Что ж, польщена, – честно признаюсь, удивляясь про себя самоуправству и напору декана. Спрашиваю в свою очередь: – И что я должна сделать в ответ на такой широкий жест с твоей стороны?.. Слово, данное Сеницыну, можешь забрать назад, Илья, – великодушно разрешаю. – Это слишком. Ни я не стою такого участия декана, ни ты такого давления. Это моя проблема, и я уже жалею о том, что согласилась с рекомендацией Юрия Антоновича и обратилась к тебе. Извини. Честное слово, это вышло от безысходности и невозможности брать платные уроки у профессионального преподавателя. Но ты мне тоже не по кошельку и весьма скудным возможностям кармана, как я уже сказала. Поэтому, давай я просто освобожу тебя от данного обещания и сейчас уйду из твоего дома по своим делам. А завтра...

– Мне плевать, Воробышек, что будет завтра, – перебивает меня Люков. – И на твои дела – тоже плевать. Сеницын смог получить с меня слово, значит, выбора у тебя нет. Впрочем, – парень отрывается от окна и подходит ближе, останавливается в шаге от меня, глядя колко из-под темных бровей, – как и у меня. Ты только тянешь время, птичка-невеличка. И свое, и мое.

– Но денег-то у меня нет! – возражаю я, вскидывая взгляд. – А в долг ты, наверняка, со мной заниматься не станешь. Да и времени уже много, – поднимаю руку и пытаюсь рассмотреть положение стрелок на наручных часах. Ловлю стеклышком слабый луч зажегшегося уличного фонаря, обтекающий плечо Люкова. – Ой! Мне через десять минут на работе быть надо!

– Ничего, расплатишься натурой, – невозмутимо ставит точку над «і» парень.

– Т-то есть? – не понимаю я. Вновь поднимаю глаза и смотрю в жесткое лицо. – Какой еще натурой?

– Кофе сделай, Воробышек, крепкий, с сахаром. А после ковер за собой замой – тряпку найдешь в ванной. И разуйся уже, – цедит недовольно Люков, сдвигая меня с пути, возвращаясь в комнату. – Совести у тебя нет, пришла, наследила. Я не в хлеву живу, и ты не на вокзале, так что работай, птичка! Быстро и качественно, пока я добрый.

– Кофе?! – я все еще не могу прийти в себя и глупо хлопаю ресницами. Какой кофе? Он что, с ума сошел?.. Или предложил честный бартер?.. Что-то я понять не могу.

– Люков, ты серьезно? – поворачиваюсь и вновь смотрю в широкую спину, топаю растерянно за парнем. Натыкаюсь на оставленные мной следы перед входом в комнату и останавливаюсь.

– Более чем, Воробышек. И не тяни время, – Люков растягивается на диване и щелкает пульт телевизора, – если не хочешь остаться здесь на ночь. Поверь, я смогу найти, чем тебя развлечь и развлечься самому. Как я понял, с «теорией машин и механизмов» у тебя тоже все запущено – будешь драить пол по всему периметру квартиры, как юнга палубу, до блеска. А за чертежи по инженерной графике – стиркой расплатишься. Если хорошо попросишь, конечно, – бросает за плечо со злой ухмылкой. – Декану понравится.

И я сдаюсь. Черт с тобой, Люков! Еще бы декану не понравилось! Но чертежи по инженерной графике – это круто, честное слово! И весьма великодушно, как для сидящего передо мной парня. Клянусь, мытье полов и стирка стоят того!

Я вспоминаю свою жалкую попытку изобразить деталь редуктора в изометрии, неделю бессонных ночей и усталые глаза преподавателя, взирающие с гадливым интересом на чудо-чертеж. Решительно бросаю сумку у стены, стягиваю шапку, шарф, расстегиваю куртку, снимаю сапоги и тащу все свое барахло в прихожую. Сажусь на миг у стены, касаясь рукой кота:

– В конце концов, чего я упрямлюсь, рыжий? – спрашиваю с улыбкой. – Ну, подумаешь, уборка! И не таких грозных, как твой хозяин, видали. Еще неизвестно, кто кого развлекать устанет! – обещаю многозначительно.

После чего встаю, достаю телефон и дважды пытаюсь дозвониться до Эльмиры.

– Эля, ты на работе? Привет. Эль, дай, пожалуйста, трубочку администратору зала. Кто сегодня, Катя?.. Катя, у меня тут произошло кое-что непредвиденное... Да нет, не ЧП, все в порядке, просто я попросить хотела. Можно, я сегодня вместо положенного графика в ночную выйду? Что? Ну, часам к одиннадцати, думаю, буду. Правда? Вот спасибо!.. Завтра? Вместе с вечерней? Ой, Катя, я не знаю... Ну-у, раз Оля на больничном, а часы пойдут по полной ставке... Да я понимаю, конечно, что ты меня выручаешь...

* * *

За окном темно и тихо, лишь мерно покачивается на декабрьском ветру, веющем от реки, одинокий фонарь. Недопитый кофе давно остыл, тема завтрашней контрольной разобрана по винтикам, и, к концу четвертого часа обстоятельного закапывания в мир энергии и механизмов, я уже едва замечаю твердое бедро Люкова рядом с собой. И даже несколько раз клюнув носом, нечаянно облакачиваюсь о ногу сидящего на столе парня.

Когда это повторяется вновь, и я непроизвольно зеваю, прикрыв рот ладонью, вместо ответа послушно кивая на вопрос Ильи, он окидывает меня взглядом, захлопывает конспект и соскакивает со стола.

– Думаю, на сегодня хватит с тебя учебы, Воробышек, – говорит спокойно, – пора по домам.

И я соглашаюсь.

– Угу. Пора. Спасибо, – складываю сумку и бреду к двери. На часах без десяти минут одиннадцать вечера, мне надо спешить, но руки отчего-то вязнут в длинном шарфе, путаются в молнии и не хотят отыскивать на куртке кнопки. На плечи наваливается такая нежеланная усталость, что я вдруг удивляюсь бесконечно долгому дню, и не думающему оканчиваться с опустившимися на город сумерками. Плавно перетекающему в неизвестное завтра.

Я надеваю шапку, сапоги, вешаю на плечо сумку, подхожу к двери и гляжу на Люкова, обозначившегося в прихожей. Прошу вполне миролюбиво:

– Открой, а? Думаю, пора выпускать меня на свободу.

Парень тянет створку шкафа-купе, набрасывает на себя кожаную куртку и, присев, быстро шнурует кроссовки.

– Выходи, – распахивает передо мной входную дверь и ступает следом из квартиры. Щелкает позади замком, жмет кнопку лифта, задерживая повыше воротник.

– Люков, тебе точно со мной по пути? – задаю я мучающий меня вопрос, когда мы выходим на улицу и молча бредем вдвоем в сторону остановки.

Ветер холодный и злой, под его резкими порывами волосы Люкова, свободные от банданы, непривычно треплет и бросает во все стороны. Тонкий хлопок спортивных брюк облегает ноги. Я поджимаю губы и искоса гляжу на четко обрисованные мышцы бедер парня.

– Слушай, холодно, шел бы ты домой, а? – говорю, отчего-то чувствуя за собой вину. – До остановки ведь два шага всего.

– Правда, Илья, шел бы, – повторяю, пряча подбородок в воротник куртки и ежась, еще через пять минут, когда он упрямо замирает возле меня в ожидании автобуса. – Мне в центр на работу, а там люди крутятся круглосуточно, ты же знаешь.

– Помолчи, Воробышек, – сует он руку в карман и садится со мной в автобус. Едет, равнодушно разглядывая за окном ночной пейзаж. И уходит лишь тогда, когда я пересекаю двери супермаркета и здороваюсь с охранником, так больше ни слова и не сказав. А я смотрю ему вслед и думаю, что странный он какой-то парень – этот Люков. Закрытый, жесткий, уверенный в себе, но уж точно не безразличный, каким хочет казаться.

И не холодный, неожиданно решаю я.

* * *

Я еду на занятия в университет прямо с работы. От двух чашек кофе, выпитых в фойе из экспресс-автомата, ужасно колотится сердце и сводит в узел голодный желудок, но мозги проясняются и открывается взгляд. На контрольную по теоретической механике я захожу во вполне работоспособном состоянии, готовая честно сразиться с предметом. Первую часть контрольной – расчетную, я выполняю сносно, вспоминая урок Люкова и решенные вместе с ним уравнения, а вот вторая – графическая, показать схематически взаимное расположение деталей в данном механизме – заставляет меня закрыть глаза и закусить губы от бессилия.

Колька пыхтит рядом, усердно работая с циркулем; вокруг скрипят о бумагу отточенные карандаши. Голова Наташки Зотовой – одной из четырех девчонок в группе, сидящей передо мной, – клонится к плечу старосты Боброва, заискивающе выдыхая на его щеку, и я, вздохнув, погружаюсь в чертеж. Жалея, что не могу вот так же нагрузить Невского, корпящего над заданием. Я коротко улыбаюсь другу, поднявшему на меня глаза, и с шепотком «все ок!» отворачиваюсь, в надежде не отвлекать парня и не искать в жизни легкого пути.

Когда остается минут двадцать до конца ленты, Колька все же милостиво вносит правки в мою безнадежную работу. Морщит лоб и разводит под партой руками: «Извини, Воробышек – это все, на что я способен!» Но этого достаточно, я устала, и мне почти плевать. Сегодня я смею надеяться на тройку, поэтому, когда звенит звонок, с легким сердцем сдаю контрольную, оставляю Кольку одного проверять свою работу и направляюсь в буфет.

* * *

После двух лент на большой перемене в буфете особенно многолюдно. Все столики заняты, комната полна чирикающих студентов, и я бочком протискиваюсь к длинной деревянной стойке, прибитой к стене на уровне груди. Покупаю чай – от витающего здесь запаха кофе почему-то кружится голова, – ватрушку, стелю на стойку салфетку и принимаюсь вяло жевать завтрак, отвернувшись к окну. Впереди еще одна лента, после – несколько часов долгожданного сна перед вечерней и ночной сменами, и я почти чувствую, насколько медленно, растягиваясь точно резиновые, текут минуты. Как устало слипаются глаза. Как шум вокруг сплетается в плотный узор из смеха, разговора и шагов, тяжелой шалью опускаясь на плечи. Я снимаю очки и протираю глаза...

– Привет, – поворачиваюсь на неожиданное приветствие и смотрю в смутно знакомое, худое лицо русоволосого парня.

– Привет, – отвечаю. – А мы знакомы?

– Конечно! Валера, – самоуверенно произносит парень и широко улыбается в ответ на мой озадаченный взгляд. Ставит локоть на стойку, нависая сбоку. – Помнишь, у дверей буфета? Я еще обещал прислать к тебе секретаря с визиткой, ну, типа, с красивым жестом к прекрасной даме?

– Помню, – киваю я, теряя к разговору интерес. Позади парня к стойке подходят две симпатичные девчонки из параллельной группы, и Валера тут же окидывает их заинтересованным взглядом.

– Отчего же не прислал? – спрашиваю, отворачиваясь. Что за фрукт этот Валера – понять не сложно. Отпиваю чай и жую теплую ватрушку.

– Ты ж адресок не дала! – запросто находится парень с ответом. – Может, сходим куда-нибудь вечером? – легко предлагает. – В кино, например. А хочешь – в боулинг?

Я удивляюсь.

– Что, и даже имени не спросишь? Типа, у прекрасной дамы?

– Ну, почему же, спрошу, – не теряется студент. – Хотя именные билеты в кино не нужны. Так как? – придвигается ближе.

– Извини, – я дожевываю булочку и сминаю салфетку. – Не получится.

– Что, не нравлюсь? – улыбается Валера, глядя, как я бросаю стаканчик в мусор.

– Нет, – честно отвечаю я. – Но дело не в этом.

Я отхожу от стойки и обхожу рядом стоящий столик, когда слышу за спиной ехидный смешок, брошенный мне вслед одной из девчонок:

– Да в том, в том, Сосницкий! Не сомневайся! Ей просто не нравятся такие зеленые, как ты! Она у нас с четвертым курсом на лестнице зажимается. Сама видела! С виду такая скромница, а на деле все обстоит очень даже весело! Правда, Воробышек?

Буфет вдруг затихает, а я растерянно оборачиваюсь к девчонкам и к вскинувшему в интересе светлую бровь парню.

– Что ты несешь? – спрашиваю коротко стриженную блондинку, взъерошившую волосы в жуткой укладке.

– Ты еще скажи, что нет! – хихикает девчонка. – Так что умойся, Сосницкий, и шагай к нам. Ты для нее – бледная моль.

– Это почему же? – возмущается парень. Окидывает себя критическим взглядом. – Вроде ничем Бог не обидел. Ни умом, ни телом. И кто же у нас такой яркий?

– Илья Люков, – с готовностью сообщает девчонка. – Знаешь такого?

– Да вроде, – удивляется парень. – Лорка, ты уверена?

– Уверена! Так что оцени шансы, Валерка, – смеется девушка, – и не трепыхайся. Подожди, пока птичку попользуют слегка, а потом уже и в кино приглашай. Так сказать, разогретую.

– Это правда? – Сосницкий криво усмехается и подходит ближе к девчонкам. – Если да, то я следующий! – говорит, оглядываясь на меня. – Имей это в виду, э-э, Воробышек, кажется? – подмигивает со смыслом, обнимая за плечи одну из подруг.

Это просто невероятно. Троица хихикает, студенты в любопытстве косятся на меня, а я стою, словно облитая помоями, не зная, что сказать. Когда из подсобки буфета выходит буфетчица Нина с полным подносом горячих хот-догов, я беру себя в руки, направляюсь, держа спину прямо, к ней за прилавок и решительно отбираю поднос. Возвращаюсь к стойке и опускаю его с хот-догами на головы изумленной троице. Слушаю с удовольствием отчетливой тишине буфета звук упавших на пол горячих бутербродов.

– Ненормальная! С ума сошла! – взрываются криками взбешенные девушки, но вдруг странно затихают. Как и плюющий грубыми словами парень. Не обращая на них внимания, я возвращаю поднос в руки недовольной буфетчице, невозмутимо достаю из сумки кошелек и вытряхиваю из него на столик кассы весь свой небольшой аванс.

– Вот, возьмите. Сдачи не надо, – вежливо говорю женщине, пряча в сумку пустой кошелек. – Извините, – еще раз прошу, разворачиваясь к дверям...

И спотыкаюсь на месте.

У входа стоит Люков в компании Лизки Нарьяловой и знакомого мне парня по имени Стас. Вместе со всеми равнодушно смотрит на меня. Когда я подхожу к дверям, он так и продолжает стоять, загораживая путь, и мне приходится тихо, но твердо сказать в его грудь: «Пропусти», – прежде чем выйти и, минуя озадаченного Кольку, шагающего навстречу по коридору, убраться из университета.

* * *

– Тань, займи денег, а? – я набираю номер телефона, прижимаю трубку щекой к плечу и

торопливо впрыгиваю в джинсы. Натягиваю носки. На часах пять вечера, я едва не проспала на работу, и чтобы успеть к половине шестого в центр города, мне нужна помощь подруги. – Я на работу опаздываю, – говорю, снимая с сушилki свитер и просохшие после внеурочного наводнения ботинки, – пешком не успею!

– О Господи! – замирает на том конце связи Крюкова. – Женька, что стряслось? – вопит в трубку. – Опять твой Люков, да? Он что, сволочь такая, снова оставил тебя без копейки?! Вот же урод!

– Да нет, Тань, – спешу я возразить подруге, задувая грозящий обратиться в пламя вспыхнувший фитилек Танькиного темперамента. – Люков здесь совсем ни при чем! Правда. Да и какой он мой, Крюкова, скажешь тоже! – удивляюсь словам девушки. – Я в буфете сегодня поднос горячих хот-догов нечаянно перевернула. На пол, представляешь? Полный, конечно! Ага, клуша! – соглашаюсь с подругой, вгоняя шпильки в волосы на макушке. Достаяю с антресоли спортивную сумку, сую студенческий в карман. – Пришлось возместить. Сама понимаешь: перемена, а тут студенты из-за меня голодные остались.... Так ты займешь, Тань? Мне немного. Завтра утром после работы на часик домой съезжу, мама обещала выручить.

– Тю, конечно! – фыркает в трубку Танька. – Возьми у меня в тумбочке сколько надо. Не стесняйся.

Я оглядываюсь на тумбочку Крюковой и мотаю головой.

– Нет, Тань, – отвечаю, – я так не могу. Не буду я в твои вещи лезть. А ты далеко? – спрашиваю, нахлобучивая на голову шапку. Наклоняюсь и спешно шнурую ботинки, отыскивая взглядом ключи.

– Ну, ты даешь, Воробышек! – возмущается Танька. – Не будет она лезть... Как будто ты мне чужой человек! – неожиданно обижается. – Нет, не далеко. У мобильного киоска на углу Яровой с Дементьевым тарахчу. Ты давай, Женька, к остановке выбегай, мы тебя здесь перехватим!

– Вот спасибо, Тань! – отвечаю, хватаю сумку и выбегаю из комнаты. – Не знаю, что бы я без тебя делала! – признаюсь подруге и слышу в ответ ее довольный смешок.

* * *

– Вот здесь, пожалуйста, на Молодежной притормозите! – прошу я водителя рейсового автобуса, когда машина сворачивает на знакомую улицу родного мне города и пересекает очередной светофор.

– Спасибо! – прыгиваю с подножки на припорошенный снегом тротуар, в пятнах промерзших луж, и спешу в сторону дома, где живет моя семья. Захожу в подъезд, поднимаюсь на седьмой этаж и привычно открываю дверь.

– Ма-ам! – подаю голос с порога, опуская сумку на пол и оглядываясь. – Бабуль! Я приехала! Вы где?

– В Караганде! – доносится до меня сонный басок из соседней с кухней комнаты близнецов. – Блин, сеструха, расчирикалась. Дай поспать. Воскресенье же!

А следом скрип дивана, глухой шлепок, и сразу за ним хриплое со сна: «Уй!»

С комнатой меня разделяет три шага, но я так и вижу, как в растянутого на постели худой каланчой Ваньку врезается брошенная братом подушка, а следом догоняет скользкий

подзатыльник.

– Пасть захлопни, Птиц! А то покалечу! – командует старший из близнецов – Данька и высовывает в коридор темную лохматую голову. – Привет, сеструха! – улыбается, натягивая на длинные ноги домашние шорты. – А ты чего тут? – спрашивает, задвигая за спину высунувшуюся было из-под его подмышки такую же лохматую голову Ваньки и отщелкивая брату щелбан. – Да еще в такую рань. Случилось что?

Я подхожу, встаю на цыпочки и целую брата в щеку. Войдя в комнату, притягиваю к себе обиженного Ваньку, ерошу пальцами его отросшую макушку и честно возмущаюсь, глядя снизу вверх в сонные глаза братьев:

– Совсем обнаглели, Воробышки! Я что, домой приехать не могу? Просто так? Может, я за вами соскучилась. Проснулась сегодня в пять утра, и бац! Жить не могу без ответа на вопрос: а как там мои братишки, в пубертатном периоде находящиеся, поживают? Ох, ничего себе! – удивляюсь, оглядывая хлопающие синими глазами прыщавые физиономии пятнадцатилетних подростков. – Вы что, еще выше вымахали? Ведь месяц назад метр восемьдесят шесть были! Слышите, мужики, может, хватит, а? – смеюсь, поправляя очки. – Вы же мать без ушей оставите!

– А у нас еще бабка есть, – ухмыляется ехидный Ванька. – У нее уши старые, жевать – не пережевать. Как у гоблина! – фыркает, почесывая пузо, и вдруг по-отечески серьезно интересуется, напуская на себя покровительственный вид: – Женька, слышь, у тебя там все нормально? Ну, в универе, и вообще. Мать переживает.

– Все хорошо, – спешу я заверить брата. – Просто отлично! А где мама, бабушка? Я рано утром звонила, вроде дома были обе.

– Мать в парикмахерскую ушла – ее клиентка с утра пораньше вызвонила. Сказала, скоро будет. А Ба со своими старухами в эту, как его, – хмурит Ванька лоб, – обитель терпимости утопала. Вот.

– Куда? – распахиваю я глаза, таращась на мальчишку.

– Ну, в церковь! – смущается он. – Блин, Женька, не грузи! Один фиг ведь! – хватает мою сумку и заглядывает внутрь. – Лучше скажи: у тебя пожрать есть чё-нить человеческое? Чтобы с калориями и сахаром! А то эти бабкины супчики и парные котлетки достали уже!

– Есть, – смеюсь, вынимая из кармана сумки два больших сникерса. Сую батончики в руки братьям. – Извините, – пожимаю плечами, – но это все.

– Годится! – в два голоса отвечают мальчишки и дружно шуршат оберткой. А я ухожу в свою комнату, которую всегда делила с бабушкой, и беру кое-какие теплые вещи. Тащу из кладовки в сумку банку варенья, с книжной полки – любимую книгу, захожу на кухню, тискаю толстого Борменталья, завтракаю с братьями и, прощаясь, убегаю. Взяв напоследок с Воробышков слово передать бабуле привет.

* * *

В парикмахерской людно. Сегодня не мамина смена, но иногда она выходит на работу в выходные дни под собственного клиента ради заработка, и, когда я заглядываю к ней в зал, мама уже заканчивает обслуживать красавицу Эллочку, – жену местного авторитета и по совместительству главу банного комплекса и фитнес-центра «Аврора». Супругу старшего брата того, кого я ненавижу.

Элочка пялится в зеркало, гладит наманикюренной ручкой оттюнингованные французской краской и утюжком волосики, но при виде меня вмиг слетает с кресла.

– Спасибо, Валюша! – благодарит маму привычной купюрой, поворачиваясь ко мне. Хлопает покрашенными под Клеопатру глазками. – Женечка, неужели ты? Куда пропала? – живо интересуется, окидывая меня жадным взглядом. – Я тут твою маму допытывать устала – прямо семейный секрет какой-то! Игорек тебя обыскался, места себе не находит. Исчезла, как в воду канула! Никому ничего не сказала. Вы же вроде вместе?

– Здравствуйте, – я здороваюсь с молодой женщиной, досадуя про себя на неожиданную встречу. Замечаю бесцветно, но вполне вежливо: – С чего бы это?

Подхожу к маме и целую ее в щеку. Шепчу:

– Привет! – и вновь поворачиваюсь к вездесущей Эллочке, оказавшейся вдруг у моего плеча. – Вы ошибаетесь, Элла. Я не имею к Игорю никакого отношения и никуда не исчезала. Просто к маме зашла повидаться.

– Ну, конечно, – криво поджимает губки шатенка, – не исчезала, я понимаю. А ты ничего выглядишь, Женечка, – замечает с улыбкой и любопытством в глазах. – Свеженько! Прямо весенняя несорванная орхидейка!

– Спасибо, – сдержанно отвечаю я. – Вы тоже, Элла, очень хорошо выглядите, – честно признаюсь, поворачиваясь к маме лицом и показывая клиентке, что разговор окончен.

Но молодая женщина за моей спиной и не думает уходить. Она обходит нас и становится сбоку. Накидывает модную сумочку на локоть, ловко извлекая из нее ключи с автомобильным брелком. Набрасывает на тонкие плечи шелковый шарфик.

– Ну, – улыбается кокетливо, – мне по статусу положено хорошо выглядеть. Я теперь жена депутата. Кстати, Женечка, как твои танцы? – любопытствует. – У нас через три недели в мэрии банкет небольшой намечается – костюмированная вечеринка по поводу новогодних праздников. И бал, конечно, куда без него. Как всегда, ты же помнишь? – намекает на наше давнее с ней знакомство. – Выступила бы ты с Виталиком. Вы с ним, помнится, такая чудесная пара были. Гордость города! Так как? Согласишься? Виталий, в отличие от тебя, и не думал никуда исчезать. Все возле Игорька крутится. Хотя танцы, к сожалению, тоже забросил.

– Спасибо, Элла, за приглашение, но я давно не танцую, – отвечаю женщине, заставив себя улыбнуться. – Очень давно. И мне совершенно безразлично, где и с кем проводит время мой бывший партнер. Извините, – отступаю в сторону, игнорируя ее внимание, – у меня мало времени. Очень рада была вас видеть.

– Я тебе говорила, Элла, – вступает в разговор мама, прежде чем увести меня в рабочую подсобку помещения, – что Евгения уехала из города. Мало того, она скоро выходит замуж. Прощу тебя, передай Игорю, пусть оставит мою дочь в покое, ведь мы не стали на него заявлять. В противном случае я вынуждена буду пожаловаться Сергею.

Сергей – мамин друг, человек не при больших полицейских чинах, а в большее я вникать не хочу. Думаю, он не в курсе моих дел и вмешиваться в них вряд ли станет – у него своя семья и обязанности, но другого мужского плеча у матери нет, и она, не раздумывая, выставляет его вперед.

– Ну что ты, Валюша! – ахает Эллочка, и картинно опускает ручку себе на грудь. – Я-то тут при чем? Это дела молодых. А замуж – это хорошо. Я всегда говорила, что у тебя замечательная девочка. Ну да ладно, – вздыхает она, наконец-то направившись к выходу, – ты меня лучше на укладку новогоднюю запиши! А то я кроме твоих ручек никому свою красоту

доверить не могу. Пока, Женечка! – прощается, и я отвечаю унылым:

– Пока.

Я задерживаюсь у мамы на час, после мы немного гуляем по городу. Говорим о том, о сем, отчего-то вспоминаем папу. Когда она спрашивает меня о моих успехах в университете, я с честным видом отвечаю, скрестив пальцы за спиной, что все замечательно. «Правда, все хорошо, мам!», – киваю на ее прямой взгляд, так похожий на мой собственный, отчаянно при этом краснея.

И уезжаю в мой новый несовершенный мир.

* * *

В автобусе полно народу. Вторая половина воскресенья, студенты возвращаются в промышленный центр на учебу, люди постарше – на работу, и я теряюсь в проходе, отчаявшись найти свободное место, прислоняюсь спиной к сиденью и от усталости начинаю клевать носом, рискуя потерять очки. Когда телефон взвизгивает очередным сообщением, я нехотя тяну к нему руку, ожидая увидеть сообщение от мамы, но вдруг читаю: «Воробышек, какого черта?», – и от удивления распахиваю глаза. Лихорадочно листаю ветку непрочитанных сообщений дальше и вижу еще одно, от того же неизвестного абонента, присланное вчерашним вечером: «Завтра в девять утра у меня».

От кого сообщение – гадать не стоит. И так ясно, от Люкова, догадываюсь я. Не ясно только, как мой номер оказался ему известен, но тут уж грешить приходится на одного из моих друзей. Я смотрю на часы – половина четвертого – черт! я значительно опоздала, завтра в универ, и спать хочется страшно, но делать нечего, уговор есть уговор, и я с вокзала еду на набережную, к дому Люкова, и поднимаюсь на знакомый этаж.

* * *

– Твоя доля, Люк. Пересчитай. Все до копейки, как договаривались, – ухмыляется через стол рыжий Бампер и двигает ко мне пачку денег. – Процент с клуба, с девочек, все по честному. Пересчитай, Илья! – настаивает обиженно, когда я не глядя сую деньги в карман.

– Верю, Рыжий. Что по налогам, все заплачено? – коротко смотрю в бумаги. – История с прошлым годом не повторится? Не хочется спасать нашу общую задницу из-за твоего жлобства.

Бампер разводит руками и виновато ухмыляется.

– Ну, дурак я, Илюха. Дурак, признаю. Хер я на те отчеты ложил, мне бы бабки посшибать. А что ты хотел?! – удивляется. – Это ж ты у нас голова, Люк! Да все нормально! – спешит меня уверить, когда я упрямо дохожу до платежей. – Кира Юрьевна у тебя не бухгалтер – удав, блин! И где ты эту рухлядь древнюю раздобыл?

– Что, впечатляет? – теперь уже ухмыляюсь я. Откидываюсь в кресле и смотрю на партнера по клубу. – Сказал бы тебе, Рыжий, где, – говорю беззлобно, – так ты по таким местам не ходишь.

– А че я там забыл, Люк! – ржет Бампер, выбивает из пачки «Винстона» сигарету и щелкает позолоченной зажигалкой. – Мое место здесь, у кормушки. А где раздобыл, я и сам

знаю. Яшка раскололся. Увидел кошелку и признался, что она у вашего папаша двадцать лет правой рукой была. А потом того, прихворнула, вроде, и он ее тут же за профнепригодность списал.

– Рано списал, – говорю я. – Дурак. Кира лучшая. Она сейчас в «Альтарэсе» бумаги разгребает. Видел бы ты, сколько мне дерьма от старого хозяина досталось. Жаль, открыто появиться не могу, так и хочется с мудака шкуру спустить. Хотя там и шкуры-то нет – косяк забитый один. Кстати, Рыжий, ты аппаратуру в клуб отправил. Как тебе?

– Зашибись, Илюха! – выпускает Бампер кольцо дыма, поднимая бровь. – Аппаратура в смысле. А клуб, – лениво сплевывает в пепельницу, – сральня против нашей куколки. По мне, так на хер тебе этот притон сдался? С этими их, – брезгливо кривится, – подпольными боями и наркотой. И вообще, Илюха, – стирает улыбку с широкого веснушчатого лица и смотрит на меня серьезными глазами, – я с тебя пухну. Не надоело при твоих мозгах кулаками за бабло махать?

– Так за серьезное бабло, Бампер, – спокойно отвечаю я. – И с серьезными людьми. Не надоело. А потом, зря, что ли, старик меня десять лет в Китае собачил. Денег не жалел.

– Так это правда? – удивляется парень.

– Ты про что, Рыжий?

– Про то, что ты за бугром жил, пока Яшка тут в сиропе вяз? Или это секрет?

– Не секрет, – подумав, отвечаю я. – Жил. В специнтернате на острове Лантау. Но говорить о том не люблю.

– Понимаю, – присвистывает парень. – Не хило. Но раз первое сказал, Илюха, может, скажешь уже и второе? – хитро скалится.

– Может, и скажу, – скалюсь я в ответ, удивляясь несвойственной мне словоохотливости. Дела в клубе идут хорошо, так отчего не поговорить с верным партнером? – Но не наглей, Бампер. Договорились?

– Да я-то что, – тушит Рыжий сигарету о пепельницу в форме жемчужины и грустно вздыхает. – Тут Яшка языком, что баба помелом метет, достал уже всех тобой.

– И что говорит?

– Да так, фигню разную. Ты на ум-то не бери, Люк, если что.

– Так что говорит? – вяло интересуюсь я.

– Да мелет, что ты ему родной только по отцу, и что папаша на тебя чхать хотел. Что выблядок ты и никогда не был в семье, потому как Большой Босс сбагрил тебя с плеч, подальше от жены и Яшки, как только узнал, что ты без матери, один остался. И главное, – тут парень уже не стесняется, – что Ирка к нему от тебя ушла? Ну? – ведет, наглец, вопросительно темной бровью. – Так, правда, Люк?

– Отчасти, да, – неохотно соглашаюсь я. – Но верить Яшке на слово не стоит, – советую Рыжему. – Этот совет – недорого возьмет. Шли его, Бампер, на хер, разговорчивого.

Бампер вдруг улыбается во весь наглый рот, поднимаясь вслед за мной и направляясь к дверям нашего кабинета. Говорит весело, накидывая на плечи куртку:

– Да он просто ссыт, Люк, что папаша тебе активы сбагрил в обход его! Наследник-то нынче не в милости, а я слышал, совсем плохо с сердечком у старика. Дряхленький Градов стал. Глядишь, и не удержит нехилый капиталец в руках.

– Да мне какое дело до них, Рыжий? Пошли они все... – отвечаю я и выхожу в зал, где гремит музыка.

– Костик! А сделай для красивой девушки двойной мартини, м? Будь лапочкой! А то градус ее настроения неуклонно ползет вниз! – девчонка у бара игриво заламывает губки и призывно смотрит на меня, перехватывая из ловких пальцев бармена коктейль. – Потанцуем? – предлагает, когда я, наконец, отпускаю от себя Костю и обращаю на нее внимание.

Как же ее... Света, кажется?.. Или Оля?

Она соскальзывает с табурета, одергивает короткую юбку, подходит ближе и кладет руку мне на локоть. Откинув волосы за плечо, просит, поигрывая в пальцах бокалом:

– Ну же, Илья, – улыбается. – Ты ведь не откажешь девушке в такой невинной просьбе?

А она ничего. Смазливая. Я смотрю на пальцы с темно-алыми ноготками, скользнувшие по глубокому вырезу кофты, а затем в глаза. Я уже был с ней, у девчонки все в порядке с головой... Отчего бы и не повторить? Тем более момент располагает.

– Ну что ты, детка, как можно, – отвечаю ей. – Только ты помнишь, надеюсь, какие именно танцы я предпочитаю?

– Конечно, – ничуть не смущается девушка прозвучавшего в моих словах подтекста. Напротив, подходит ближе и смело обнимает меня за талию. – Я и сама не против. Знаешь, – горячо выдыхает в шею, – ты отличный партнер. Мне нравится, как ты выходишь из любого положения. Жаль только, непостоянен, – хихикает. – Ну да я не жадная.

– И шум не люблю.

– Я помню, – кивает девушка, охотно отдаваясь моим рукам. – К тебе, или ко мне? – спрашивает, отставляя бокал на стойку бара. – Или, может, и правда потанцуем. Вместе. А то ты никогда...

– Смотри, Светка, не обьешься на ночь белка! – подает голос прильнувшая к плечу Бампера блондинка, когда я коротко прощаюсь с ним, увлекая девчонку за собой к выходу из клуба. – Лишние калории вредны для фигуры.

– Ну что ты, Лизонька, мне по конкурсам не скакать. Можно и расслабиться, – смеется девушка в ответ и машет подруге рукой. А я думаю, отводя от нее усталый взгляд: значит, все-таки Света.

– Хорошая тачка. Твоя? – спрашивает Света, когда я сворачиваю с моста на набережную и подъезжаю к своему дому. Протягивает руку и оглаживает заметно истертую замшу сиденья у своих ног. Щелкает пальцами по глиняному брелку в виде лохматого китайского мальчугана, болтающемуся на тонком шнурке между нашими лицами, и неловко улыбается. – Смешной!

– Нет, – вру я. – Знакомого.

Тачка – барахло. Не убитое, конечно, но все-таки. Вполне по мне на сегодняшний вечер. Девчонка врет, не краснея, нам не о чем говорить, и я отвечаю ей тем же.

Уже все случилось – быстро и скупно. Прямо у клуба. Я не намерен играть, и она это чувствует, легко поддаваясь мне. Мы оба не против продолжить начатое – к чему разговоры?

Желания девушки вполне откровенны и неприкрыты, как и небольшая грудь, почти обнажившаяся под распахнутым полушубком, и я везу ее к себе в дом, надеясь уже через час забыть. Но едва мы поднимаемся на этаж – срабатывает сенсор движения и площадка между квартирами освещается неярким светом, – я замечаю у своих дверей знакомую фигурку Воробышек.

Она сидит на корточках, прислонившись спиной и затылком к холодной стене, обнимает руками дорожную сумку и... спит. Глубоко, судя по ровному, чуть заметному дыханию, слетающему с ее полуоткрытых губ и тесно сомкнутым векам. Шапка сползла и лежит на плече, очки скосбочились... Невероятно. Я чувствую, как мои брови ползут вверх.

– Воробышек? – я подхожу ближе и удивленно произношу. – Ты что тут делаешь? – расстегнув на себе кожаную куртку, присаживаюсь перед ней. – Эй, Воробышек?

Но просыпается она не от моих слов, и не от прикосновения пальцев к ее плечу, а от растерянного, звонкого смеха Светки, раздавшегося из-за моей спины:

– Кажется, Илья, к тебе незваные гости?

И я отвечаю, глядя, как серые глаза Воробышек открываются и медленно фокусируются сначала на мне, а затем и на стоящей за моей спиной девушке, как губы смыкаются за коротким вздохом.

– Скорее неожиданные. Во всяком случае, к этому времени. Привет, птичка! – говорю холодно, вставая и нависая над ней. – Я смотрю, ты припозднилась.

– Люков? – девчонка сонно смотрит на меня снизу вверх, после чего переводит взгляд на темное окно лестничной площадки. Спрашивает неожиданно, поправляя очки. – А который сейчас час?

– Вообще-то, первый час ночи, – отвечает за меня моя сегодняшняя пассия, выглянув из-за плеча. – А что? – между прочим, интересуется. – Это много или мало?

Но Воробышек словно не замечает колючих слов девушки. Она опускает взгляд на руку, ищет затерявшиеся в рукаве куртки часы и невольно вздыхает, подставив циферблат под неяркий свет настенной лампы.

– Много. Ужасно много! – удрученно восклицает. – Какой ужас, это сколько же я проспала?!

Она убирает с колен сумку и порывается встать, но вдруг хмурится и возвращает свой тяжелый баул на место.

– Вы идите, – машет рукой, отворачиваясь к окну. – Я тут еще чуть-чуть посижу. Не обращайтесь внимания.

Сумасшедшая. Ей никогда не взять высоты планки, заданной себе сегодняшним ритмом жизни. Неужели она не понимает? И без того шаткий мостик, на котором она пытается удержаться в общей для всех реке, рухнет уже завтра под натиском не прощающей ошибок стремнины.

Сумасшедшая и странная. Неказистая птичка Воробышек.

– Илья, мы так и будем здесь стоять? – осторожно трогает меня за локоть Света-Оля, или как там ее, и недовольно поджимает рот. – Может, пригласишь в дом все-таки. Здесь прохладно, – ежится в полушубке.

Я достаю телефон, набираю номер и коротко называю адрес. Вынимаю из кармана купюру и сую в руку замершей девушке. Смотрю в растерянные, удивленные глаза.

– Извини, детка, в следующий раз. Это тебе на такси, – отвечаю, разворачивая девушку к ступеням. – Идем, провожу, – подталкиваю ее к выходу, провожаю вниз и усаживаю в

подъехавшую машину.

– Кто она? – только и спрашивает Света перед тем, как я захопываю за ней дверь и возвращаюсь к себе, и я честно жму плечом, отворачиваясь от погрузневших глаз.

– Никто. Просто залетевшая птичка.

* * *

Я слышу шаги Люкова на лестнице, и вновь порываюсь встать – да что же это такое! – но у меня ничего не получается. Проклятье! Я не чувствую ног, совсем, едва ощущаю начинающую покалывать кисть левой руки и с немым стоном откидываюсь назад. И как я только умудрилась присесть на минутку, а отключиться почти на восемь часов! Господи, бывает же! Я вновь тяну сумку к себе, поворачиваю голову и встречаю уколотивший меня с лестницы темный взгляд.

– Что у тебя? – лениво спрашивает Люков, ступает на площадку и подходит ко мне. Достает из кармана кожаной куртки ключи и поигрывает ими в руках.

– Все хорошо, – отвечаю я. – Я же сказала, – отвожу взгляд от парня, стараясь держать лицо, хотя руку начинает колоть нещадно, а еще ужасно хочется ее потрясти, – немного посижу и уйду. Тебе что, жалко? – говорю тихо. – Иди домой...

– Птичка, – кривит рот Люков и садится передо мной на корточки, – ты хочешь, чтобы я тебя ущипнул? Что у тебя с ногами? – интересуется почти зло. – Воробышек, не раздражай! – выплевывает еще через секунду.

– Ничего страшного. Отсидела, наверно, – сухо признаюсь я. – Совсем не чувствую, потому и встать не могу. Глупо...

– Глупо, – соглашается со мной парень, а я договариваю, отчего-то сердито, так, словно это он во всем виноват:

– А еще больно! И я не хочу, чтобы ты на это смотрел. Иди уже домой, Люков! – не выдерживаю и стаскиваю с колен сумку. – Дай мне спокойно понять!

Он уходит, а я закрываю глаза. Тру пальцами правой руки вялую левую кисть и слушаю, как щелкает в двери, впуская парня, собачка замка. Слушаю, как он возвращается и подхватывает с пола мою сумку. Как, закинув ее в прихожую, вновь шагает на площадку, но теперь уже протягивает руки ко мне...

– Эй, Люков, ты что делаешь?! – не успеваю я возмутиться, как оказываюсь оторванной от стены и пола высоко в руках парня. Но пошевелиться возможности нет.

– Только чирикни, Воробышек! Выброшу! – шипит мне в лицо, переступает порог и сажает на дурацкий пуфик. Рывком закрывает дверь, расшнуровывает, стаскивает с меня и отбрасывает прочь ботинки, снимает носки и как можно выше задергивает на икрах джинсы. Быстро и умело.

– Молчи! – бросает мне, открывшей было перекошенный от боли рот, садится передо мной и начинает неожиданно осторожно разминать икроножные мышцы. Растирает пальцы ног и надавливает на какие-то точки под пяткой, и я послушно затыкаюсь.

– Ну как? – спрашивает Люков через несколько минут, когда я начинаю дышать спокойно, а он сбрасывает с плеч куртку. И я благодарно признаюсь, глядя в темные глаза, вновь ощущая свои ноги способными к ходьбе:

– Легче! Честное слово, – почему-то признаюсь, – это со мной впервые. Чтобы вот так

запросто уснуть в подъезде чужого дома, да и вообще... Спасибо тебе, Илья.

Он отпускает мои щиколотки, задержав на них взгляд, и уходит в глубь квартиры, оставив меня одну. А я еще раз смотрю на часы. Без двадцати час – с ума сойти до чего поздно! Автобусы давно не ходят, завтра с утра в университет... Мне надо как можно скорее добраться до общежития! Пожалуй, маминых денег хватит даже, чтобы поймать такси, а завтра наступит новый день, и я как-нибудь выкручусь...

Я отыскиваю глазами улетевшие прочь носки и натягиваю их на все еще покалывающие ноги. Сдергиваю вниз штанины джинсов и поправляю шапку. Наклоняюсь к ботинку, когда неожиданно слышу знакомое:

– Кофе хочешь? – а следом и сам Люков появляется в коридоре. Смотрит на меня вопросительно, сунув руку в карман брюк. – Твой чертеж на завтра готов, Воробышек, – замечает с нажимом. – Если бы ты пришла утром, то могла бы принять в нем участие. А так...

«А так, – заканчиваю я за Люкова недосказанную им мысль, – извини, но твоего спасибо мало».

Что ж, если он и правда сделал за меня чертеж, как говорит, то я полностью с ним согласна. Одного спасибо мало.

Я поворачиваюсь к парню и смотрю в немигающие глаза.

– Хочу, – отвечаю, не сильно кривя душой. Я порядком замерзла и давно не ела. Приготовить кофе для Люкова и помыть пол – мне ничего не стоит. К тому же, в прошлый раз он был не против поделиться напитком. Это ерунда в сравнении с не вовремя, но все же сданной работой по инженерной графике.

– Хотя лучше бы чай, – добавляю обреченно. Просто потому, что совершенно не представляю теперь, когда и как попаду домой. – Если тебя, конечно, не смущает мое позднее присутствие в твоём доме.

– Тогда поехали, – решительно выдает Илья и кивает на ботинок в моей руке. – Обувайся, Воробышек, – сухо приказывает. – Потому что кофе у меня нет. Впрочем, – цедит сквозь зубы, сдергивая с вешалки куртку и оглядываясь в поисках ключей, – чая тоже. Да и вообще ни черта нет, если честно!

Случайно или нет, но Илья привозит меня к супермаркету, где я работаю. Я кое-кого знаю из сегодняшней смены и чувствую себя весьма неловко, когда знакомые продавцы, здороваясь со мной, провожают спортивную фигуру Люкова заинтересованными взглядами. Закатывают глазки и выставляют большие пальцы, ничуть не смущаясь, что их могут заметить.

Я так и выпучиваю глаза на симпатичную Наташку из мясного отдела, загоняя ее обратно за прилавок, когда она откровенными намеками и жестами просит меня подойти поближе, чтобы показать ей своего спутника.

– Воробышек, ты издеваешься? – бросает Люков через плечо, едва я перестаю глазеть на новый яркий стенд известного алкогольного брэнда и топаю вслед за ним, делая вид, что мы не знакомы.

– Нет, – удивляюсь я, натыкаясь на его спину. – А что?

– А то, – Люков разворачивается и толкает ко мне от прилавка забытую кем-то пустую тележку. – Давай, отработывай! – недвусмысленно говорит, хмуря лоб. – Я тебя не на променады вывел.

– В смысле? – не понимаю я.

– Ф-форобышек...

– А-а, – наконец-то доходит до меня. Я смотрю на поджатые губы парня, на развернутые плечи под расстегнутой короткой курткой и почему-то оглядываюсь. Говорю осторожно, поддевая пальцем очки на переносице. – Ты хочешь, чтобы я купила для тебя продукты?

– Что-то типа того, – соглашается Люков. – Вот этот кофе, например, – протягивает руку и бросает в корзину двухсотграммовую пачку бразильской арабики. – Или вот этот чай, – не глядя, снимает с длинной полки дорогой цейлонский букет в подарочной упаковке с красивой фарфоровой чашкой внутри и опускает рядом с кофе. – Это что, так трудно? – раздраженно интересуется.

– Н-нет, – качаю я головой. Поднимаю глаза к ценникам, прикидывая к стоимости имеющуюся у меня в кошельке наличность. – Конечно, не трудно, Илья, – отвечаю примирительно. – Только знаешь, э-э, может, ограничимся упаковкой поменьше? Например, вот этой, – киваю подбородком на стенд, где стоит выбранный Люковым кофе, но вдвое меньшим весом. – Для меня это дорого.

– В смысле? – теперь уже Люков таращится на меня, а я вздыхаю: чего тут не понять?

– Понимаешь, если ты возьмешь этот кофе, – тычу пальцем в стенд, объясняя Люкову ситуацию, словно ребенку, – и этот чай, – поднимаюсь на носочки, но таки достаю до выставленного товара, – то у меня не хватит денег рассчитаться. Если оставишь чай, но возьмешь вот этот кофе, – медленно и внятно объясняю, касаясь упаковки с меньшим весом, отчаянно краснея под холодным взглядом, – то мне еще останется немного мелочи доехать утром до университета. Что тут непонятного?

Ну действительно, что? Я так и стою целую минуту, глядя на парня с отставленной вверх рукой, пока не замечаю, как на его скулах начинают нервно ходить желваки.

И что я такого сказала?

– Я сам рассчитаюсь за все, Воробышек, – тихо цедит Люков на мой удивленный взгляд. Не отводя от меня глаз, демонстративно снимает с полки банку не пойми чего и со стуком бросает к кофе. – Твоя задача просто наполнить корзину. Ясно?

– Э-э, да-а... – выдыхаю я, вдруг сообразив что к чему и краснея еще гуще. – А мне показалось, – бормочу тихо, отводя глаза в сторону, – что... в общем... Хм.

* * *

Мы возвращаемся к дому Люкова молча. Едем по ночному городу и думаем каждый о своем. Илья хорошо ведет машину – ровно и уверенно, и я уже жалею, что вновь повела себя глупо, упрямо забравшись на заднее сиденье. Но память штука не простая, и я хорошо помню одну такую же позднюю прогулку по ночному городу и стихийно мелькающий за окном пейзаж. Вот только машина была другой – не в пример лучше, скорость – не в пример больше, а водитель... Водитель был не в пример красноречивее.

Я захожу в квартиру Люкова и ловлю себя на странной мысли, будто вернулась домой. Ну надо же! Рыжий кот привычно сидит пыжиком у стены, вокруг тихо, тепло и уютно, мы молча раздеваемся и бредем на кухню. Так же молча я помогаю Илье разобрать пакеты с продуктами и заполнить холодильник. Большой, но странно пустой и какой-то удивительно грустный, словно обделенный вниманием хозяина. Затем отступаю к раковине и, пока на плите греется чайник, мою немногочисленную посуду и споласкиваю чашки.

Квартира у Люкова небольшая: двухкомнатная, хорошо обставленная, с уютной кухней и просторной гостиной, но вот жилой утвари в ней не хватает. Я распахиваю шкафчик над мойкой, сую любопытный нос еще в один, привстав на цыпочки, заглядываю в третий, но так и не могу отыскать в них нужный мне предмет.

– Илья! – негромко окликаю удалившегося в комнату парня, оборачиваюсь и неожиданно обнаруживаю его стоящим у окна. Уже в легкой домашней одежде, босиком и без своей извечной банданы. И вновь теряюсь на миг от разительного контраста светло-русых волос и темных глаз, в который раз обескуражившего меня. – Я не могу найти заварник. Такой небольшой чайник для чайного листа, – говорю, пытаюсь взять себя в руки и не сжиматься пружиной под этим прямым взглядом. – Ты не подскажешь, где он у тебя?

– Не помню, – Илья только пожимает плечом. – Скорее всего его просто нет.

– Да? Жаль, – вздыхаю, оглядывая ряд шкафов. – Послушай, – предлагаю, делая шаг к парню, – а может, приготовить что-нибудь? Что ты хочешь? Вон сколько продуктов купили, и мне совсем не трудно.

– Поздно уже, Воробышек, – отвечает Люков. Подходит к столу и наливает себе кофе. Открывает подарочный чайный набор, достает фарфоровую чашку, сыпет в нее щепоть чая и заливает кипятком. – Давай ограничимся этим, – просто говорит.

Но я все-таки делаю пару мясных бутербродов, а еще приношу малиновое варенье, привезенное из дому, и наливаю в пиалу. Сажусь за стол напротив Люкова, стараясь на него не смотреть, и с удовольствием грею руки о теплые края чашки. Еще долго сижу после (когда парень уходит в душ, а затем в комнату), жуя бутерброд и зевая, – оказывается, я здорово проголодалась, – твердо намереваясь дождаться скорого утра.

– Воробышек, долго ты собираешься здесь торчать? – Люков возникает на пороге кухни, как раз тогда, когда мой подбородок грозит соскользнуть с поддерживающих его кулачков и нырнуть в белую чашку с остатками чая. Отрезает хмуро: – Иди спать.

– Куда? – поднимаю я голову. На миг мне кажется, что он сейчас выставит меня за дверь, в холодную декабрьскую ночь, и я испуганно озираюсь на темное, подмерзшее окно с едва заметно тлеющим за ним светом фонаря.

Но Люков словно читает мои мысли.

– В спальню, Воробышек, в спальню, – устало отвечает, подходит и бросает мне на колени чистую футболку и полотенце. – Можешь принять душ, я не против. Новую зубную щетку найдешь в малом шкафу, – говорит, возвращаясь в комнату. – Только свет за собой потуши. Надеюсь, у тебя хватит сил не уснуть на ходу.

Сил хватило. Как раз на то, чтобы принять душ, сполоснуть белье и мышью проскользнуть мимо развалившегося на диване Люкова в темную спальню. Я еще не была в этой комнате и иду к месту указанной хозяином ночевки почти на ощупь, забираюсь под теплое одеяло, взбиваю подушку и тут же засыпаю. Быстро и глубоко, так спокойно, словно в давно знакомом месте. Впрочем, на границе сна я все же успеваю подумать, что так и не позвонила Таньке.

* * *

Мне снится вертолет. Огромный и шумный. Я лечу в нем над бескрайним сияющим морем, почему-то вместе с Люковым, а горячий солнечный луч лижет жаром мое ухо.

Когда я просыпаюсь, то обнаруживаю рыжего кота забравшимся в постель и нагло спящим на моем плече, и невольно вспоминаю своего любимого Борменталья с его схожими привычками, оставшегося дома.

Пять утра – подсказывает мне телефон. Я спала всего ничего, и еще слишком рано, но сон слетает с меня, словно вспугнутый тихим окриком воришка. Я встаю, высовываю нос в темную гостиную, натягиваю футболку пониже на бедра и крадусь мимо спящего парня в сторону ванной, где опрометчиво забыла вещи. Умываюсь и тихо ухожу на кухню. Затворив за собой дверь, зажигаю свет и начинаю шелестеть продуктами, помня о том, что так и не отплатила Люкову за сделанный им накануне чертеж.

Я тушу мясное рагу и жарю картофельные оладьи. Кормлю сметаной вертящегося у ног кота. Когда стрелка на настенных часах показывает половину седьмого, у меня уже все готово, и я решаюсь взглянуть, не проснулся ли Люков, и если нет, то тихо сбежать домой.

Ильи в комнате нет. Мало того, диван оказывается начисто запровлен и собран, а сам хозяин, пока я в недоумении оглядываюсь по сторонам, показывается из лоджии. Выходит обнаженный по пояс с декабрьского холода, босиком, одетый только лишь в низко сидящие на бедрах свободные штаны, и останавливается передо мной. Отстраненно поднимает глаза.

Мне бы восхититься скульптурным сложением торса парня, узкой, темной дорожкой волос, сбегаящей куда-то вниз, гладкими, плотными бицепсами и рельефным прессом – я все же женщина и способна оценить непредвзятым взглядом сильное гибкое тело Ильи. Но вместо этого я с изумлением таращусь на мелкие капли пота, рассыпанные бисером по оголенной груди.

– Люков! – восклицаю, не в силах сдержаться. – Ты что там делал? С ума сошел! Декабрь на дворе, простудишься! – оглядываюсь по сторонам в поисках какой-нибудь теплой вещи, но нахожу лишь шерстяной плед, лежащий на спинке кресла. Делаю шаг, снимаю его и набрасываю парню на плечи...

Руки Люкова легко пресекают мой благородный порыв. В один миг перехватывают запястья и отводят от плеч. Плед падает к ногам, Илья отпускает мои руки, обходит стороной и холодно интересуется, уже из глубины комнаты:

– Как спалось, Воробышек? Вижу, не очень-то крепко, раз уж ты с рассветом на ногах. Что, клопы укусили? Или домовый измучил? Я смотрю, он от тебя ни на шаг.

Какие еще клопы? Какой домовый? Я поворачиваюсь к Люкову и растерянно наблюдаю за его смуглыми пальцами, перебирающими вещи в открытом ящике большого комода. Мысленно одергиваю себя, отводя взгляд в сторону, когда замечаю, что в течение целой минуты молча таращусь на заметную игру мышц на крепкой мужской спине.

– Спасибо, о-очень хорошо, – отвечаю, принявшись разглядывать висящую на стене фоторепродукцию знаменитой картины. – Нет, правда, Илья, замечательно спалось, – спешу уверить радушного хозяина, приютившего нежданную гостью. – Зря ты так. У тебя удобная кровать, и если честно, она куда лучше, чем у меня в общежитии. Я просто раньше выспалась, – пожимаю плечом, – вот и встала.

– Ну да, – хмыкает парень, задвигая ящик. Поворачивается и бросает на диван стопку чистых вещей. – Я видел, как ты выспалась. Советую завязывать с таким экстремальным сном, Воробышек. Это слишком, даже на мой взгляд.

Я бы хотела, но не могу пропустить упрек парня мимо ушей. Действительно, глупо получилось. К тому же я, кажется, не извинилась перед ним за то, что невольно испортила многообещающий вечер с симпатичной девушкой и навязалась со своими отсиженными

конечностями на его кровать. Мне вдруг думается, что я совершенно некстати вчера оказалась перед дверью его квартиры. Что ничего не знаю о его личной жизни. Что, возможно (хотя и догадываюсь о характере парня завязывать непродолжительные, ни к чему не обязывающие интрижки), сама того не желая, могла послужить причиной разрыва более глубоких отношений. А вдруг? Ведь то, что девушка была не на шутку расстроена, я успела понять.

Не знаю, наверно, мама права, и я совершенно не умею владеть лицом. Я вздыхаю, поправляю очки, убираю за ухо выбившуюся из захвата шпильки непослушную прядь волос, переминаюсь с ноги на ногу и безуспешно подбираю слова: то ли для извинения, а то ли для благодарности. Все блуждаю взглядом по стене, перескакивая с предмета на предмет, не зная с чего начать, когда Люков внезапно не выдерживает и говорит сам:

– Довольно, Воробышек, хватит бичевать себя. Случилось так, как случилось. Мы все успели до тебя, если тебе интересно.

Я поднимаю взгляд и встречаюсь с темными глазами Ильи – карими и колючими. Мои щеки тут же опаляет жаром: от его откровенности и от того, насколько я для него прозрачна. Он смотрит на меня как всегда – хмуро и холодно, видно по-другому просто не умеет, и я в который раз смущаюсь под этим взглядом.

– Все равно неудобно получилось. Ты уж извини, Илья, – отвечаю, оглянувшись на звук скрипнувшей двери в кухню и выползающего в узкий проем кота. Сытно мяукнувшего при виде хозяина. Говорю, чувствуя неловкость. – Я, пожалуй, пойду. Скоро рассветет, да и пора мне, – поворачиваюсь в сторону прихожей, решив оставить парня одного – время подходит к семи, нежданной гостье пора бы уже и честь знать! – но он останавливает меня вопросом, лениво прозвучавшим в спину:

– Ты уже позавтракала, Воробышек? Вкусно пахнет.

– Нет, я... – собираюсь сказать, что если сейчас уйду, то вполне успею забежать перед первой лентой в общежитие и позавтракать с Танькой, но вдруг, уловив в лице парня едва намечившуюся кривую усмешку, хмурюсь. Спрашиваю осторожно и с подозрением:

– А что? Только не намекай, Люков, что хочешь кофе. Кофе вреден для здоровья, знаешь ли, особенно в больших количествах.

– Кофе? И не думал даже, – он разворачивается и невозмутимо проходит мимо меня в душ. – Давай чай, Воробышек, – повелительно бросает через плечо, захлопывая дверь ванной комнаты перед самым носом увязавшегося за ним кота. Повышает голос так, чтобы я услышала его из-за двери. – Сделай, и будет тебе к университету личное такси, а к зачетной неделе – счастье!

– Счастье?! – я стою и оторопело моргаю вслед наглецу Люкову. Растерянно оглядываюсь на дверь, не зная, что и думать. Похоже, парень решил не стесняться на мой счет, и, раз уж я под рукой, использовать по «договоренности» по полной программе.

Что ж, сама виновата, винить в том некого.

Он прав. Со следующего понедельника начнется зачетная неделя – время сдачи долгов и обивания в поклонах порогов кабинетов, и без помощи Ильи мне не справиться. Одних чертежей за мной висит семь штук! И с мыслью, что я использую его не меньше, а может, и гораздо больше, покорно бреду на кухню и ставлю на плиту чайник. Готовлю кружки и разливаю в них кипяток.

Оладьи вышли отменные – пышные, теплые и хрустящие, рагу – вкусным и ароматным, мне не стыдно за свою стряпню. Люков не жаден, и я с удовольствием угощаюсь за его счет.

Хрущу четвертым деруном, запущенным в сметану, попивая дорогой чай и изредка поглядывая на молчаливо завтракающего Илью, когда мой телефон внезапно содрогается в виброрежиме.

– Да, Тань, – негромко отзываюсь я, поднеся аппарат к уху. – Привет.

– Привет, Женька! – восклицает Крюкова, как всегда наплевав, что на дворе стоит раннее утро и время для крика не самое подходящее. – Ты где? Едешь уже? – громко интересуется. – Я так и знала, что ты с ночевкой дома останешься! Серебрянского к нам в комнату протащила, представляешь? Прямо под носом у вахтерши! Вот зараза! Я его великодушно простила, а он мне всю ночь спать не давал, в любви признавался, дурачок. Жень, ты хлеб купи, если что, а то мы весь сожрали! И масло сожрали, ага. И даже сухари! А чё так тихо вокруг? – девушка смеется, но вдруг настораживается. – Ты вообще в автобусе или где? Же-ень?! Ау! Жень!

На кухне Люкова так тихо, что голос Таньки отчетливо доносится из динамиков.

– Тань, я не в автобусе, – признаюсь подруге, – но скоро буду. Пожалуйста, Крюкова, – прошу, прикрыв телефон рукой, – говори тише, утро же!

Но только я прошу Таньку быть сдержанней, как она взрывается требовательным криком:

– Воробышек, немедленно отвечай, где ты! Слышишь, Женька, не молчи! Еще семи утра нет, где это ты торчишь?!

– Я, э-э, у одного знакомого, Тань, – закусываю губу и кошусь на Люкова, не зная, что сказать. Он отлично слышит разговор, продолжает неторопливо жевать, но в уголке его рта появляется кривая ухмылка.

– Где? – вопит Танька. – У какого еще знакомого? Не ври, Женька, я тебя знаю! Нет у тебя здесь никаких знакомых! Немедленно признавайся, где ты и что случилось? А то я сейчас к тебе домой позвоню, мне это все не нравится!

– Успокойся, Крюкова, – почти сержусь я. С Таньки ума станется переполошить мать и братьев. – Я у Люкова Ильи переночевала. Сейчас позавтракаю и скоро буду.

– У кого?! – глухо переспрашивает Танька, кажется, теряя дар речи.

– У Люкова, помнишь, я говорила – с четвертого курса. О-он мне с учебой помогал, – закрываю глаза и краснею как маков цвет. Господи, до чего глупая ситуация!

Танька на миг затихает, мне даже кажется, что девушка бросила трубку, но вдруг ее голос с новой силой врывается из динамика в тишину кухни:

– С какой еще учебой? Ты что, подруга, меня за простофилю держишь? Так я тебе и поверила! Воробышек, ну ты даешь! Признавайся, у тебя с ним что, было?! Было, да? – выкрикивает громко и почему-то радостно. – Очуметь! А я тебе, Женька, что говорила?! Совмести приятное с полезным! Хороший секс еще никому не вредил! Ну, и как наш бэдэсэмэшный красавчег? Не подкачал? А...

Но я уже не слушаю Таньку, а попросту отключаю телефон. Я знаю, мне не удастся спрятаться от ее вопросов, и вечером она скорее всего замучает меня выпытыванием подробностей, но сейчас, под вопросительным взглядом Люкова, я чувствую себя ужасно.

– Поставь чашку на стол, Воробышек. Если хочешь, возьми другую.

– А? – я поднимаю глаза на Илью, так и не отхлебнув чай. – Что?

– Ты положила в чай сметану и вряд ли сделала это намеренно. Не советую пить такую дрянь.

– Правда? – я кошусь в чашку, где плавают белые хлопья, и поспешно отставляю ее от

себя. – Послушай, Люков, – говорю, рассматривая под своими пальцами тонкий перламутровый фаянс. – Ты же понимаешь, что все это ерунда?

– Ты о чем, Воробышек? – сухо спрашивает Илья. Он давно допил свой чай и опустошил тарелку, и теперь, откинувшись на спинку стула, с любопытством смотрит на меня.

– Ну, – тушуюсь я под его карим взглядом, заправляю за алеющее ухо непослушные прядки волос, – ты ведь все слышал.

Парень поднимает бровь.

– Слышал. И что?

А я продолжаю.

– Как-то по-глупому вышло. Я не хотела.

– Не в первый раз глупо, Воробышек, – замечает Илья. – В твои двадцать тебе уже пора научиться если не врать, то недоговаривать. Никто тебя за язык не тянул.

Не тянул, здесь он прав. Сама Таньке созналась, а теперь вот жди бури в стакане. Только вот искусству дипломатии мне учиться уже поздно.

– Девятнадцать, – говорю я и вздыхаю. Снимаю со стола посуду и отношу в мойку. Мою тарелки и чашки, расставляю по местам, после чего поворачиваюсь к Люкову и со словами: «Спасибо за завтрак, Илья, мне пора», – решительно направляюсь в прихожую.

Люков появляется в прихожей через минуту, когда я уже одета, а дорожная сумка висит на плече. Повязывает бандану, надевает часы, накидывает куртку. Молча отбирает у меня сумку, обдав запахом дорогого мужского парфюма. Вручает в руки свернутый свитком чертеж и открывает дверь.

– Доброе утро, Семеновна, – здоровается с соседкой, не глядя на высунутый в дверную щель морщинистый нос. – Как спалось? – хмуро интересуется. – Надеюсь, плохо. Мне сегодня подружка попала на редкость заводная, всю ночь спуска не давала. Вот, еле выпроводил, – кивает на меня, застывшую статуей на площадке. Неожиданно обнимает за плечи, подталкивая к лифту. – Давай шевелись, Воробышек! Все равно на большее меня не хватит.

– Шалава! – летит сзади недовольный фырк. – Как есть, прости господи! А ты – кобель! И куда только общественность смотрит!

– Что? И эта тоже? – неподдельно изумляется Люков, оглядывая меня с интересом. – А с виду вполне приличная девушка.

Когда мы уже садимся в машину, выкруливаем со двора на широкую набережную и вливаемся в поток машин, он говорит, поймав в зеркале заднего вида мой искоса брошенный на него взгляд:

– Забей на разговор, Воробышек. На свете есть вещи куда важнее секса с бэдэсэмэшным красавчиком. Универ, например.

* * *

– Твою мать... – Бампер перестает следить за дорогой и таращит на меня глаза, как только я озвучиваю цифру за предстоящий бой. – Илюха, – присвистывает, дергает нервно кулаком под веснушчатый носом, – это ж до фига бабла! До фига! Черт! – бьет ладонями по рулю и, спохватившись, выравнивает виляющий зад модной тачки. – А риск такой, что лучше удавиться. Ну, ты и придурок, Люк! Смертник, б**дь!

– Пасть закрой, – советую я, но Рыжий не унимается.

– Слушай, я думал, после случая с Яшкой ты больше в серьезные игры не играешь. Так, развлекаешься слегка, но и только. Ты же чудом вернулся! Из-под крыла Шамана уходят единицы! Я за раскладом слежу, Илюха, ты не думай. Догадываюсь, чего тебе это стоило. Уйти удалось, и слава Богу, а теперь ты сам к нему лезешь. Какого?! Не понимаю. Нужны нехилые бабки – папашу своего подои! Старик спит и видит, как бы с тобой контакт наладить. Наверняка знает, кому Яшка обязан шеей. Сам-то, б**дь, в Европе парился, выхаживая сыночка, пока ты за наследника долги отдавал.

– Не все так просто, Бампер, – отрезаю я. – Мне и до Яшки поступали предложения. Если бы он языком обо мне не трепался между любопытными людьми, его бы на бабки не посадили – красиво и с расчетом. Но неприятно вышло, это да. Не люблю быть загнанным в угол, а Яшке это удалось. Впрочем, думаю, старик тоже приложил руку – не зря из страны умотал.

– Думаешь? – поднимает бровь парень.

– Уверен. Интересно стало посмотреть, что из щенка дворовой суки выросло, вот и увидел. Сволочь.

– Ну и на кой церемониться с ним? – ухмыляется Рыжий. – Бери с меня пример. Я своего предка щипать не стесняюсь. Надо – взял, семье прибыль. Ну, хочешь, я с тобой в долю за «Альтарэс» войду. Классный же клуб, это я так, от зависти брехал. Вместе поднимем – будет конфетка! Там уже сейчас народ приличный тусуется, а дальше – развернемся с гастролерами, сцену отгрохаем. Свет, техника, пенные вечеринки – там же места, блин, не то, что в «Бампер и Ко»! Подумай, Илюха, зачем тебе в Казахстан к этому Шаману? Там мочилово грубое одно.

– Шаман сам предложил. К тому же в прошлый раз серьезные люди ставили серьезные условия – в этот раз все иначе. Да и соперник мне знаком – названный сын Шамана. Это скорее его бой, не мой. Я назвал сумму, папаша согласился. Все честь по чести. Отчего же не потешить папу за такое бабло.

– Проясни, Люк. Что-то я не понял.

– А тут, Рыжий, и понимать нечего, – невесело улыбаюсь Бамперу в ответ на его хмурый взгляд, – я оставил названному сыну жизнь, Шаман это запомнил. И технику ведения боя оценил. По слухам моего гаранта Алим последний год провел в Гонконге. Теперь им всем интересно узнать, насколько он вырос. Хороший боец, лучший у Шамана. Если на мне не заклинится, возможно, и будет толк.

– Ни хрена себе! – присвистывает Рыжий. – А гарант зачем? И потом, Люк, а если он тебя уделает?

– Надо, Бампер. В таких делах без гарантий никак. А насчет «уделает» – ну так, все может быть. Только знаешь, – открываюсь я, – одно дело модная школа в столице во главе с очередным шумным чемпионом, и другое – занюханная провинция и большой фанатик. Который каждый раз, когда добирается до тебя, заставляет подыхать и скулить у его ног. Тебя и еще десяток таких же, как ты. Безродных щенков, до которых никому нет дела.

– Сверни на парковку, Рыжий, к супермаркету, – неожиданно прошу я парня, когда мы проезжаем мимо горящего огнями в темных сумерках города торгового центра. – Заглянуть надо.

– Ну надо, так надо, – соглашается парень. Лихо подныривает со второй полосы под соседнюю тачку и заезжает на парковку. – Что, Люк, кефирчика вздумалось прикупить на

ночь глядя? – скалится мне вслед.

– Ага, чтобы не пучило, – ухмыляюсь я, одергивая на плечах куртку и хлопая дверью, но все равно слышу от друга в спину:

– Ну, тогда и мне, друган, захвати!

* * *

– Я нахожу Воробышек не без труда. Как и предполагаю, девчонка на работе, и сейчас, когда я оглядываю большой зал, ее светлые растрепанные кудряшки, завернутые в причудливый узел высоко на макушке, показываются из-за ящиков с бананами в ряду овощей.

– Привет, птичка, – говорю я, встав у нее за спиной. Наклоняюсь к уху и спрашиваю. – Ты по мне не скучала?

Девчонка так резко вздрагивает от звука моего голоса, что тяжелая связка плодов, которую она собирается выложить на верхнюю полку, выскользывает из ее рук и летит вниз. Ударяется о край нижней полки и едва не рассыпается, когда я ловлю ее, неожиданно для себя заключив птичку в кольцо своих рук.

Не знаю, кто из нас удивляется больше такой внезапной близости – я или она. Мы стоим так почти минуту, вцепившись в проклятую связку бананов, смотрим на свои переплетенные руки, пока меня не находит уже знакомая мне мысль, что у Воробышек красивая нежная шея и подбородок. И не отрезвляет другая – и почему-то странно-горячие ладони.

Птичка приходит в себя первая. Она высвобождает руки из-под моих пальцев и позволяет мне вернуть плоды далекой страны на отведенное им место. Смотрит с укоризной сквозь очки, отступив в сторону, пока я вспоминаю, зачем сюда пришел и что собирался сказать.

– Привет, – говорит тихо, одними губами, и вновь принимается за работу.

– Значит, не скучала, – делаю я вывод и вдруг, не пойми с чего, взрываюсь: – Воробышек, ты мне скажи, – спрашиваю так же тихо, раздраженно глядя на тонкий девичий профиль, – на кой черт мне все это надо, а?

– Что? – поднимает она на меня глаза.

– Твои лабораторные, контрольные, чертежи? Договоры с преподами? У меня своего дерьма до хрена, и не только университетского. Почему я должен о тебе помнить?.. Сегодня Сеницын мне допрос устроил: чем дышит и как сдает зачеты студентка Воробышек? А как она сдает, если последние сделанные для нее чертежи по инженерке и начертательной так и лежат в моем доме почти с неделю? Фигово, должно быть. Ты куда пропала, птичка? Ты что, внезапно разучилась читать сообщения?

Девчонка снова отворачивается и безуспешно пытается поднять с пола ящик с фруктами. Чертыхнувшись, я прихожу ей на помощь.

– Нет, не разучилась, – отвечает. – Извини, Илья, но у меня работа, – говорит так силно, что ее едва слышно. Пытается улыбнуться. – Спасибо. Понимаешь, сотрудница заболела, так что я пока в две смены выхожу, а тут еще универ. Мне просто некогда было, правда. Я приду за чертежами. Завтра. Если можно, конечно, – поправляет у виска очки.

– Нельзя, Воробышек, – хмуро отвечаю я, замечая, как две сотрудницы птички с любопытством поглядывают на нас из соседнего отдела, о чем-то весело щебеча, – завтра меня не будет в городе.

– Жаль, – огорчается девушка. – Тогда, может, послезавтра? – предлагает робко, протирая полку, а я неожиданно требую, поймав взглядом лихорадочный румянец на ее щеках и бьющуюся на шее жилку.

– Посмотри на меня, Воробышек. Прямо сейчас! – разворачиваю ее к себе за плечи и беру за руку. Туго сжимаю запястье, встретив изумленный взгляд серых воспаленных глаз, чтобы отпустить уже через полминуты. – Ясно, – выдыхаю сквозь зубы и ухожу.

Я возвращаюсь через пять минут. Девчонки-продавщицы попались на редкость смышленные и быстро сводят меня с администратором. Дело решает Кира – торговый центр вместе с супермаркетом принадлежит господину Градову, и женщина умело советует, где, на кого и как правильно надавить, чтобы девчонку без проблем отпустили.

– Пошли, Воробышек, – командую я, на этот раз отыскав птичку в подсобке. Она сверяет в журнале какие-то цифры и аккуратно переносит их на ценники. Говорит улыбчивому парню-грузчику о каком-то товаре. Прижав руку к горлу, указывает на широкие клетки с овощами и вдруг поднимает на меня покрасневшие глаза.

– Куда?

– Домой, – сердито бросаю я и веду девчонку за локоть к выходу. Своим глупым упрямством она порядком выводит меня из себя, и я почти перестаю контролировать свои чувства. – Домой, птичка, куда же еще. Где у тебя здесь чертова раздевалка?

Она что-то сипит о том, что находится на работе и не может вот так запросто уйти. Не может оставить отдел без продавца, какая бы дурь ни взбрела в мою глупую самоуправную голову. Пытается что-то сказать насчет общаги, стучит по моей руке кулачком, но мне решительно плевать на ее слова, и вырваться из хватки ей не удается.

Я сам натягиваю на нее шапку и набрасываю шарф. Под локоть вывожу из магазина. Едва мы выходим на улицу, Воробышек перестает возмущаться и впадает в какую-то вялую прострацию. Убито бредет к заполненной машинами стоянке, позволяя без спора подвести себя к крутой тачке Бампера.

– Садись, – я распахиваю перед птичкой дверь автомобиля и усаживаю девчонку внутрь. Завидев вытянутую от удивления физиономию парня, устало замечаю:

– Кончай папироску, Рыжий, не видишь, дама в салоне. Поехали! – командую, опускаясь на соседнее с водителем сиденье, взглядом обрывая его неуместный смех.

Бампер заводит мотор, срывается с места и вырывается на проспект. Вздергивает в сомнении темную бровь, закрывая окно и приглушая музыку.

– Люк, я о чем-то не в курсе?

– Есть такое, – отзываюсь я. – Давай ко второй университетской общаге. Знаешь где?

– А то! Сделаем, – кивает парень и косится с интересом на скрытую тенью девушку. – Еще бы не знать, – усмехается многозначительно, – сколько приятных воспоминаний...

– Нет, – решительно сипит Воробышек. – Люков, не надо к общаге. Давай лучше к вокзалу, – просит, внезапно кашляя в кулак. – Я все равно не могу пойти домой.

– Почему? – бесцветно спрашиваю я. Ее выбор, по меньшей мере, выглядит странным, и я раздраженно цежу из себя. – Мне кажется, тебе нужен врач, птичка.

– Потому что! – недовольно отвечает девушка. – Если бы ты меня слушал, Люков, ты бы услышал *почему*. Потому что у Тани, девушки, с которой я живу, сегодня ночное свидание в нашей комнате. И не ее проблема, что тебе взбрело в голову сорвать меня с работы!

– Ясно, – я отворачиваюсь и бросаю Бамперу. – Ну, к вокзалу, так к вокзалу. Только на набережную сверни, Рыжий, к залу ожидания.

Придорожные фонари мелькают за окном машины так быстро, что сливаются в одну сплошную полосу света, нещадно бьющую по глазам. Водитель с дорогой не церемонится, и машина летит по проспекту, а затем по набережной хищной птицей, обгоняя лениво ползущие автомобили и ловко проскакывая на вечнозеленый глаз светофора.

Я не люблю быструю езду, и сейчас, когда к боли в горле добавляется режущая боль в висках, а к бухающей на низких частотах музыке – протяжный рык двигателя, к горлу подкатывает тошнота и заставляет меня закрыть глаза, откинувшись затылком на мягкую спинку сиденья. Мне все равно, кто меня везет, и куда мы едем. Все равно, что где-то там думает о моем исчезновении старший продавец Эльмира, и что скажет в личном разговоре управляющая магазином. Я теперь безработная, Люков все решил за меня, и завтрашний день кажется таким беспросветным, как никогда.

Мне действительно нужен врач, я это знаю и без Люкова. Чувствую по тому, как сильно стискивают горло шершавые болезненные тиски, а ноги и спина наливаются нездоровым пьяным жаром. Если бы не дневной звонок Таньки, ненароком озвучившей планы на вечер, полный надежды и жадного предвкушения встречи с Серебрянским, я бы скорее всего отпросилась и ушла с работы домой и без милости Люкова. Но мне некуда идти, требовалось только дождаться утра, и я держалась. А теперь...

Я чувствую на себе его колючий взгляд, пробивающий слепящий свет фонарей, но открывать глаза не хочу. Что я могу ему сейчас сказать? В чем обвинить? Что он проявил пусть неуместную, но твердость и оказался дальновиднее меня?

Не хочу ни о чем думать и гоню все мысли прочь. Завтра с новым днем придет и пища для размышлений, а сейчас в голове бьется только одна мысль, только одно мучительное желание: спать. Оно прочно овладевает телом, отвлекая от боли в висках, и тут же дробится осколками в каждой клеточке уставшего организма, убаюканного мягким ходом машины: спать-спать-спать. Где-нибудь в тишине, темноте и покое. Я вспоминаю узкую койку в общежитии, сбитое шерстяное одеяло и дующий сквозь старые оконные фрамуги пронизывающий ветер. Представляю, как отбрасываю одеяло, забираюсь с ногами в холодную постель и пытаюсь подбить под щеку комковатую плоть подушки; как закрываю ладонями уши, чтобы не слышать веселый девичий гомон за стенкой и любовное воркование Таньки с телефонной трубкой... Но неожиданно для себя оказываюсь вдруг в мягкой кровати тихой спальни Люкова.

Мне это кажется таким странным и непонятным, что я усилием воли возвращаю свою пульсирующую в недоумении память в еще одну мужскую спальню, которую так стараюсь забыть. Чужую и неудобную. Где тоже была тишина и мягкая постель, а радушный хозяин хотел казаться куда приветливее Люкова. Вот только покоя мне там не было. И сном забыться – спокойно и легко, так, как случилось в квартире Ильи, я так и не смогла.

Бог мой, неужели для меня самой мой выбор столь очевиден? Но почему?

Что я знаю о нем? Что я знаю об Илье Люкове кроме того, что он жесткий, молчаливый и холодный? Что как бы я ни была сердита, мне странно спокойно возле него. Что? Да почти ничего. И все-таки...

Я открываю глаза и ловлю в зеркале немигающий взгляд парня. Долго смотрю на него, спасаясь от света в топкой, темной глубине его глаз, невольно задавая себе вопрос: не

слишком ли много становится Люкова в моей жизни? И насколько я виновата в том сама?

Я действительно избегала парня последнюю неделю, отчаянно стараясь самостоятельно вытянуть зачеты, не заснуть на лентах от череды бессонных ночей и удержать работу. Нырляла за спину Кольки Невского всякий раз, чувствуя на себе остановившийся колючий взгляд. Не пошла на встречу с Синицыным и приняла как данность подаренную мне аспирантом Игнатьевым, непонятно с какой доброты, четверку по математическому анализу. Почему – сама не знаю. Но честно и безустанно, все это время, провожая взглядом в университетских коридорах удаляющуюся темную фигуру Люкова, я убеждала себя в том, что пользоваться плодами чужого труда нехорошо, расточительно и зазорно для того, кто хочет хоть что-то в этом мире сделать самостоятельно. Что навязывать свои проблемы на чужие плечи – стыдно и чревато. А после глядела на оцененные на отлично сделанные для меня Ильей чертежи по инженерной графике и понимала, что я просто обычная трусливая лгунья.

Люков достает телефон, отрывает от меня взгляд, отворачивается к боковому окну и сухо бросает в трубку:

– Шибуев, ты мне нужен. Нет, не я. Где? Надеюсь, вменяем? Хорошо. Рыжий, давай в клуб, – говорит рыжеволосому парню за рулем, – планы меняются.

– Окей! – отвечает парень и кидает на меня еще один осторожный сощуренный взгляд. – В клуб, так в клуб. Ты уверен в Андрюхе, Илья? – обращается к Люкову, разворачивая на светофоре машину как заправский гонщик. Не удержавшись, я тут же валюсь кулем на сиденье, снимаю очки, чертыхаюсь и закрываю глаза. Остаюсь так лежать, наконец-то избавившись от мерцающего, раздражающего света фонарей. – Может, лучше к его папаше? Прямо в отделение?

Ответ я не слышу. Зачем он мне? Я плыву на витках черно-белой воронки-спирали и ныряю в сон быстро и незаметно. Ухожу с головой под мутную воду и иду ко дну, как тут же бесцветный голос с холодной хрипотцой заставляет меня открыть глаза.

– Приехали. Просыпайся, Воробышек. Надеюсь, тебя хватит еще на двадцать минут.

Я выхожу из машины и равнодушно гляжу на яркую вывеску в неоновом антураже, клуб «Бампер и Ко», горящую синим светом на фасаде приземистого широкого здания, притулившегося изломанной фигурой меж деловых высоток в центральной части города. Я никогда не была здесь раньше и слабо представляю, что делаю тут сейчас. Что делает здесь вместе со мной Люков, но послушно бреду за парнем к центральному входу и захожу в клуб, свободно минуя спортивного вида охранника и четверку расступившихся перед нами незнакомых парней и девушек. Прохожу, внезапно взятая Ильей за руку, по краю мигающего в свете лазера танцпола, мимо барной стойки и столиков с посетителями дальше в глубь помещения и скрываюсь, следом за широкой спиной, в боковом коридоре. Захожу в неброско обставленную комнату с рабочей зоной и компьютером, сажусь на один из стульев, приставленных к стене, и утыкаюсь отстраненным взглядом в удивленно вскинувшую на нас глаза девушку. Темноволосую и смутно знакомую, но без очков, да и желая, не разобрать.

Она встает из-за стола навстречу Люкову и радостно вскидывает брови. Тянется рукой к его плечу, однако, заметив меня за широкой спиной, выжидающе замирает и отступает. Поднимает со стола высокий стакан с коктейлем и произносит с улыбкой:

– Здравствуй, Илья. Вот это сюрприз! Я что, опять не вовремя?

– Привет, Марго, – коротко отвечает Илья. – Ну почему же, – он легко отворачивается от девушки, поднимает мою руку, задегивает вверх рукав куртки и вновь, как прежде в магазине, туго обхватывает ладонью запястье. Смотрит в глаза. – Твои визиты всегда

приятны. Полагаю, ты тут без меня одна не скучала? Кто дал тебе ключи от кабинета, Костя?

Девушка загадочно хмыкает и поднимает ко рту стакан, а я вспоминаю, увидев на стекле отточенные черные ногти, кому они принадлежат. Коротко стриженной девице с пирсингом из моего первого визита в квартиру Люкова. Помнится, с такой легкостью причислившей меня к техперсоналу.

Она отпивает темный коктейль, присаживается на край стола и закидывает ногу на ногу, оголив в откровенном разрезе юбки округлое бедро. Замечает с ухмылкой в затылок парню, поигрывая в пальцах тонкой соломинкой:

– Хороший мальчик Костя, душевный. Не дал девушке соскучиться – не то, что ты. Приютил, напоил, постельку, правда, не расстелил, ну так я и не просила. Зато анекдот рассказал в тему, о третьем лишнем. Хочешь услышать?

Парень отпускает мою руку и поворачивается к девушке. Шагнув к столу, сбрасывает с плеч куртку и кладет на широкую столешницу рядом с брюнеткой. Отвечает прохладно, остановив взгляд на расслабленной фигуре:

– Не перегибай, Марго. Не в наших с тобой правилах вести разговоры. Похоже, хороший мальчик всучил тебе сегодня слишком крепкий коктейль. Не помню, чтобы ты любила юморить.

– Думаешь? – удивляется девушка. Недоверчиво вертит в руке напиток, затем с улыбкой вскидывает лицо к Люкову. Говорит с вызовом: – А мне кажется, алкоголь мне к лицу. Как дорогой парфюм к телу. Я с ним становлюсь откровенна и доступна, ну прямо гетера. Вот Костик бы оценил.

– Не сомневаюсь, – безразлично замечает парень. – И ты не сомневайся, Марго. Действуй, душевность в наше время в дефиците.

Стакан в руке девушки замирает вместе с полувопросительной улыбкой на губах, а взгляд из обиженного становится острым.

– Это что, намек? – спрашивает она. Медленно встает и вытягивается рядом с парнем. Опускает ногти на его шею и нежно царапает кожу, заставляя меня вновь задаться знакомым вопросом при виде столь откровенного заигрывания брюнетки: «А что я здесь делаю?». И еще одним, новым: «В какой момент этой, разворачивающейся на моих глазах прелюдии к сближению парочки, мне следует незаметно удалиться?». – Мне казалось, Илья, я многого не прошу.

Но Люков удивляет меня. Он снимает с себя руку девушки и отходит к компьютеру – я только сейчас различаю звучащий из динамиков колонок девичий разговор вперемешку со смехом: похоже, девица развлекала себя просмотром комедии.

– Это совет, детка, – отвечает он, отключая монитор. – Дружеский. Как только допьешь коктейль и станешь доступной, оставь ключи на столе. А ты, Воробышек, – внезапно поворачивается ко мне, задернув жалюзи единственного окна, направляясь к выходу из комнаты, – сиди здесь. Я скоро буду.

Люков уходит, а мы с брюнеткой остаемся в комнате вдвоем, думая каждая о своем. Она смотрит на меня, как и в прошлый раз – осторожно, но с превосходством. Не стесняясь, подходит ближе, окидывая любопытным взглядом. Произносит тихо, словно сама себе, смешливое:

– Как мило, еще одна птичка, угодившая в силки! – после чего добавляет уверенно, лениво отпив напиток: – Не знаю, что ты там себе возомнила, девочка, на что надеешься, но Илья не для таких как ты! Не надейся на многое.

Мне совершенно не хочется говорить с незнакомкой и уж тем более спорить. Я давно вышла из того возраста, когда впору драть волосы в клочья из-за понравившегося мальчишки. Я откидываюсь затылком на стену и закрываю глаза. Вновь падаю на мягкие витки спирали, затягивающие в сон, и позволяю уставшему телу забыть о ноющей боли в висках и расслабиться. На мне куртка и сползшая с растрепанных волос шапка с помпоном, растянутый шарф... Должно быть, я выгляжу ужасно и нелепо, но мне решительно все равно.

Однако девица передо мной оказывается крайне настойчивой. Выждав минуту или две моего молчания, она требовательно повторяет, закусив губу в ожидании ответа.

– Ты слышала, о чем я тебе сказала, девочка? Не строй иллюзий! Просто отступишь, пока не поздно. Пока тебе больно и некрасиво не общипали перышки.

Кажется, мой внешний вид и желание отмолчаться не смущают красотку и меня принимают всерьез. Что ж, мне ничего не остается, как только ответить. В душе неожиданно просыпается какой-то равнодушный пофигизм, приправленный солью раздражения, я понимаю, что оправдываться перед знакомой Люкова так же глупо, как исполнять перед отсутствующей аудиторией бешеный канкан, и равнодушно хриплю, откашлявшись, может, совсем чуточку удивляясь себе.

– Ну, почему же не для таких? А может, именно для таких, как я, – с фантазией и иллюзиями. Мне кажется, он от меня без ума. Просто жить без меня не может. Видишь, притащил насильно непонятно куда, а я, чтобы ты знала, совсем не хотела. Ну да Илья разве кого-то слушает.

Да, я перегибаю, но девчонка передо мной словно этого не замечает.

– Шутишь? – цедит она, распахнув глаза.

– Ни капли, – нагло вру я. Мотаю в подтверждение головой, но тут же прикладываю ладони к пульсирующим жаром вискам. Похоже, у меня поднялась нешуточная температура, и мне страшно хочется пить.

– Я знаю его вкус, – медленно возражает брюнетка, не обращая внимания на мои жалкие телодвижения. – Это не ты. Не такая, как ты, – уверенно говорит она.

– Конечно, нет! – фыркаю я, порядком устав от нашей бессмысленной болтовни. Кто бы сомневался, что *не такая*. – Полагаю, идеал списан с тебя. Марго, кажется?

«Черт, как же хочется спать! А что будет, если я разлягусь прямо тут?» – неожиданно размышляю, отбрасывая в сторону шарф и стаскивая с себя куртку. Три стула вместе, конечно, не диван, – слишком жестко, зато места вполне достаточно, чтобы тело приняло горизонтальное положение. Пожалуй, у меня запросто получится уснуть, даже с учетом доносящейся в комнату музыки, лишь бы удалось приклонить голову и избавиться от этой настырной пучеглазой девицы.

Она сжимает губы и отворачивается. Признается нехотя:

– Если бы. Когда ты увидишь ту, кто была для него всем, сама поймешь, для каких.

– А я увижу? – дальше забавляюсь я. Закидываю ноги на стул, сворачиваю куртку валиком, сую под голову и укладываюсь бочком на стулья.

Ох, как же кружится голова!

– О! – выдыхает девушка, со стуком опуская пустой стакан на стол и звякая ключами. – Уж это я устроить смогу, не сомневайся! – обещает с горечью в голосе.

– Как интересно, – бормочу я. – Просто жуть! – прикрываю глаза под стук ее удаляющихся каблучков, но только успеваю несколько раз спокойно вздохнуть, как чей-то звонкий и веселый голос раздается, кажется, прямо у моего уха. А стойкий запах сигарет и

пива, ударивший в нос, заставляет распахнуть глаза.

– Ну! Где тут у нас болезная? Люк, эта, что ли?

* * *

Я завожу Андрея в кабинет и внимательно смотрю на прикорнувшую на стульях Воробышек. Только что бледная как тень Марго промчалась мимо нас в бар, едва удостоив в коридоре мрачным взглядом, и я, глядя на свернувшуюся у стены калачиком хрупкую фигурку, задаюсь вопросом: что так взбесило брюнетку за то короткое время, что я отсутствовал? Неужели присутствие птички? Раньше она была куда сдержанней.

– О-го! Ф-фурия! – присвистывает Андрей, провожая жадным взглядом высокую девичью фигуру, и тихо ржет, подбивая меня под бок локтем. – Что, Илюха, не случилось с Маргошей тет-а-тет, да? Другую куколку приволок? Ну? Где твоя болезная, показывай. О-о, – подходит и наклоняется над открывшей глаза девушкой. – Эта, что ли? Ух ты, хорошенькая! Посмотрим...

Шибуев стягивает с нее шапку и уверенно прикладывает ладонь к высокому лбу. Отводит в сторону возмущенно впившуюся в его запястье ладошку и выдыхает девчонке в лицо, дурашливо смеясь:

– Ну, чего разнервничалась, сероглазая? Дядя доктор пришел. Он больно не сделает, просто посмотрит. Говори, где и что у нас болит?

Я знаю, Андрюха пьян и неуместно весел, и Воробышек это явно не нравится. Ей удастся отбиться от его худых рук, отползти дальше на стуле и кое-как сесть. Упрямо натянуть на себя шапку. Когда птичка трижды не попадает в рукав куртки от бьющего ее озноба, она устало замирает, откидывает затылок на стену и говорит сипло, глядя в пол у моих ног:

– Люков, если это шутка, то я ее не оценила. Пожалуйста, вызови для меня такси, я оплачу. Если тебе не сложно, конечно.

Мне не сложно, она это знает, не раз слышала сама. Ей не откажешь в упрямстве и памяти, впрочем, как и мне. Я подхожу ближе и забираю куртку из податливых рук. Говорю спокойно, дождавшись, когда ее глаза, наконец, устают смотреть в пол, медленно ползут вверх и находят мои:

– Воробышек, не нервничай. Тебе нужен врач, и ты это знаешь. Андрей, конечно, пьян и редкий придурок, но он успешный студент медицинской академии и профессорский сын в чертовом поколении. Ничего с тобой не случится, если он тебя просто осмотрит. А дальше как захочешь. Можешь ехать на свой вокзал и укладываться спать на лавку. Я тебе даже газету готов одолжить. Потолще.

– Зачем? – удивленно распахивает девушка уставшие глаза, медленно смаргивая сон с длинных ресниц, и я ловлю себя на том, что смотрю в них, не отрываясь.

– Пригодится, – хмуро отвечаю, не в силах первым отвести взгляд. С неожиданной жадностью рассматриваю лишившуюся призмы стекол серую манящую глубину. – Вместо подстилки.

– Ну же, сероглазая, открой ротик и скажи дяде: «А-а...», – тут же садится сбоку от птички Андрей и тянет свои тощие, с широкими костяшками пальцы к подбородку девушки. – Открой, – трет глаза и старательно сосредотачивает блуждающий взгляд на

покрывшемся пятнами жара лице, – и я дам тебе сладкую конфету.

– А я дам тебе по уху, Шибуев, если не перестанешь вести себя как старый озабоченный педик, – отвечаю я на искру возмущения, вспыхнувшую в глазах Воробышек, и она тут же благодарно успокаивается, разрешая весело ухмыляющемуся парню осмотреть горло.

Он просит ее как можно шире оттянуть ворот свитера до ключиц и опускает смуглые руки на шею. Медленно скользит по светлой коже длинными пальцами, отводя волосы за плечи и запрокидывая голову. Осторожно ощупывает миндалины и лимфоузлы, слишком долго оглаживает гортань.

– А теперь грудь, – говорит невозмутимо, выравнивая сбившееся дыхание, и я чувствую, как у меня начинают нервно ходить желваки. – Ну же, сероглазая, – просит серьезным тоном Андрей. – Надо бы приложить ухо.

– Обойдешься, студент, – отмирает Воробышек, откашливается и поправляет горловину. – Сначала диплом получи, – шепчет просевшим голосом, – с отличием. А потом ухо прикладывай.

– Так я интерн, детка. Почти врач. Дай хоть подмышки прощупать. Илюха, градусник есть в аптечке?

– Нет, – отвечаю я, глядя как Шибуев, отвлекши на меня внимание, своевольно запускает руку под свитер ахнувшей девушки и насильно обнимает птичку за спину. Зажмурив осоловевший глаз, прикладывает ухо к ее груди и замирает, прислушиваясь. – Откуда.

– А что есть? – парень вскидывает бровь, сползая по девичьей груди еще ниже.

– А что надо? – я отхожу к встроенному в стену шкафу и достаю аптечку. Раскрываю пластиковый контейнер на столе и просматриваю содержимое. – Здесь одна перекись, зеленка и бинты.

– Для начала жаропонижающее. У сероглазой ларингит, грозящий перейти в острую форму, и скорее всего начальная стадия бронхита. Подозреваю, имело место быть длительное переохлаждение тела. Если это не вирус, – Андрюха чешет лоб и наконец отрывает темную голову от Воробышек, – а я думаю, нет, то организм отреагировал бурно – температура у нашей больной девочки под сорок. Что, под звездами гуляла босиком, а, сероглазая? – он поворачивается к девушке и опускает руку на ее спину. Спрашивает игриво, склонившись к уху: – Где успела простудиться?

– Не знаю, – тихо отвечает Воробышек. Упирается ладонью в плечо настырного парня, отодвигая его от себя. – В холодильнике, наверно, – хмурит сердито лоб, поспешно одергивая свитер.

– В каком холодильнике?! – удивляется Андрюха. Фыркает недоверчиво. – Сероглазая, ты серьезно?

– В большом. Как две эти комнаты.

– Она в супермаркете работает, в торговом центре Градова. Полагаю, имелись в виду холодильные камеры, – поясняю я, и Воробышек на мой ответ устало жмет плечом. – Есть анальгин, – говорю, откинув в сторону бинты. – В таблетках и ампулах. Больше ничего нет.

– Анальгин? Отлично, – кивает парень, по-прежнему странно глядя на девушку. – Годится. А шприц? – уточняет, протягивая ко мне в требовательном жесте руку.

– Зачем? – удивляюсь я. Смотрю на новенький блистер. – Зачем шприц, Шибуев, таблетки вполне годны к употреблению.

– Так есть или нет? – не унимается парень.

– Ну, есть, на два кубика, – сдаюсь я. Вынимаю из аптечки ленту шприцов и бросаю

перед собой на стол. – Да и на пять тоже. Ты скажешь или нет? – оборачиваюсь к другу, игнорируя его жадную руку.

– Выблюет, – кривится Шибуев. – Как пить дать! – оглядывается на прислонившуюся к стене Воробышек, приоткрывшую губы в тяжелом вздохе, и удрученно выдыхает. – Бесплезно, Илюха. Лучше наверняка, сразу в э-э... мышцу и баиньки. Отдых, отдых и еще раз отдых. А с утра лечение – я нацарапаю, что и как. И никакого секса минимум дня два! Ты понял, Люков! А то я тебя знаю... Слышала, сероглазая? Будет грязно приставать, посылай к черту! Ну, или к дяде доктору на осмотр, – Андрюха весело хмыкает и мигает мне пьяным глазом. – А я его быстро утихомирю. Галоперидолом с аминазином.

Мне кажется, Воробышек не может покраснеть еще больше, но она краснеет. Смотрит куда-то в задернутое жалюзи окно, смущенно сжав губы, и как-то дергано обнимает себя за плечи.

– Заткнись, придурок, не то я тебя сам утихомирю. Надолго и без медпрепаратов, – спокойно отвечаю я скалящемуся парню, отворачиваюсь от девушки, достаю из аптечки спирт с ватой, оставляю на столе и иду к дверям. – Давай, делай свое черное дело, знахарь, блин! Я подожду за дверью.

Но Андрюха перехватывает меня на полпути к выходу из кабинета. Впивается в локоть, разворачивая к себе.

– Так вы не вместе? – спрашивает тихо, так, чтобы девчонка не слышала. – Черт, Илюха, – пьяно шепчет, не дождавшись ответа, – такая нежная девочка, а я некондишн! Там такой натурал, сплошной, – указывает взглядом на свою грудь, закусывает нижнюю губу и играет густыми бровями. Поднимает кверху большие пальцы. – Ва-ау! По-серьезному, познакомь, а? Понятно, что не сейчас и не завтра, но все-таки? Ты же знаешь, если я завелся, то готов идти направо...

– Андрюха, отвали, – предупреждаю я друга, неожиданно для себя озлясь на парня. Какого черта ему надо от Воробышек?! – Забудь о девчонке, у нее и без тебя проблем выше крыши, – цежу сквозь зубы, вспоминая его осторожные руки на ее шее и сбившееся дыхание. – Укол сделай и свободен. Можешь Марго успокоить, я не против. Если успеешь вперед Кости.

– Я сама! – неожиданно для нас отзывается птичка, истолковав по-своему жест Шибуева – вскинутые вверх ладони и брошенный на нее косой взгляд. Встает со стула. – Я сама сделаю себе укол. Правда, я умею, это несложно, – неуверенно говорит, подходя к столу, где лежат оставленные мной медикаменты, и берет в руки шприц.

Ее пальцы заметно дрожат, а щеки полыхают малиновым цветом. Я вижу, как девчонке плохо и искренне удивляюсь ее упрямству. Говорю, подойдя к ней и развернув за предплечье к себе:

– Воробышек, ты с ума сошла? Ты же не разглядишь ни черта в своем состоянии. Куда колоть собралась? Здесь студент-медик, пользуйся, не стесняйся. Ну, в крайнем случае, таблетки выпей. Может, получится...

Действительно, таблетки выглядят куда невиннее ампул, что бы там ни говорил Андрюха. Конечно, я склонен верить парню на слово и не испытывать на практике его прогноз, но они – легкий способ решить проблему с температурой и лишний раз не смущать и без того уставшую девчонку.

– Думаешь? – она послушно поднимает на меня глаза и тут же откладывает шприц. – Да, и мои очки... – растерянно бормочет.

– Не получится, – влезает в разговор Андрюха. – Сказал же! Только лишнее беспокойство для девчонки. В мышцу надо, так надежней. Давай уколою, сероглазая! – предлагает весело, нагло оттеснив меня плечом. – Я аккуратно, обещаю. Секунда дела, а потом желательно сразу баиньки. Чтобы минут через пять-семь с теплым питьем уже в постель. Поняла?

– Нет, – решительно качает головой Воробышек, отводя недоверчивый взгляд от Шибуева. – Хватит с тебя и осмотра, студент. Уж лучше как-нибудь сама.

Она высоко задергивает рукав свитера, видимо, решив для себя четко обозначить будущее место укола, разрывает упаковку ампул и долго вертит в руках бутылочку спирта, не в силах свинтить с нее крышку. Когда и ампула не ломается в слабых пальцах, Воробышек глубоко вздыхает, поворачивается ко мне и тихо просит.

– М-может, тогда ты уколешь, Илья? Пожалуйста. Кажется, мне действительно необходим анальгин – очень болит голова. И я хочу уже уехать отсюда, все равно куда.

Шибуев присвистывает, а я удивленно вскидываю брови.

– Не глупи, Воробышек. Почему вдруг я? – задаю вопрос. – В отличие от меня, Андрей знает, что делает, а вот я в своих действиях не уверен, – хмуро отвечаю на просьбу девушки, стараясь скрыть за холодным ответом неожиданное волнение от ее выбора.

Конечно, мне приходилось в жизни вгонять себе под кожу обезболивающее, и не один раз, но в обращении со шприцом я заметно проигрываю другу. Не может же она этого не понимать?

– Так почему, птичка?

– Потому что он пьян, – сипит девчонка, положив руку себе на горло, – а ты – нет. И потом, Люков, тебе все равно, я знаю, а он... – она оглядывается на обиженно шагнувшего в сторону Андрюху, затем вновь возвращает ко мне блестящий от горячей лихорадки, затуманенный взгляд. – Он смотрит на меня так, как будто он... как будто я... – Воробышек вконец смущается и замолкает. – Неважно.

– Ясно, – выдыхаю я. – Шибуев? – еще секунду смотрю на потупившуюся девушку и поднимаю глаза на друга. Окидываю новым взглядом приятное черноглазое лицо и глупую отвязную улыбку, от которой обычно девчонки сходят с ума. Странно.

– Аиньки? – откликается парень. Лениво отрывает плечи от стены, о которую успел опереться, и сует руки в карманы. Скалит в кривой усмешке рот. – Что? Отворот мне дала сероглазая, да? – спрашивает с неожиданной грустью. – Дядя доктор может быть свободен?

– Что-то типа того, – соглашаюсь я. – Спасибо, Андрей. Думаю, дальше мы справимся сами.

– Ну и ладушки на вас, раз вы такие гордые! Сами, так сами...

Парень подходит к моему столу, оттирает ладонью лицо, прогоняя из взгляда хмель, и что-то размашисто царапает ручкой в одном из лежащих блокнотов.

– Держи, Илья, – оторвав лист, складывает его вдвое и протягивает мне. Я молча прячу бумагу в карман. – Здесь список лекарств и необходимый для ингаляций сбор. Плюс краткие рекомендации по применению. Но это после, утром, а сейчас, – говорит неожиданно серьезно Андрюха, оглянувшись на Воробышек, – жаропонижающее, обильное питье, горизонтальное положение и сон. Много сна – у девчонки налицо общее переутомление организма.

– Береги себя, сероглазая, – он внезапно шагает к птичке, нависает над ней и проводит длинными пальцами по светлой вьющейся прядке у ее виска.

– Звони, Люк, если что! – бросает мне уже у самой двери и возвращается в шумный зал, оставив нас с Воробышек в кабинете одних.

Когда за Шибуевым закрывается дверь и плечи девушки облегченно опускаются, я отворачиваюсь к столу, открываю ампулу и набираю шприц. Обернувшись к птичке, смотрю на ее высоко оголенное предплечье и чертыхаюсь про себя его мягкой хрупкости и ее упрямству, заставляющих меня сейчас чувствовать себя одним из последователей небезызвестного «Доктора Зло».

Я холодно прошу Воробышек подойти ближе и беру ее руку под плечом в свою ладонь. Провожу большим пальцем по коже, пробуя возможное место укола... Оно буквально опалает меня жаром, и я больше не медлю. Решительно ввожу лекарство в мышцу и невольно задерживаю взгляд на спокойном лице девушки и поднятых на меня серых, как дождливая осенняя топь, глазах.

«Нежная девочка, – неожиданно всплывает в голове голос Андрюхи, и еще один, смутно знакомый: – И такая терпеливая...»

А, черт! Чтоб тебя, Шибуев!

* * *

Господи! Как долго тянется день! Мне кажется, я не спала вечность! Музыка грохочет и дэнсонирует вокруг меня, мигает яркая подсветка, суетятся какие-то люди, а я бреду вслед за Люковым сквозь многолюдный танцпол, уткнувшись взглядом в обтянутую черной кожей широкую спину, почти не замечая брошенных вдогонку парню приветствий и кокетливых женских взглядов, не веря, что вдруг оказалась здесь.

Мне хочется заткнуть уши и закрыть глаза. Никого не видеть и не слышать, так шумно и пестро в этот миг вокруг. Хочется отыскать в волнующемся море дергающихся человечков вход в темный глухой туннель, затвориться в нем ото всех и преклонить голову у безмолвной стены. Просто забыть обо всем и спрятаться – так я устала, и когда наконец оказываюсь на улице, под звездным холодным небом, то внезапно теряюсь, оглушенная городской темнотой. Неожиданно потеряв из виду высокую фигуру Люкова и не зная куда идти.

– Эй, дорогуша, не меня ждешь? Свободна? – долетает до меня откуда-то со стороны заинтересованный мужской голос и, прежде чем я понимаю, что он обращен ко мне и успеваю повернуться на звук шагов, замечаю перед собой размытое движение темного силуэта и слышу отчаянный скулеж какого-то парня, вдруг оказавшегося на земле.

– Эй, Люк, я же не знал! Ты чего? Думал, одна она...

– Простите, это вы мне? – бормочу, пытаюсь без очков разглядеть, что случилось, но твердая рука Люкова находит мой локоть и уводит за собой в сторону тихой деловой высотки и выстроившегося перед ней длинного ряда машин.

Мы подходим к уже знакомому мне автомобилю, и Илья открывает передо мной переднюю дверь. Чертыхаясь, словно вспомнив что-то, тут же тянется к замку задней, но я жестом останавливаю его и забираюсь внутрь. Я знаю: за рулем Люков не дерган и уверен, а потому, под его молчаливым взглядом, спокойно сажусь на переднее сиденье и осторожно откидываю затылок на подголовник кресла.

Машина трогается, Илья выезжает из темной улицы на широкий, освещенный ночными огнями проспект, и не спеша ведет автомобиль в направлении моста и набережной. Вокзал в

другой стороне, мы оба это знаем, так стоит ли произносить вслух то, что мелькает в мыслях? И все же парень говорит, тихо, хмуро глядя перед собой на трассу, а я вовсе не уверена, понимает ли он вообще, что произносит слова вслух:

– И что мне с тобой делать, а, Воробышек?

Но все равно отвечаю, повернув к нему голову, вглядываясь сквозь падающие в салон длинные тени, в строгий красивый профиль:

– Дать выспаться, Люков. Правда, очень хочется. Раз уж ты сегодня добрый самаритянин, дай мне выспаться в обнимку со своим домовым, а утром я уйду.

Он молчит, и я договариваю:

– Наверно, я очень наглая и рушу тебе кучу планов, я понимаю, но ты сам первый начал.

А потом, все равно ведь чертежи забрать надо, сам же говорил...

Он коротко смотрит на меня, слегка удивленно, а затем улыбается. Одними уголками губ, но все же по-настоящему.

– Ты серьезно, птичка? А как же теплая подстилка из газет? Или ты передумала?

Правильно, я вполне понимаю смятение парня от услышанных слов. Все, что я только что сказала, совсем не свойственно мне. Напрашиваться в гости к кому бы то ни было, а тем более к молодому мужчине в полуночное время, не в моих правилах. Этого я никак не ожидала от себя. Но я действительно ужасно устала и плохо себя чувствую, да и не просила Люкова силой уводить меня из магазина – вот чего не было, того не было, – так что позволяю себе быть откровенной.

И еще, я почему-то вспоминаю сердитое лицо Марго, нависшее надо мной, шалую руку смазливового доктора Шибуева, бесстыдно скользнувшую по бюстгальтеру, смотрю на Илью и чувствую неожиданное облегчение просто оттого, что он рядом.

Это странно для меня и так непонятно.

– Я многого не прошу, Люков, – тихо говорю, – согдится и коврик в прихожей. Только я с тобой после за все рассчитаюсь, хорошо? Ты скажи... когда... – глубоко вздыхаю и закрываю глаза. – Когда...мм...можно...я, наверно...смогу...

И слышу в ответ уплывающее и задумчивое:

– Посмотрим, Воробышек.

Кажется, я несколько раз киваю: «угу», – и бормочу, – «спасибо». Кажется, даже разубаюсь, стягиваю с себя мокрый свитер, джинсы и что-то надеваю. Кажется, что-то пью. Я плохо понимаю происходящее – все так бессвязно, как в глубоком болезненном сне, где нет ни лиц, ни предметов, есть только больно жалящие сознание мошки и дурацкие расшатанные качели. Кажется, делаю длинный шаг вперед и оборачиваюсь, как вдруг оказываюсь в уже знакомой мне спальне, где такая мягкая постель, а подушка пахнет сумасшедшим мужским ароматом – лесным, спокойным и очень вкусным. Совсем не таким, какой любит Игорь.

Игорь... И вспомнился же вот на больную голову.

Сволочь...

Да-а...

* * *

– Таня?

– Ну, Таня. А ты кто?

– Люков. Помнишь меня?

– А-а, гоблин с длинными руками? Еще бы!

– Нет, тот самый красавчег с улицы Вязов, нанизывающий на скальпель острые язычки. Не груби мне, девочка, пока я не рассердился. Я гоблин злой и недобрый.

– Х-ха! Чего надо, красавчег? Ты время видел? И вообще, номерком случайно не ошибся?

– Не ошибся, не надейся. Воробышек не жди утром, она сегодня у меня переночует и, возможно, задержится на пару дней.

– Что-о? Опять?! То есть, стой! Как это у тебя, Люков? Женька же на работе!

– Не опять, а снова. Как видишь, ей понравилось. Уже нет. Я ответил на все вопросы?

Надеюсь, ты не против?

– Так, значит, вы все-таки вместе, да? Ой, только не трави мне байки про ночные лекции, товарисч, сама практикую. Запал на Женьку, так и скажи!.. Постой, а с каких это пор ты записался в докладчики, Люков? И почему это я вместо того, чтобы говорить с Воробышком, слышу тебя?

– Ты в каком корпусе учишься, любопытная?

– В шестом, а что?

– Ничего. Буду ждать тебя утром в восемь у входа. И не вздумай опоздать, девочка, я спешу.

– Чего?! Ага, счас-с, разбежалась! Я вообще-то на первую ленту и на тебя игнор забить хотела...

– Тогда вместо тебя я встречу с твоим другом, и игнор тут же прикажет долго жить. Передай ему, пока он рядом от воздержания натужно сопит в трубку, что я найду его, раз уж ты у нас такая пугливая, и поговорю. Очень надо.

– Да что ты хочешь, Люков? В чем дело?! Эй, ты меня слышишь?.. Эй!.. Вот же козел, трубку бросил...

* * *

– Домовой? Привет, – я открываю глаза и смотрю на рыжую урчащую морду, осторожно обнюхивающую мой нос. Голоса нет совсем, из горла ползет какой-то жалкий хрип, и кот тут же наостряет уши, выгибает спину и настороженно пятится. Махнув хвостом, спрыгивает с кровати на пол, подходит к притворенной двери и вопросительно поднимает на меня глаза.

«Сколько можно спать? Пора вставать, соня!» – читаю я в этом красноречивом кошачьем взгляде и, высунув нос из-под теплого одеяла, сонно смотрю на серый день за окном, заглядывающий в комнату в прямоугольную щель между задернутыми портьерами, и молчаливое табло часов на стене. Который сейчас час? Неужели позднее утро? Я старательно щурюсь и отрываю голову от подушки...

Что-о? Рывком скидываю с себя одеяло, вскакиваю с кровати и подбегаю к часам. Убираю от лица встрепанные волосы, усиленно моргая. Нет, не показалось – на часах семнадцать двадцать две, близится вечер, и позднее утро, когда мне следовало уйти из дома Ильи, давно позабылось за серым днем. Я по-прежнему в квартире Люкова, в спальне Люкова, в постели Люкова и провела здесь уже черт знает сколько времени!

Господи, это сколько же я спала?!

Я отступаю от стены и растерянно оглядываю комнату в поисках своих вещей. Голова кружится, в глазах темнеет... так и не найдя их, я устало возвращаюсь в постель и клоню голову к подушке, чувствуя пробежавший по коже холодный озноб. Вот так полежать бы еще хоть четверть часика, совсем чуточку, прикрыв глаза и набросив на голову одеяло, но человеческая физиология штука серьезная, и мой организм настоятельно рекомендует мне проигнорировать это настойчивое желание и немедленно воспользоваться туалетом.

Я вновь встаю и бреду к закрытой двери. Открываю ее, выпускаю на волю из спальни благодарно мяукнувшего кота и уже почти выхожу в гостиную, как тут же вновь запрыгиваю в комнату и захлопываю дверь, чуть не отдавив себе нос.

В гостиной Люкова девушка! Совершенно точно! Одна! Она сидит на диване перед телевизором, откинувшись на высокие, перевитые шнуром подушки, закинув длинные ноги в ярко-зеленых колготах на мягкий пуф и... ест большущее яблоко.

Стоп! Кажется, я уже где-то видела эти желтые бабочки на зеленом фоне и короткую черную юбку. И, кажется, даже знаю, кому они принадлежат. Неужели...

Танька?!

– К-крюкова? Ты?! – я осторожно выглядываю из комнаты, пытаюсь поправить на переносице неизвестно где оставленные мной очки, чтобы рассмотреть девушку поближе. Шиплю хрипло, положив руку на горло: – Т-ты что тут делаешь?!

Крюкова невозмутимо выгибает брови и тычет пультом в телевизор.

– Вообще-то, кино смотрю. А что это только что было, Жень? Ты при виде меня решила взять фальстарт?

– Н-нет, – я выхожу из спальни, останавливаюсь посреди гостиной и с удивлением смотрю на подругу. – Просто не ожидала тебя увидеть вот так... здесь... Тань! – повторяю вопрос: – А как ты тут оказалась?

– Как все, – пожимает плечами девушка и вгрызается зубами в яблоко. Медленно жует фрукт и вдруг вновь тычет пультом в плазменный экран. – Шмотри, Шенька, шас пошелуются! Это ше «Три метра над уровнем неба»! Ммм, Мариоша крашава. Я от него фигею! Да пошмотри ты!

– Та-ань!

– Ну шего? – возмущается девушка. Натужно проглатывает яблоко и неохотно отрывает взгляд от телевизора. – Как все оказалась! Сначала от общаги автобусом добралась, а потом по дорожке ножками, ножками, нашла подъезд, квартиру, и вот я тут. Правда, какая-то старушенция убогая из десятой квартиры меня проституткой валютной обозвала, представляешь? Но я ей так дверь в квартиру ногой впечатала и пообещала расквасить шнобель в клюкву, что, думаю, она теперь дважды котелком дырявым поразмыслит, прежде чем облекать свои похабные мыслишки в словарные выражения. У, кошелка старая!.. Ой, Женька, ты только посмотри! Я не могу! Какой пресс у этих мальчиков, какие кубики! Все! Немедленно шлю Серебрянского в тренажерку! Завтра же! А что, пусть качается. Ему со мной на море летом ехать, между прочим, оттенять, так сказать, мою неземную красоту, а он весь как гусь мягкотелый. Хоть отдохну вечером без его внимания, а то достал со своей любовью!.. Слу-ушай, Женька, – Танька вновь вгрызается в яблоко, закидывает ногу на ногу и тарашится в экран, – а Люкофф, мм, как? Лушше Мариошы?

– Что? – я непонимающе смотрю на нее.

– Ну как тебе Люков вообще, э-э, по десятибалльной шкале? Похоже у него, в отличие от Вовки, все кубики на месте. Так как? Ничего себе парниша?

– Чего? – шепчу я.

– Я смотрю, вы практикуете переодевание? – не унимается девушка и тычет в меня пальчиком с зеленым ноготком. – Хм, пляжные шортики? А ничего так, Воробышек, миленько. Наверно, этот вампирюга темноглазый для тебя их как от сердца оторвал, да? А еще просил меня шмотки привезти, мол, надеть тебе бедной нечего. Врун несчастный!

Я следом за Танькой опускаю глаза и смотрю на длинную светлую футболку, надетую на меня задом наперед, и выглядывающие из-под нее широкие хлопковые шорты до колен. Мужские шорты, явно принадлежащие хозяину дома.

Ого! Это что же, я так обнаглела, что попросила у Ильи одежду для себя? Не помню такого.

– Так как? – довольно скалится Танька. – Подошли Илюшке твои кружевные бикини, а, Жень? Или он предпочел винтажный свитер? Представляю, каким он в нем перед тобой красавчиком валялся! А БДСМ было? Признавайся, Женька! А то он с виду, ммм, такой брутальный чел, прямо до дрожи. Одни глазюки карие чего стоят! Точно не мой Серебрянский.

– Крюкова, ну какие бикини? С ума сошла? Какой жесткий секс? Вот подожди, я сейчас сбегаю в туалет, – обещаю, поспешно отступая к ванной комнате, – а потом вернусь и задушу тебя, поняла? Если ты не понимаешь, что такое дружеская рука помощи и обычное человеческое сочувствие, то...

– Ой-ой! Только не надо нам сирым-убогим о вашем высоконравственном! – кривится девушка, встает и с огрызком в руке топает на кухню. – Не надо о бедных дельфинах в море мокром! – крутит пальчиками в воздухе. – Я не вчера родилась, не заливай, Воробышек! Могла бы и сказать подруге, что у вас с Люковым шуры-муры не детские, а то учится она!

Я умываюсь, чищу зубы и расчесываюсь расческой хозяина. Выхожу из ванной и вижу в проеме кухонной двери Крюкову, цедающую из чайника в чашку крутой кипяток.

– Вот если бы кое-кто не устраивал в нашей общей комнате внеплановые свидания, – говорю сердито, прислонившись плечом и виском к стене (у меня вновь кружится голова), – то я была бы сейчас не здесь, а в общежитии. И, возможно, не лишилась бы работы.

Девушка ссыпает в чашку содержимое какого-то лекарственного пакетика, размешивает, затем идет ко мне, решительно сажает на диван и вручает в руки горячий напиток.

– Сядь, Женька, на тебе лица нет, и пей! – говорит с укором. – До дна! Доработалась, хватит! Как ты еще ноги не протянула с таким-то графиком? И потом, я не пойму, тебе что здесь, плохо? – возмущенно фыркает и округляет глаза. – Нашла с чем сравнивать! Ты еще скажи, что у Люкова хуже, чем в нашей холодной общаге! Да я такую шикарную плазму, как в этой квартире, только в супермаркете электроники и видела! Чего тебе надо-то?

– Хуже, Тань, – удивляюсь я словам подруги. – Я здесь в гостях и стесняю парня. Тем более что сама к нему напросилась, если быть честной. Кстати, – спрашиваю вдруг, порываясь встать, – а чего это мы с тобой расселись в чужом доме, как две клуши на завалинке? Нам же, наверно, пора уходить? И где, вообще-то, Илья?

– Тпру-у, лошадушка! – тормозит меня Крюкова, возвращая на диван. – Он передо мной не отчитывался, «где». Сказал только, чтобы я тебе лекарств купила и вещи привезла, пока ты здесь за котом смотреть будешь. Дал ключ и сообщил, что вернется через несколько дней. Ах да, денжат отвалил с барского плеча нехило – вон, на комодке лежат. И все это, конечно же, только из чистых высоконравственных побуждений, – закатывает глаза Танька. – Х-ха! Так я тебе и поверила!

– Постой! – я смотрю на девушку, широко открыв глаза. – Как это: пока я здесь буду? – изумленно переспрашиваю. – Я не могу. У-у меня же учеба!.. И с работой надо что-то решать. Да и не мог Люков вот так запросто меня у себя оставить. Он же меня почти не знает...

– О-ой! – всплескивает руками Танька. – Не смеши мои бока, Женька! А чего тебя знать-то? – искренне удивляется. – У тебя лицо, как детский букварь. Сплошной наив, читай – не хочу! Я уже молчу о двух совместно проведенных ночах. Что ты решать надумала? Какая учеба-работа? Посмотри на себя – дохлую панночку краше в гроб кладут! Тебя еще дня два как минимум лихорадит будет. Прекрасно мог, я лично Люкова одобряю! И вообще, Воробышек, чего ты упираешься? Мужик сказал, значит, так тому и быть!

Я отрываю ладонь от пульсирующего виска и моргаю на Крюкову.

– К-какой еще мужик?

– Твой, – невозмутимо улыбается Танька. – Ах да, – подскакивает с дивана и несет из прихожей какую-то бумажку. – Ты пока тут спала, дружок Люкова заходил, Андреем представился. Симпатичный такой, чернявый. Сказал, что справочку тебе нарисовал до конца недели, со всеми необходимыми печатями, так что... Та-ак! – Танька внезапно хватает меня за руку и тянет в спальню. – А ну-ка марш в кровать, подружка! Ишь, разволновалась она! Еще бухнешься в обморок, а мне потом сиди с тобой, приводи в чувство. У меня сегодня планы не на тебя, а на Серебрянского, так и знай! Стой! – она вдруг так резко останавливается и разворачивается ко мне лицом, что я утыкаюсь в девушку лбом и закрываю глаза. – Ты же не ела ничего! Жень?

– Да все нормально, Крюкова, – спешу успокоить ее. – Я не хочу, правда. Мне бы полежать.

– Слушай, Тань, – прошу подругу, когда мы заходим в спальню, я забираюсь под одеяло, а она начинает настойчиво махать перед моим лицом каким-то спрей-баллончиком. Упорно пытаюсь вбрызнуть из него в мой рот лечебную гадость. – Ты мне ноутбук принеси, ладно? И конспекты. И пожалуйста, не говори девчонкам в общежитии, где я. А то разнесут по универу небылицы, а Люкову неприятности...

Лекарство горько-сладкое, так и хочется его выплюнуть или запить водой, но я через силу глотаю жидкость, опускаю голову на подушку и вновь размыкаю губы для вдоха.

– Ну-у, – поджав губы, хмуро выдыхает Танька, – не скажу. – И тут же осторожно добавляет. – Остальным. А Маринке и Аньке я уже сказала! И не смотри на меня так, Женька! Что здесь такого? Пусть знают, какого ты себе классного парня отхватила, а то эта миска-Лиззка ему проходу не дает и себе цены не сложит. Маринка с ней в группе, она меня утром с Люковым видела, пристала с расспросами, короче... – уныло обрывает поток бессознательного Крюкова и грустно садится на постель. – Короче, поздно пить «Боржом», подруга. А ноутбук я принесла.

– Та-ань, я тебя убью.

– Ай, – отмахивается угрюмо Танька, – напугала, Воробышек. Я бы себя сама убила, если бы мне за это ничего не было. Вот интересно, – забирается с ногами на постель и заботливо подтыкает подо мной одеяло. – Скажи, Жень, а тебе Люков снился? Нет, не дома или в общежитии, а вот здесь? На этой подушке?

Я еще обижаюсь на нее, а потому спрашиваю недовольно, разлепив один глаз:

– А зачем тебе это знать?

– Да так, интересно, правду говорит народная примета, или врет, не краснея. Так как?

– Не снился, – бурчу я тихо. Мало ли что Таньке на ум взбрело? А тот мой сон, где мы летим с Ильей над морем на вертолете, так это Домовой своим урчанием мозг надоумил, не иначе.

– Жалко, – кривит улыбку девушка. – Значит, врет. Мне вот тоже Серебрянский не снился, когда мы у его тетки ночевали. А я трижды подушку под щекой взбивала и вертела со словами: «На новом месте приснись жених невесте», – и ничего. Не приснился.

– Крюкова, ты сама ребенок, честное слово. Тебе двадцать лет, не поздновато верить в народные предания? И потом, Тань, вы же у тетки, а не у Вовки дома ночевали, вдруг, не сошлись звезды и все такое? Не бери в голову.

– Да я и не беру. Просто интересно стало. Ты спи, Жень, я посижу еще немного, фильм досмотрю. Сейчас вторую часть должны показывать, где Мариоша возвращается. Буду уходить, разбужу.

Но Танька будит меня раньше. Мне кажется, уже через несколько минут, едва я закрываю глаза, ее ладонь касается моего плеча, а губы настойчиво шепчут:

– Женька, проснись! А смотри, что я нашла! Да проснись же! Открой глазки, Хаврошечка, потом додрыхнешь, когда я уйду. А то мне одной смотреть скучно!

– Что случилось? – я неохотно выбираюсь из-под одеяла и провожу ладонями по лицу. – Что ты нашла, Тань? – с трудом проталкиваю воздух сквозь колючее горло и ползу плечами вверх по подушке. – И который сейчас час?

– Девять вечера, Воробышек. Петушок свое отпел, Серебрянский за мной уже выехал, бульон я тебе сварила, так что быстренько смотрим компромат, и я убегаю.

– Чего? – шепчу я, поворачиваю голову вслед за многозначительным взглядом девушки и замечаю у дальней стены открытую дверцу узкого бюро. – О, нет, Крюкова! – нахожу запястье Таньки и в ужасе крепко впиваюсь в него. – Ты с ума сошла! Ты зачем залезла в чужой шкаф? Что оттуда взяла?

И Танька, как ни в чем не бывало, отвечает:

– Всего лишь фотоальбом!

* * *

– Молодой человек! – я застываю в проходе между рядами кресел и с вопросом в глазах оборачиваюсь к обратившейся ко мне женщине лет тридцати. Высокой и яркой, со смущенной улыбкой школьницы и взглядом куртизанки, накидывающей на плечи дорогую меховую шубку. – Вы не могли бы помочь даме снять с полки сумку? Будьте любезны. Да-да, вот эту! Ох, спасибо, – она невзначай касается плечом моей груди и кокетливо вздергивает подбородок. Говорит грустно: – Никак без мужчины в таких делах не обойтись. Сколько раз зарекалась одна летать, сколько просила мужа сопровождать меня, все без толку. Извечные мужские отговорки: серьезный бизнес и нехватка времени! А мне в Астане такой мануальщик замечательный попался – талант, право слово. Дважды в год к нему летаю на курс терапии, и все одна, да одна. А вы в гости прилетели, или вернулись домой? Вам есть, где остановиться? Так уж случилось, что я знаю парочку хороших гостиниц с уютными номерами и неплохой ресторанчик...

Город встречает меня холодным ветром и легкой снежной метелью. Незнакомка тараторит все время, пока я выхожу из самолета и спускаюсь по трапу. Замечает что-то

насчет погоды и такси, и так некстати исчезнувших грузчиков, но я не слушаю ее. Когда за нашими спинами закрываются высокие двери здания аэропорта и мы оказываемся в спешащей к автостоянке суетливой толпе, я взглядом нахожу свою машину и холодно бросаю незнакомке через плечо вместо прощания, так и не запомнив ее в лицо:

– Извини, дорогая, но сил на тебя нет. Да и желания тоже.

Из аэропорта я еду в банк, а после сразу набираю межгород. Матвей долго не берет трубку – старый хрыч, он, наверняка, увидев мой звонок, тут же созванивается со своим доверенным человеком и проверяет банковский счет. И я, зная характер Байгали, терпеливо жду, слушая гудки, безмятежно наблюдая за стелящейся по земле поземкой. Перевожу взгляд на работающие дворники и уношусь мыслями в позавчерашний день, пока где-то далеко отсюда мыши Матвея послушно шуршат, решая его вопросы.

– Ну, здравствуй, сынок! – обманчиво добрый голос Байгали, неожиданно раздавшись в телефоне, возвращает меня в сегодняшнее, развеивая всплывший в памяти образ темного зала богатого дома Шамана. Дюжину молчаливо замерших людей, вставших вокруг меня в тени освещенного круга, и темноволосого Алима, без сознания лежащего у ног. Заставляет закрыть глаза, успокоиться и отпустить из рук дрожь. Ту дрожь, что не уйдет еще долго, служа платой за то взвинченное бесчувственное состояние, в которое я сознательно загнал тело и разум.

– Как все прошло, мой мальчик? Вижу, перевел денежки старику. Ай, спасибо! Да не забудет тебя Аллах! Что бы я без тебя делал? Теперь вот будет на что лекарство и айран купить.

– Твоими молитвами жив, старый лис, – усмехаюсь я, живо представляя себе изрезанное морщинами и оспинками хитрое лицо степняка. – Богатство бедняка – его здоровье, не гневи Всевышнего, – говорю и признаюсь: – Матвей, я ждал тебя.

Он долго вздыхает и шамкает сухими губами, затем отмахивается негромким возгласом:

– Ай! Не люблю я эти самолеты, сынок! Где небо, где земля – шайтан разбери! А потом, тяжело с Шаманом говорить нынче. Совсем злой стал. Волк думает о брюхе, а овца – о жизни. Не понимаю я его.

– Это ты-то овца, Байгали? – называю я по имени того, кто когда-то поверил в меня и поставил на мою жизнь. – Любовь к поговоркам сделала из тебя философа.

– Ай, брось! – смеется старик, и я вместе с ним. – Черная коза от земли голову не поднимает, знай, траву щиплет, силой крепчает, да козлят поит, так и я. А то, что волков не боится, так это волки нынче паршой болеть стали. Иной раз и козе на рога попасть робеют.

Голос мужчины меняется и уже без тени веселья, родившийся Матвеем, но нарекший себя Байгали, интересуется:

– Шаман говорит: не задержался ты у него в гостях. Оставил гостеприимный дом. Что так, сынок? Надеюсь, Айдар хорошо тебя принял?

– Хорошо, Матвей. Но я не в гости к нему ехал, так что обременять собой не стал. Это все, или ты еще о чем-то хочешь спросить?

– Не больно-то словоохотлив Айдар стал. Не уважил старика, не поведал в личной беседе, что да как, на тебя сослался. Вот и расскажи, мальчик мой, чем дело кончилось? Не скромничай. Все ж не сторонний я тебе человек. А я уж, только здоровье поправлю, навещу друга, растолкую, раз запамятовал, о жизни и об уважении. И о ребятах моих, которых он обидел, в дом да к столу не пригласив.

– Все закончилось как в прошлый раз, Матвей. Хотя, пожалуй, прошло куда интересней.

– Ты снова оставил Алим у его никчемную жизнь?

– Условия встречи с прошлого раза изменились. Ты знал. Я бы не пошел на это даже за куда большие деньги. Алим неплохой боец, но...

– Он послушный пес! – обрывает меня старик, и я так и слышу в его голосе гневный рык. – Бесхребетный и глупый! А ты – нет! Вот потому и за честь Шаману тебя сломать! Отомстить за бесславие сына! Но ты еще дурак и сопливый мальчишка! Зачем мне сразу не сказал против кого выступаешь? А я-то понять не могу, отчего между своими тишина, и почему Айдар платит? Почему на одном лишь интересе? Пока не нашелся добрый человек и не объяснил старику, что никто тебя шадить не хотел! Потому и без ставок бой шел!.. Но хорошо то, что хорошо кончается, – умеряет он свой пыл и возвращается к нормальному тону. – Пока я жив, мой мальчик, это была ваша последняя встреча с Алимом. Разозлил меня Шаман.

– Будь осторожен, Байгали, – желаю я пятидесятилетнему мужчине, так рано постаревшему и записавшему себя в старцы. – Айдар изменился и его окружение тоже.

И слышу в ответ:

– Болячки передаются через руки, а парша – через тубетейку. Бойся парши, сынок, а с руками я разберусь. Коротки они, потянутся, да моего не обрящут. Отыщется у Байгали и на волка капкан.

* * *

– О, Илюха, привет! Рад тебя слышать. Ты когда вернулся?

– Здоров, Шибубев. Час назад. Сейчас еду домой. Как там девчонка, ты к ней заглядывал?

– А как же! Обижает. Раз пять забегал, последний раз сегодня утром. Нормально девчонка, судя по всему. Хрипит слегка, о большем сказать не могу.

– То есть? Почему не можешь?

– Да не пускает она меня, Илюха! Черт, и где ты ее такую пугливую нашел? Как не приду, у нее один ответ: иди, бегай горными тропками, злой тролль! Илы дома нет, а без него тебе здесь делать нечего! Я ей даже стихи читать пытался, через дверь, представляешь! Между прочим, лирику молодого Евтушенко! Так она сказала, что у меня нет чувства ритма поэта, голос звучит неправдиво, а пафос зашкаливает. Что у нее от меня болит голова, и вообще, она устала уже отгонять от двери воющего кота, ах-ха-ха! Это у меня-то неправдиво? У апологета чистого слога и знатока девичьих душ? Прикинь, какой расклад!

– Что, вот так и сказала? Я про пафос.

– Хорош стебаться, Люков, просто верь на слово. У меня и так после твоей пациентки в душе надлом и революция. А все из-за чего? Из-за необыкновенных серых глаз!.. Кстати, а как нашу гостью зовут-то? Мне она так и не представилась.

– Воро... Только попробуй, Шибубев! Я серьезно. Кастрирую и вгоню осинового кола, тут и прервется знаменитая династия врачей.

– Ха-ха! Да понял я, не маленький, гляди, сердитый какой! Можешь не озвучивать.

– Ты о чем, Андрей?

– О том, что между тобой и девчонкой ничего нет! Я так Марго и сказал, когда увидел

на следующий день в клубе, что это не нашего с ней ума дело, кем увлечен Илья Люков. Хотя жаль, конечно, что не я первый сероглазку нашел. По мне девочка, такая милая, ладненькая...

– Ш-шибуев... п-пошел ты!

– Куда? На набережную? Так я всегда рад, Илюха.

* * *

Я поднимаюсь по лестнице и подхожу к своей квартире. Тянусь рукой за ключами, опуская сумку на пол и щелкая молнией внутреннего кармана куртки, как вдруг замечаю, что входная дверь в квартиру слегка приоткрыта, а из прихожей льется узкая полоса света.

Странно, у Воробышек гости? Или девчонка ушла, оставив дверь открытой? Почему-то мне кажется, что такая беззаботность в отношении чужого жилья вовсе не свойственна ей.

Недолго думая, я уверенно распахиваю дверь и захожу внутрь. Не успеваю бросить сумку у стены, как сталкиваюсь с высоким темноволосым парнем, шагнувшим навстречу с мусорным пакетом в руке.

– О! Ты кто такой? – удивленно восклицает незнакомец и тут же шипит зло, обхватив рукой мою сжатую в кулак ладонь, смявшую одежду на его груди. – Пусти, придурок, а то я за себя не отвечаю! – пытается вырваться из моей хватки, но я только сильнее встряхиваю его. – Черт! Порвешь, гад! Ах, так?! Н-на! – бросает пакет под ноги и умело целит мне в лицо кулаком, но оказывается прижатым спиной к стене, с моими пальцами на шее, а я наконец замечаю свою заикающуюся гостью, испуганно бросившуюся к нам из комнаты.

Она что-то говорит мне, но я не слышу. Я только смотрю на нее и чувствую, как у меня начинает дрожать рука и усиливается хватка. Не знаю, замечает ли это Воробышек – наверно, да, потому что девчонка вдруг подходит ко мне, очень близко, почти вплоты, и кладет руки на мои предплечья.

– Илья! – умоляюще заглядывает в глаза. – Пожалуйста,пусти его! Слышишь! Пожалуйста, Илья! Это мой брат!

Голос у птички еще слабый, с заметной хрипотцой, но уже не такой сиплый, каким запомнился мне в нашу последнюю встречу. А вот небольшие, аккуратные ладони, напротив, оказываются весьма требовательными. Они несколько раз ударяют меня по плечам, бессильно скользят по напряженным рукам, цепляясь за кожу куртки, и возвращаются на бледные щеки отпрянувшей девушки. С неприкрытой тревогой уставившейся на того, кто оказался настолько важен для нее, что она бесстрашно впустила его в мою квартиру.

Брат Воробышек? Неужели?

Я поворачиваю голову вслед за птичкой и смотрю на парня. Долго и внимательно.

Что-то щелкает в моей голове, громко, словно срабатывает послушный тумблер, внезапно снижая критичный предел давления, и я вдруг с удивлением понимаю, что парень под моей рукой – совсем мальчишка. Сопливый юнец, темноволосый и долговязый, с угревой сыпью на покрасневших щеках и молочным пухом под носом. Растерянный, изумленный, тщетно скрывающий испуг за гневно перекошенным ртом. Намертво вцепившийся в мою ладонь в попытке отодрать сдавившие горло пальцы.

Че-ерт! Черт!!! Надо что-то делать со своими нервами. Иначе однажды хваленая выдержка даст трещину куда большую, чем сейчас, и я окажусь в избитой шкуре Алима. И

тогда взобраться на высокую каменную стену, что когда-то возвел на моем пути учитель и заставил болью преодолеть, я уже не смогу никогда.

Я не люблю алкоголь, но сейчас, когда смотрю на отпущенного мной, сгорбленного у стены мальчишку и бледную девчонку, мне хочется выпить как никогда, чтобы изгнать из рук проклятую дрожь, из души вину, а из сердца... А из сердца клубящуюся темную муть. И чтобы избавить голову от пробранных в нее непрошенных мыслей.

– Даня, ты как? Все хорошо? – щебечет птичка, поднимается на носочки и заботливо обнимает мальчишку за плечи. Обернувшись ко мне, говорит с изумленным укором: – Люков, ты с ума сошел! Разве так можно? Ты ведь даже не спросил ничего – сразу набросился! А если бы они оказались тут без меня?.. О Господи, я же только попросила брата выкинуть мусор!

Не знаю, что удивляет меня больше – отеческое щебетанье девчонки над возвышающимся над ней на целую голову парнишкой или недосказанность в словах? Наверно, все-таки второе.

– Они? – поднимаю я бровь, глядя на девушку, и холодно интересуюсь: – У тебя еще гости, Воробышек, кроме этого юнца? Интересно...

– Ну да, – слышу я вдруг за своей спиной еще один недовольный голос. – Вообще-то, он тут такой урод не один.

Терпеть не могу неожиданные сюрпризы из-за спины. Обычно меня удивить трудно, но гостям птички это удается. Когда я стремительно поворачиваюсь на голос и притягиваю незнакомца к себе за грудки, то внезапно натываюсь на абсолютную копию парня, стоящего у стены. Близнецы? Или у меня двоится в глазах? Ни черта себе!

– Илья, да что с тобой! – восклицает Воробышек и повисает на моей руке. – Не смей его трогать! Слышишь! – сипит куда-то в плечо, хлопая меня ладонью по куртке. – Немедленно отпусти!

Но девчонка зря переживает, на этот раз я вполне контролирую себя и не намерен усердствовать в силе. Да и мальчишка оказывается совсем не из пугливых.

– Слышь, перец, – спокойно говорит он надтреснутым, юношеским баском, глядя на меня в упор сердитыми синими глазами, – ты, конечно, нереально крут и все такое, но прокачай уже свои ключные тормоза, лады? Сними клешни, мы ж тебе вроде как не чужие. Кстати, респект, сеструха! – криво скалится раскрывшей рот в видимом желании возразить девчонке. – С ним ты реально можешь плевать на Игорька с высокой вышки! Зря мать с бабкой переживают. Мне он нравится.

– Ванька, заткнись! – неожиданно строго командует Воробышек. – Нечего слушать симпатичных девчонок и верить всему, что они говорят. Только вернись в общежитие, собственноручно отрежу Крюковой язык и прибью гвоздем к стене, чтобы лишнего не болтала, – сердито хмурится и как всегда, только ей присущим аккуратным жестом, поправляет очки. Облегченно опускает плечи, когда я отталкиваю от себя парнишку. – Ребята, вам лучше уйти, – просит, снимая с моей руки пальцы и затягивая под подбородком распахнувшийся ворот плюшевого халата. – Я сейчас оденусь и спущусь к вам, подождите внизу.

Она суетливо оглядывается, наклоняется и вручает брату упавший мусорный пакет.

– Илья, извини, что так вышло, – поворачивается ко мне. – Я понимаю, что поступила своевольно, впустив мальчишек в твою квартиру, но не могла их оставить за дверью, раз уж братья нашли меня. Я только хотела напоить их чаем и все.

– Чаем?! – возмущенно выдыхает от двери юнец, который Ванька, и недовольно фыркает. – Ну уж нет! Ты как хочешь, Женька, а я жрать хочу! Сильно! Мы тут с Данилой с самого утра в городе торчим: сначала соревнования, затем выступление чемпионов из столицы, а потом ты на повестке дня. Тут же полная сумка, блин! Мать нагрузила, да еще ты в магазин послала. Тебе что, двух бутеров с колбасой для любимых братьев жалко и тарелки макарон, да? На фига тогда с ним жить, если он такой жлоб? – нагло смотрит на меня. – Что, любовь-морковь, а родня – побоку?

Бледные щеки Воробышек вспыхивают пятнами румянца, а глаза опускаются. Девчонка в сильном смущении и растеряна – иногда мне кажется, я чувствую ее гораздо лучше, чем следовало бы, и это почему-то не удивляет меня.

– Ваня, Даня, я прошу, – упрямо бормочет она, – подождите внизу. Пожалуйста! Я все объясню.

– Ты? Ну, нет, сеструха, – косит на меня ехидный глаз наглый юнец, – пусть лучше *этот* объяснит, чего это он руки распускает!

Мои пальцы вновь цепляют мальчишку за грудки и подтягивают упирающееся тело ближе.

– Так, иди сюда, умник. Как зовут? – спрашиваю я, хотя, конечно, вполне расслышал имя.

– Х-ха! – вырывается наглец. – Ты что, глух...

Я вновь невежливо встряхиваю его и улыбаюсь нехорошей улыбкой.

– Я, кажется, спросил...

– Да слышал я! – психует пацан. – Обычно Иваном, иногда Ванькой. А вот тот угод у стены – Птицем. Маман – сынулей, ну а бабка – когда внучком, а когда бесстыжим прожорливым удавом. Годится такой ответ?

– Вполне, – усмехаюсь я. Определенно чувство юмора у мальчишки есть. Странно только, что он об отце не упомянул. – Так вот, Удав, у *этого*, – тычу пальцем в себя, – тоже есть имя, Илья. Человеческое и легко произносимое. Повтори, – снова встряхиваю пацана.

– Ну-у, эм... Эй, ты чего?! – огрызается он на мой новый требовательный тычок в грудь. – Да понял я, Илья же!

– Молодец, – соглашаюсь, опуская руку, – так и заруби на носу. И запомни на будущее, родственничек, – поворачиваюсь и киваю через плечо на подобрывшуюся девушку, – чтобы я больше от тебя грубое «сеструха» не слышал, ясно? Накажу. А сейчас сгребай своего клона и топайте на кухню, пока я добрый.

* * *

Как некрасиво получилось! И с мальчишками, и с их словами. Ужас! Мне так стыдно, что я готова на месте сгореть от стыда. И даже странная, агрессивная реакция Люкова на неожиданных гостей в его доме вполне объяснима, хоть и оказалась полнейшей неожиданностью для меня, а вот наше семейное вторжение на его территорию – нет.

Мальчишки послушно топают на кухню, а я остаюсь стоять рядом с Ильей, глядя, как он медленно разувается и устало скидывает с плеч дорогую куртку. В этих широких, крепких плечах чувствуется какое-то странное напряжение, как и во всей его гибкой фигуре, но вот какое, я понять не могу. Как не могу просто развернуться и оставить Люкова одного, хотя

сейчас это кажется вполне логичным.

К моим ногам подходит урчащий Домовой, трется мохнатым боком о голую голень и так же, как я, останавливает взгляд на хозяине. «Привет», – говорит протяжно на своем кошачьем, требовательно оглядывается на меня, и я с огорчением вспоминаю, что так и не поздоровалась с парнем.

– Здравствуй, Илья, – подступаю к его спине и тихо произношу, стараясь, чтобы голос звучал не слишком хрипло, а братья не слышали меня: – Тебя долго не было. Я беспокоилась.

Он замирает, как будто пойманный моими словами в клетку, затем, очнувшись, не спеша задвигает зеркальную дверь шкафа и поднимает глаза на свое отражение. Медленно скользит взглядом по хмуро сжатым в тонкую жесткую линию губам, по колючим глазам, холодно сверкающим в обрамлении теней, пробравшихся под кожу век, и по заросшим темной щетиной скулам.

– Долго? – переспрашивает как-то отрешенно. – Всего четыре дня.

Он устал, внезапно понимаю я. Очень. И чем-то подавлен. Это понимание как-то странно отзывается в моем сердце, толикой непривычного беспокойства и неясной тревоги, словно всегда жившая в нем тонкая иголочка, вдруг кольнув, не чая того, угодила в место, которое особенно уязвимо и болезненно для меня.

Я не могу в себе разобраться, чувство слишком неожиданно и ново, и я, недолго думая, говорю, пряча за тронувшей губы улыбкой растерянность:

– Да, длинные четыре дня, в которые я успела поверить, что Илья Люков навсегда обо мне забыл.

Он, наконец, разворачивается и стаскивает с головы бандану. Устало запускает руку в рассыпавшиеся по лбу и вискам волосы.

– Привет, Воробышек, – говорит, чуть приподняв в ответ на мою улыбку уголок рта. – Как ты? – смотрит так, словно ему действительно это безразлично.

И я пожимаю плечом, честно отвечая:

– Хорошо.

Он все еще смотрит, и я продолжаю:

– Мне намного лучше, спасибо тебе, Илья. За все. Ты очень помог, правда. А братья... – я оглядываюсь в сторону кухни и вздыхаю, – так уж случилось, что братья тут. Извини. Я поговорю с мальчишками и все объясню. Если бы они не думали, что м-между нами что-то есть, – я на мгновение смущаюсь своих слов и его прямого карега взгляда, – они бы не вели себя так дерзко. Иван и Данил хорошие ребята и, в сущности, еще дети...

[Купить полную версию книги](#)